

ISSN 2304-9790 (Print)
ISSN 2541-9013 (Online)

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия Акмеология образования.

Психология развития

2020

Том 9

Выпуск 4

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Научный журнал
2020 Том 9

ISSN 2304-9790 (Print)
ISSN 2541-9013 (Online)

Серия Акмеология образования. Психология развития, выпуск 4(36)

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

Издается с 2012 года

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Акмеология образования

Паутова Л. Е., Жаринова Е. Н. Акмемоделирование в деятельности преподавателя: модели продуктивности и профессионализма 306

Данилов С. В. Логистика педагогических инноваций: парадигмы развития в образовательном холдинге 317

Теоретико-методологические подходы к исследованию развития психики

Рягузова Е. В. Коллективная и семейная память в контексте взаимодействия Я и Другого 324

Кленова М. А. Условия преодоления дискриминационных установок в современном обществе 331

Психология социального развития

Толочек В. А. Профессиональный менталитет как динамичное образование 338

Дробышева Т. В., Ларионов И. В., Филинкова Е. Б. Социально-психологическая пресыщенность молодежи условиями проживания в мегаполисе: концептуальный подход и результаты исследования 350

Гриценко В. В., Муращенкова Н. В., Ефременкова М. Н. Представления смоленских студентов о мотивах эмиграции современной российской молодежи 358

Стрижицкая О. Ю., Муртазина И. Р., Бабакова Л. В., Александрова Н. Х. Представления об одиночестве в России и Болгарии (на примере студентов) 367

Невский Е. В. Анализ взаимосвязи приверженности к гражданской активности и социально-психологических характеристик студентов 377

Педагогика развития и сотрудничества

Александрова Е. А., Ахметов С. И., Атна М. Р. Преимущества и направленность электронного взаимодействия в веб-обучении 385

Приложения

Хроника научной жизни

Скворцова В. О. Международная научно-практическая конференция «Специальное образование и социокультурная интеграция – 2020: междисциплинарный подход к научным исследованиям и разработкам в области коррекционной педагогики и психологии» 392

Журнал «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Акмеология образования. Психология развития» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76641 от 26 августа 2019 г.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (специальности: 13.00.01; 13.00.08; 19.00.01; 19.00.05; 19.00.07; 19.00.13). Журнал входит в Международную базу данных DOAJ

Индекс издания в объединенном каталоге «Пресса России» 84823, раздел 30 «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов». Журнал выходит 4 раза в год

Директор издательства
Бучко Ирина Юрьевна

Редактор
Певная Татьяна Константиновна

Художник
Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист
Кочкаева Инна Анатольевна

Верстка
Ковалева Наталья Владимировна

Технический редактор
Каргин Игорь Анатольевич

Корректор
Кочкаева Инна Анатольевна

Адрес учредителя, издателя и издательства:
410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Тел.: (845-2) 51-45-49, 52-26-89
E-mail: izvestiya@sgu.ru

Подписано в печать 15.12.20.
Подписано в свет 21.12.20.
Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 10,70 (11,5).
Тираж 500 экз. Заказ 100-Т.
Цена свободная

Отпечатано в типографии Саратовского университета.
Адрес типографии:
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2020

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал принимает к публикации на русском языке общетеоретические, методические, дискуссионные, критические статьи, результаты исследований в области акмеологии образования, психологии развития и связанных с ними отраслей науки и практической деятельности.

Представляемые рукописи должны соответствовать тематике журнала, быть оригинальными, не опубликованными ранее в других печатных или электронных изданиях. Представляя в редакцию рукопись, автор берет на себя обязательство не публиковать представленный текст до опубликования его в журнале. При любом последующем воспроизведении опубликованных в журнале материалов ссылка на журнал обязательна.

Объем публикуемой статьи 10 страниц. Текст статьи может содержать до 5 рисунков и 4 таблиц. Таблицы и рисунки не должны занимать более 20% общего объема статьи. Статья должна быть аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Последовательность предоставления материала:

на русском языке: УДК; название статьи; фамилия и инициалы автора (-ов); данные об авторах: фамилия, имя, отчество полностью; должность; ученая степень; ученое звание; адресные данные автора (-ов) (организация (-и), адрес организации (-й), электронная почта всех или одного автора; аннотация (резюме); ключевые слова; текст статьи; библиографический список;

на английском языке: название статьи, фамилия и инициалы автора (-ов); данные об авторах: фамилия, имя, отчество полностью; должность; ученая степень; ученое звание; адресные данные автора (-ов) (организация (-и), адрес организации (-й), электронная почта всех или одного автора; аннотация (резюме); ключевые слова; библиографический список в романском алфавите (REFERENCES). Транслитерация на латинице (формат BGN) с последующим указанием названия цитируемой работы – на английском языке.

Структура и содержание статей:

– название статьи должно кратко, но максимально точно отражать затронутую проблему. Рекомендуемая длина названия – не более семи слов (не включая предлоги и союзы);

– аннотация (150–250 слов) должна отражать основное содержание работы и включать: цель исследования, гипотезу, описание участников исследования и применяемых методик, результаты исследования, выводы. Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации;

– ключевые слова: 5–7 основных общенаучных или психологических терминов, использованных в тексте, набранных через точку с запятой, с точкой в конце. Их следует упорядочить от наиболее общих, соответствующих проблеме к более дифференцированным.

Редакция приветствует традиционное членение текста на разделы: Введение, Материалы и методы, Результаты, Обсуждение результатов, Заключение (Выводы), выделяемые в статье подзаголовками. Допускается иная структура соответственно специфике конкретной статьи при условии ограниченного объема и четкого именованного разделов.

Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: <http://akmepsy.sgu.ru>

Датой поступления статьи считается дата поступления ее окончательного варианта. Возвращенная на доработку статья должна быть прислана в редакцию не позднее чем через три месяца. Материалы, отклоненные редколлегией, не возвращаются.

Адрес для переписки с редколлегией: akmepsy@mail.ru

CONTENTS

Scientific Part

Educational Acmeology

Lyudmila E. Pautova, Evgenia N. Zharinova. Acme-modeling in the Teaching Profession: Models of Productivity and Professionalism 306

Sergey V. Danilov. Logistics of Pedagogical Innovations: Paradigms of Development in Educational Holding 317

Theoretical and Methodological Approaches to Investigations of Psyche Development

Elena V. Ryaguzova. Collective and Family Memory in the Context of "I and Others" Interaction 324

Milena A. Klenova. Conditions for Overcoming Discriminatory Affirmations in Modern Society 331

Psychology of Social Development

Vladimir A. Tolochek. Professional Mentality as a Dynamic Structure 338

Tatiana V. Drobysheva, Ivan V. Larionov, Evgeniya B. Filinkova. Young People's Social and Psychological Satiety with Life in a Megapolis: Conceptual Approach and Research Results 350

Valentina V. Gritsenko, Nadezhda V. Murashchenkova, Maria N. Efremenkova. Representation of the Motives of Emigration of Modern Russian Youth among Smolensk Students 358

Olga Yu. Strizhitskaya, Inna R. Murtazina, Lilia V. Babakova, Natalia Ch. Alexandrova. Representations of Loneliness in Russia and Bulgaria (the Case Study of Students) 367

Egor V. Nevski. Analysis of Relationship Between Commitment to Civic Engagement and Socio-Psychological Characteristics of Students 377

Pedagogy of Development and Cooperation

Ekaterina A. Alexandrova, Stepan I. Akhmetov, Mohamed R. Attia. Advantages and Directions of Electronic Interaction in Web-Learning 385

Appendices

Chronicle of Scientific Life

Veronika O. Skvortsova. International Scientific and Practical Conference: "Special Education and Socio-Cultural Integration – 2020: Interdisciplinary Approach to Research and Development in the Field of Correctional Pedagogy and Psychology" 392

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: АКМЕОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ.
ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ»**

Главный редактор

Шамионов Раиль Мунирович, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Александрова Екатерина Александровна, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Бочарова Елена Евгеньевна, кандидат психол. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Акопов Гарник Владимирович, доктор психол. наук, профессор (Самара, Россия)
Александрова-Хауэлл Мария, M.S. (Оклахома, США)
Арендачук Ирина Васильевна, кандидат психол. наук, доцент (Саратов, Россия)
Баева Ирина Александровна, доктор психол. наук, академик РАО (Санкт-Петербург, Россия)
Баранускаене Ингрида, Dr. Sci. (Social), профессор (Клайпеда, Литва)
Витрук Эвелин, Dr. Sci. (Psychology), профессор (Лейпциг, Германия)
Гарбер Илья Евгеньевич, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Головей Лариса Арсеньевна, доктор психол. наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
Григорьева Марина Владимировна, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Демакова Ирина Дмитриевна, доктор пед. наук, профессор (Москва, Россия)
Домбровский Валерийс, Dr. Sci. (Psychology), профессор (Даугавпилс, Латвия)
Знаков Виктор Владимирович, доктор психол. наук, профессор (Москва, Россия)
Константинов Всеволод Валентинович, доктор психол. наук, доцент (Пенза, Россия)
Осмоловская Ирина Михайловна, доктор пед. наук, профессор (Москва, Россия)
Панов Виктор Иванович, доктор психол. наук, чл.-корр. РАО (Москва, Россия)
Поляков Сергей Данилович, доктор пед. наук, профессор (Ульяновск, Россия)
Рахимбаева Инга Эрленовна, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Рягузова Елена Владимировна, доктор психол. наук, доцент (Саратов, Россия)
Симулиониене Рома, Dr. Sci. (Psychology), профессор (Клайпеда, Литва)
Скутил Мартин, Dr. Sci. (Pedagogic), профессор (Градец Кралове, Чехия)
Фулоп Марта, Dr. Sci. (Psychology), профессор (Будапешт, Венгрия)
Фурманов Игорь Александрович, доктор психол. наук, профессор (Минск, Беларусь)
Черникова Тамара Васильевна, доктор психол. наук, профессор (Волгоград, Россия)
Шакурова Марина Викторовна, доктор пед. наук, профессор (Воронеж, Россия)
Янчук Владимир Александрович, доктор психол. наук, профессор (Минск, Беларусь)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«Izvestiya of Saratov University. NEW SERIES.
SERIES: EDUCATIONAL ACMEOLOGY.
DEVELOPMENTAL PSYCHOLOGY»**

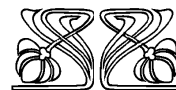
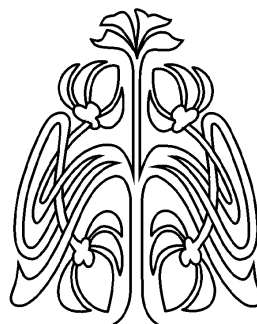
Editor-in-Chief – Rail M. Shamionov (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Ekaterina A. Aleksandrova (Saratov, Russia)

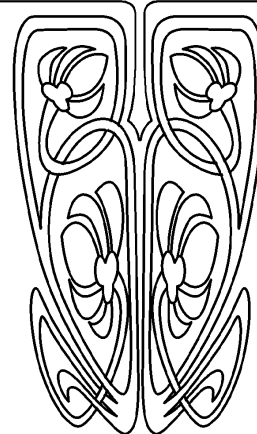
Executive Secretary – Elena E. Bocharova (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Garnik V. Akopov (Samara, Russia)	Irina M. Osmolovskaya (Moscow, Russia)
Maria Aleksandrova-Howell (Oklahoma, USA)	Victor I. Panov (Moscow, Russia)
Irina V. Arendachuk (Saratov, Russia)	Sergey D. Polyakov (Ulyanovsk, Russia)
Irina A. Baeva (St. Petersburg, Russia)	Inga E. Rahimbaeva (Saratov, Russia)
Ingrida Baranauskiene (Klaipeda, Lithuania)	Elena V. Ryaguzova (Saratov, Russia)
Evelin Witruk (Leipzig, Germany)	Roma Simulioniene (Klaipeda, Lithuania)
Ilya E. Garber (Saratov, Russia)	Martin Skutil (Hradec Kralove, Czech Republic)
Larisa A. Golovey (St. Petersburg, Russia)	Marta Fülöp (Budapest, Hungary)
Marina V. Grigorieva (Saratov, Russia)	Igor A. Fourmanov (Minsk, Belarus)
Irina D. Demakova (Moscow, Russia)	Tamara V. Chernikova (Volgograd, Russia)
Valeriy Dombrovskis (Daugavpils, Latvia)	Marina V. Shakurova (Voronezh, Russia)
Victor V. Znakov (Moscow, Russia)	Vladimir A. Yanchuk (Minsk, Belarus)
Vsevolod V. Konstantinov (Penza, Russia)	

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

АКМЕОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 159.9:378

Акмео моделирование в деятельности преподавателя: модели продуктивности и профессионализма

Л. Е. Паутова, Е. Н. Жаринова

Паутова Людмила Евгеньевна, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, руководитель Учебно-методического центра ДПО ФГБНУ ВНИИ «Радуга», Московская область, Коломенский район, поселок Радужный, cosidanie35@yandex.ru

Жаринова Евгения Николаевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры физического воспитания, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургская государственная академия ветеринарной медицины», andromeda55@mail.ru

Актуальность исследования определяется тем, что в условиях трансформации системы образования преподавателю особенно важно знать, понимать процесс моделирования образовательной деятельности с акмеонаправленностью на конечный результат в студенте. Это предполагает сформированность у преподавателя профессиональных компетенций и компетентностей в сфере моделирования образовательных систем и личностно-профессионального акмеразвития обучающегося. Цель исследования заключается в научно-практическом анализе понятия и процесса акмео моделирования в профессиональной деятельности преподавателя и определении его основных элементов как метода развития продуктивных компетентностей преподавателя в профессиональной деятельности. Гипотеза исследования заключается в том, что знание и внедрение технологии акмео моделирования в профессиональную деятельность преподавателя способствует развитию его высокопродуктивных профессиональных компетентностей и достижению результатов у обучающихся как основной показатель его высокого профессионализма. Использованные методы: теоретический, логический, научно-практический анализ; систематизация и интерпретация результатов исследования. В соответствии с законами акмеологической теории фундаментального образования, теорией функциональных систем, акмесинергетической и социально-синергетической концепцией развития социальных систем предпринята попытка выделения разных видов моделей продуктивных профессиональных компетентностей преподавателя, их характеристик с учетом единого критерия качества образования в системе профессионального образования разных уровней. По итогам проведенного исследования, во-первых, теоретически обоснованы и определены особенности акмео моделирования как метода развития продуктивности преподавателя в профессионально-образовательной деятельности, во-вторых, выделены и даны характеристики инвариантных идеализированных моделей в деятельности преподавателя, в-третьих, уточнены функциональные элементы деятельности образовательной системы и выделены взаимосвязанные структурные элементы для всех инвариантных идеализированных моделей продуктивности.

Ключевые слова: акмеологическая теория, акмео моделирование, инвариантные идеализированные модели, продуктивная компетентность, критерии качества и образ результата.

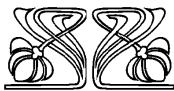
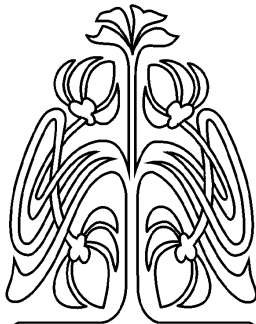
Поступила в редакцию: 11.11.2019 / Принята: 07.09.2020 / Опубликовано: 21.12.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

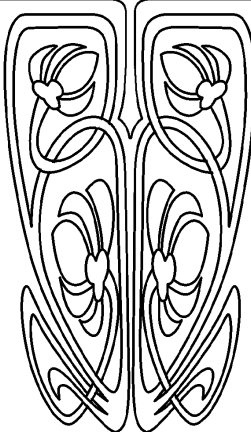
DOI: <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2020-9-4-306-316>

К постановке проблемы

Продуктивность в деятельности преподавателя, согласно акмеологической теории фундаментального образования и профессионализма Н. В. Кузьминой [1], социально-синергетической, акмесинергетической концепции В. П. Бранского и С. Д. Пожарского [2], определяется

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

признаками проектируемого образа конечного результата профессионально-образовательного взаимодействия основных субъектов образования (преподаватель и студент) и уровнем их развития в личности выпускника как критерия оценки акмедеятельности преподавателя. Такой подход к формированию системы профессионально-образовательной деятельности и развитию личности специалиста в ней предполагает непрерывные аналитико-проектно-рефлексивные действия преподавателя как активное ее начало, поскольку преподаватель, во-первых, является определяющим звеном в системе формирования профессиональных компетенций будущего специалиста, во-вторых, задает вектор его личностно-профессионального становления, представления об образе наивысших результатов в будущей самостоятельной деятельности, в-третьих, «моделирует» потенциальные «акме» студентов. Все это определяет основную роль преподавателя как создателя образовательного пространства. При этом основным профессионально-образовательным средством преподавателя является преподаваемая учебная дисциплина, в рамках которой реализуется и развивается продуктивное образовательное взаимодействие с направленностью на акме-результат у студента (выпускника) как критерий оценки продуктивности преподавателя. Выделенные акмеологические особенности продуктивности и профессионализма преподавателя в образовательной деятельности предполагают наличие у него сформированных компетенций и компетентностей акмеомоделирования образовательного процесса.

Цель настоящей работы – обоснование и характеристика акмеомоделирования как понятия и системного элемента профессионально-образовательной высокопродуктивной деятельности преподавателя.

Методологические основы

Теоретической и научно-практической основой для изучения акмеомоделирования как самостоятельного элемента профессиональной деятельности преподавателя являются: системный подход к исследованию профессиональной деятельности Б. Г. Ананьева [3], Н. В. Кузьминой [4], Б. Ф. Ломова [5]; методологический принцип единства психики и деятельности Б. Г. Ананьева [6], А. Н. Леонтьева [7], С. Л. Рубинштейна [8], А. А. Смирнова [9]; акмеология развития Н. В. Кузьминой и ее научной школы [10]; методологические основы исследования образовательных систем Н. В. Кузьминой и Е. Н. Жариновой [11]; акмеологическая теория фундаментального образования Н. В. Кузьминой [4]; акмеологический подход к повышению продуктивности образования в университете Н. В. Кузьминой, Е. Н. Жариновой [12, 13]; акмеологический подход к процессу модели-

рования как метода познания и средства обучения А. С. Турчина [14], Н. В. Кузьминой с соавторами [15]; акмеологическая концепция качества профессиональной деятельности специалиста Н. В. Кузьминой, С. Д. Пожарского и Л. Е. Паутовой [16], повышение продуктивности деятельности преподавателя Н. В. Кузьминой, М. М. Духовной, Н. М. Жаринова, Е. Н. Жариновой [17]; акмеологическая концепция личностного роста будущего специалиста в профессиональной деятельности Н. В. Кузьминой, Н. М. Жаринова, Е. Н. Жариновой [18] и карьерного роста Е. А. Могилевкина [19], Л. Е. Паутовой [20]; акмеологическая концепция формирования профессиональной компетентности Н. В. Кузьминой и В. Н. Софьиной [21]; акмеологические особенности моделирования в процессе становления профессионала Е. А. Помельниковой [22], Л. М. Шибяевой [23]; особенности моделирования в педагогической деятельности В. В. Белова, Т. Б. Зотовой [24], С. А. Усковой [25], О. Я. Гутака, Н. А. Козырева, О. А. Козыревой [26], Е. О. Acquah с соавторами [27, 28], I. A. Greshilova с соавторами [29] и уровня акмеологической зрелости С. А. Назарова [30].

В соответствии с представленными научно-методологическими основами профессионально-образовательной деятельности преподавателя необходимо определить, что каждый ее элемент представляет целенаправленное многоуровневое взаимодействие основных ее субъектов средствами продуктивных коммуникаций и образовательных технологий. К таким технологиям мы относим акмеомоделирование.

Метод моделирования, согласно Н. В. Кузьминой и Е. Н. Жариновой, – это общенаучный метод исследования любых явлений, состоящий в построении и исследовании особых объектов (систем) – моделей других объектов – оригиналов или прототипов, в том числе с использованием математических методов [11, с. 40].

Моделирование физических явлений мы рассматриваем как психическую деятельность по построению модели с целью познания свойств реальной ситуации.

Моделирование, согласно Н. В. Кузьминой и В. Н. Софьиной [21], как процесс раскрывается в деятельности субъекта, в описании ее психического, процессуального и мотивационного состава.

В акмеологической концепции формирования профессиональной компетентности В. Н. Софьиной определяет, что моделирование как деятельность носит конструктивный, исследовательский характер и не сводится к простой перекомпоновке исходной информации. Оно предполагает активные действия исследователя по анализу физической ситуации, извлечению из памяти и ассоциативному рассмотрению различных вариантов преобразования образной и вербальной части модели [21].

Модели в исследовании выполняют функции иллюстративную, трансляционную, объясни-

тельную, предсказательную. Одно из важнейших требований к модели – ее воспроизводимость – строиться таким образом, чтобы выполнялась функция обучения основам профессионального мастерства. При создании модели в профессиональной деятельности Н. В. Кузьмина выделяет пять этапов [11, с. 41]:

- определение объекта исследования;
- активацию накопленных знаний об оригиналах;
- обоснование необходимости применения метода моделирования;
- выбор существенных переменных и постулатов;
- отбор из числа объектов тех, которые наиболее легко поддаются изучению.

При моделировании образовательного пространства и процесса как основном его элементе преподаватель системно предполагает гносеологические, исследовательские, обучающие, коммуникативные, конструктивные и прогностические переменные учебной дисциплины для достижения профессиональных целей-результатов у обучающихся (студентов). Такой подход к формированию образовательного процесса направлен на выявление личностного потенциала основных субъектов (студента и преподавателя), развитие их продуктивных профессиональных компетенций, определение факторов и закономерностей мастерства, достижения «акме» специалиста.

Эффективность сконструированной модели оценивается на основании данных измерений.

Процесс формирования и развития качественных характеристик моделей «акме» разработан в акмесинергетике В. П. Бранским и С. Д. Пожарским [2]. Согласно этому подходу определены некоторые закономерности моделирования процессов движения к «акме» в деятельности, представленные в виде классификации акмемоделей [16, с. 180–185]:

- одновершинная модель;
- многовершинная модель;
- макровершинная модель;
- безнизинная модель;
- развитая макровершинная модель.

Акмеомодели продуктивной деятельности преподавателя, согласно акмеологической теории фундаментального образования Н. В. Кузьминой [1], содержат подсказки для успешного решения множества образовательных задач, полученных в сравнительных исследованиях, и развития продуктивной компетентности специалистов образования – участников исследования.

Исследуя особенности продуктивной деятельности преподавателей профессиональной высшей школы, Л. Е. Паутова предлагает использовать комплексный подход в создании разных моделей деятельности специалистов. Для определения критериев оценки профессиональной деятельности она предлагает исходить из следующей системы взаимосвязей в профессиональном про-

странстве [31, с. 48]: субъект деятельности – профессиональной деятельности – взаимодействие объекта и субъекта – конечный результат (продукт) деятельности.

По результатам исследования Л. Е. Паутовой определено, что моделирование преподавателем вершинных (акме) результатов в профессионально-образовательной и исследовательской деятельности позволяет ему обучать студентов продуктивным системам деятельности на фоне средне- и малопродуктивных. Это интенсифицирует процессы совершенствования, коррекции и реорганизации профессиональной деятельности на пути к более высоким результатам у обучающихся.

Таким образом, целесообразно определить особенности акмеомоделирования в профессиональной деятельности преподавателя, что наглядно представлено на рис. 1.

В процессе акмеомоделирования профессионально-образовательная деятельность преподавателя понимается как созидательная и характеризуется разными формами создаваемого «продукта» – конечного результата. С учетом этого и согласно акметеории качества профессиональной деятельности и фундаментального образования Н. В. Кузьминой [1] таким результатом является духовный продукт, который:

- проявляется только по косвенным показателям субъекта деятельности, его отношений, знаний, компетенций, компетентности, оценочных суждений, эрудиции;
- воплощается субъектом созидания в его неопубликованных концептах, планах, программах, таблицах, рисунках;
- опубликован и стал достоянием более или менее широкой общественности, достоянием национальной системы образования и культуры человечества в целом.

С учетом предложенных характеристик процесса моделирования деятельности преподавателя целесообразно определить, что акмеомоделирование – это многоуровневый и поэтапный процесс развития продуктивных профессиональных компетенций основных субъектов образования (преподавателя и студента) на основе согласования их действий по достижению искомых личностно-профессиональных результатов каждого. Средствами согласования, в соответствии с акметеорией фундаментального образования Н. В. Кузьминой [1], являются инвариантные идеализированные модели как комплекс психологических факторов развития творческой готовности студентов к предстоящей профессиональной деятельности [32].

Идеализированные модели развития продуктивной компетентности

Опираясь на теорию функциональных систем П. К. Анохина [33], акмеологическую теорию фундаментального образования Н. В. Кузьминой [1],

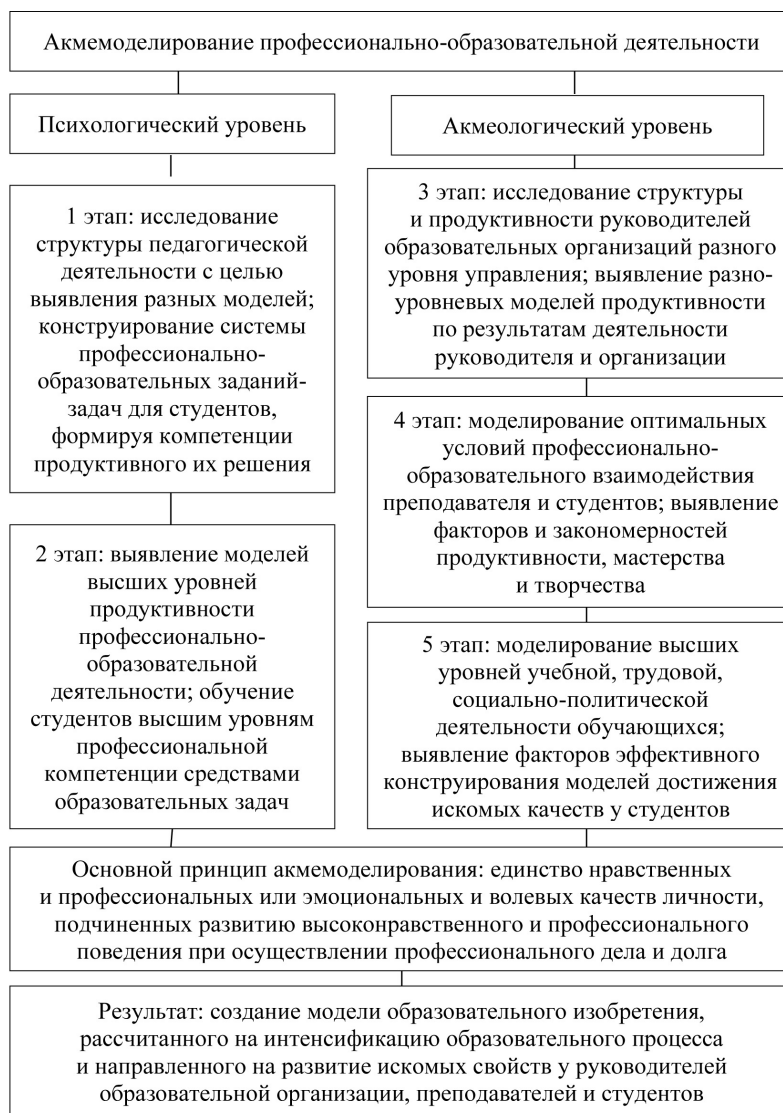

Рис. 1. Уровни и этапы акмео моделирования профессионально-образовательной деятельности

Fig. 1. Levels and stages of professional and educational acme-modeling activity

концепцию качества и методологии внедрения компетентного подхода в профессионально-образовательной деятельности В. И. Байденко [34], Н. А. Селезневой [35] и обобщение результатов собственных исследований, считаем целесообразным определить характеристики инвариантных идеализированных моделей (далее – ИИМ) развития продуктивной компетентности преподавателей.

В соответствии с акмеологической методологией развития профессионально-образовательной деятельности и образовательных систем представляется возможным выделить две группы ИИМ:

1 группа – модели для поиска фундаментальных законов развития продуктивной компетентности специалистов;

2 группа – модели продуктивного образования (разных видов и уровней).

Инвариантными взаимосвязанными структурными элементами для всех ИИМ в профессиональной деятельности преподавателя являются:

- профессиональные цели (должны быть реальными и понятными, развиваемыми);
- целеосуществование – в процессе обработки необходимой информации для достижения конечного результата;
- средство получения информации – моделирующие виды деятельности;
- наличие соответствующих производственных технологий;
- развитие сотрудников и организации в целом.

Раскроем характеристики каждой группы ИИМ.

К 1 группе относятся ИИМ:

- акме-психологической компетентности

образа результата основных групп специалистов образования;

– продуктивного системного обеспечения искомых конечных результатов национальной системы образования (НСО);

– системного управления качеством образования его специалистами в соответствии со сферами их деятельности;

– системного управления специалистом-предметником продуктивностью своей авторской системы деятельности (АСД).

Инвариантная идеализированная модель акме-психологической компетентности образа результата у основных групп специалистов образования

Цель этой модели – развитие у всех руководителей и специалистов образования акме-психологической компетентности на основе личностно-профессионального опыта и согласованности их усилий.

Направленность акмеомоделирования – на образы результаты:

– специалистов образования – предметников, координирующих собственные усилия с усилиями самих учащихся – будущих специалистов и профессионалов, в направлении достижения общих искомых результатов;

– руководителей образовательных учреждений, согласующих собственные усилия с усилиями руководителей подсистем образовательной системы (организации) (далее – ОО), и преподавателей разных учебных дисциплин при достижении общих для ОО искомых конечных результатов;

– специалистов управления образованием районов, регионов, федерации в целом для мобилизации, организации, координации общих усилий, подчиненных общим искомым результатам национальной системы образования (далее – НСО).

Инвариантная идеализированная модель продуктивного системного обеспечения искомых конечных результатов национальной системы образования

Цель этой модели – выявление высших образцов профессионального мастерства преподавателя с последующим достижением искомых результатов в личности обучаемых.

Направленность акмеомоделирования – на системное обеспечение:

– авторской системы деятельности (АСД) как образовательного учреждения в целом, а также в его частях и фрагментах, подчиненной достижению искомых конечных результатов – развитию готовности выпускника к продуктивному решению предстоящих задач;

– искомых конечных продуктивных результатов целостного учреждения как ОО, имеющей свои подсистемы, подчиненные достижению общих искомых конечных результатов, удовлетво-

ряющих требованиям единого критерия качества образования (далее – ЕККО);

– конечных продуктивных результатов, искомых специалистами управления образованием в муниципалитетах, районах, регионах, а значит, и федерации в целом, соответствующих требованиям ЕККО.

Инвариантная идеализированная модель системного управления качеством образования его специалистами в соответствии со сферами их деятельности

Цель этой модели – моделирование вершин продуктивности и профессионализма с использованием моделей в новой практике профессиональной подготовки.

Акмеомоделирование направлено:

– на стратегическое и функциональное решение образовательных задач во всех образовательных маршрутах – дошкольном, общеобразовательном, профессионально-образовательном;

– принятие решения образовательных задач на основе обратной связи и прогнозирование продуктивных результатов их реализации;

– постоянный мониторинг и системное исследование качества профессионально-образовательной, управленческой и учебной деятельности;

– определение, осознание и признание личной ответственности специалиста за продуктивность в деятельности;

– создание и реализацию алгоритма высокопродуктивного функционирования образовательной системы.

Инвариантная идеализированная модель системного управления специалистом-предметником продуктивностью своей авторской системы деятельности

Цель этой модели – выявление факторов, обеспечивающих повышение продуктивности и профессионализма специалиста-предметника.

Направленность акмеомоделирования – на образы конечных результатов средствами:

– изучения реальной готовности выпускников (в сравнении с искомой) к продуктивному решению предстоящих задач по учебной дисциплине;

– диагностики причин, приведших выпускников к низкому уровню развития творческой готовности к продуктивному решению предстоящих задач, в том числе, возможно, заложенных в АСД;

– поиска путей самосовершенствования, самокоррекции, самореорганизации АСД.

Данная ИИМ применима ко всем субъектам социально-образовательного пространства. Ее можно детализировать в зависимости от целей образовательных систем, возраста учащихся, с которыми предстоит работать, требований той последующей системы, в которую они готовятся вступить, а специалисты образования помогают им в этом.

Ко 2 группе относятся ИИМ:
 – образа результата профессионально-образовательной деятельности преподавателя;
 – структурных элементов образовательных систем;
 – функциональных элементов деятельности образовательных систем.

Инвариантная идеализированная модель образа результата профессионально-образовательной деятельности преподавателя, основа – оценочный компонент

Цель этой модели – создание акмештрагетий и акметехнологий развития творческой готовности студента (выпускника) к предстоящей профессиональной деятельности.

Инвариантные элементы модели – ценностное отношение к предстоящей деятельности, компетентность, целенаправленность на будущую деятельность, ответственность и рефлексия по результатам деятельности – наглядно представлены на рис. 2.

Направленность акмеодеирования в соответствии со структурой образа результата:

- на первоначальное ранжирование специалистов образования по уровню продуктивности их деятельности в соответствии с ЕККО;
- поиск субъективных факторов, обеспечивающих меру успеха профессионально-образовательной деятельности.

Особенность ИИМ образа результата в том, что она применима к руководителю, преподавателю, студенту профессиональной школы, с одной стороны, и к руководителю, педагогу, учащемуся общеобразовательного маршрута (от детского сада до старших классов включительно) – с другой.

Инвариантная идеализированная модель структурных элементов образовательных систем

Цель этой модели – достижение искомых результатов образовательной системой в целом, на мега-, макро- и микроуровнях.

Инвариантные элементы этой модели представлены на рис. 3.

Направленность акмеодеирования – на обеспечение согласованных действий в ходе решения задач:

- основных признаков образа результата, адаптированных к конкретной системе;
- структурных элементов системы и всех ее подсистем;
- деятельности основных субъектов управления и самоуправления, решающих акмеологические задачи.

Инвариантность данной модели состоит в том, что она приложима, т. е. принадлежит, и к педагогическим, и к акмеологическим системам, результат которых – в качестве подготовки специалистов образования. Только наличие всех семи структурных элементов позволяет утверждать: есть образовательная система (педагогическая или акмеологическая).

Инвариантная идеализированная модель функциональных элементов деятельности образовательных систем

Цель этой модели – разработка и научное обоснование обобщенного алгоритма продуктивного решения образовательных задач (педагогических и акмеологических).

Инвариантные элементы модели – оценочный, гностический, прогностический, проективный

Рис. 2. Структура инвариантной идеализированной модели образа результата образовательной системы

Fig. 2. Structure of invariant idealized model of the result image of the educational system

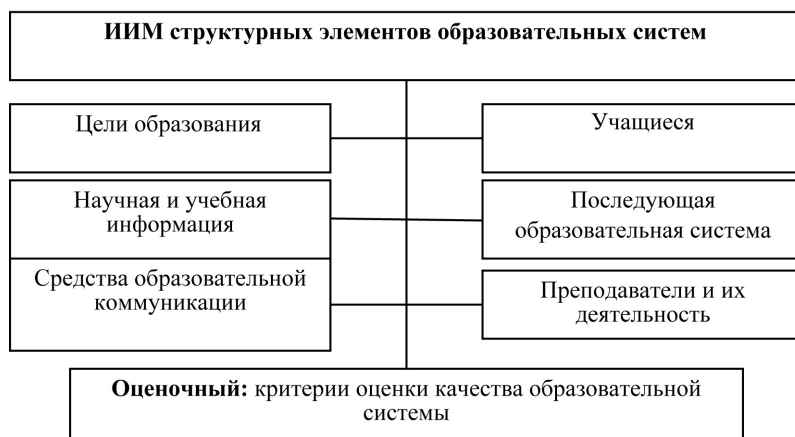

Рис. 3. Структурные элементы образовательной системы
Fig. 3. Structural elements of the educational system

ровочный, конструктивный, коммуникативный, организаторский.

Направленность акмеомоделирования – на согласование образов результатов с особенностями образовательных подсистем и требованиями выпускника к предстоящей деятельности (рис. 4).

Данную модель функциональных элементов профессиональной деятельности образовательных систем можно считать универсальной для всех образовательных организаций и специалистов образования разных уровней управления и продуктивности.

Эта модель предоставляет возможность разработать и внедрить реальную систему целесообразных технологий обучения и воспитания обучающихся (будущих специалистов), управления их продуктивностью, от которых зависит

фундаментальность и конкурентоспособность национальной системы образования.

Инвариантные идеализированные модели применялись для поиска законов продуктивной компетентности специалистов – руководителей ОО, обеспечивающих повышение продуктивности и профессионализма специалистов образования (преподавателей), объединенных в целостные системы, организации их участия в самостоятельных исследованиях качества конечных результатов ОО, меры их соответствия ЕККО и факторов, их обусловивших. ЕККО применим в отношении всех уровней и типов образования. Разными являются лишь признаки, по которым можно судить о наличии или отсутствии творческой готовности выпускника к предстоящей деятельности, например: воспитателя детского сада, учителя начальных классов, учителя-предметника

Рис. 4. Функциональные элементы образовательной системы
Fig. 4. Functional elements of the educational system

основных или старших классов, преподавателя-предметника высшей профессиональной школы, преподавателя-предметника системы дополнительного образования или системы непрерывного образования.

Меру продуктивности профессионально-образовательной созидательной деятельности при реализации ИИМ можно установить только в сравнении – на фоне других. Идеализированные модели в этом поиске необходимы в связи со сложностью, скрытостью искомых конечных результатов, создаваемых совместными усилиями специалистов образования и их учащихся средствами информационного, коммуникационного и технологического воздействия, отбираемыми специалистами образования.

Таким образом, следует отметить, что все вышеперечисленные акмеомодели в совокупности представляют собой развитие как одной личности, так и социума в целом. Надо сказать, что самоорганизация индивида как единства индивидуальности, субъекта деятельности и индивидуальности рассматривается на базе (т. е. основе) его самости (индивидуальной части), что, в свою очередь, предполагает учет индивидуального развития.

Заключение

Обобщая результаты научно-практического анализа проблемы акмеомоделирования в профессиональной деятельности преподавателя, мы определяем, что основная цель акмеомоделирования – моделирование вершин продуктивности и профессионализма специалиста образования, а также использование моделей в новой практике образовательной и научной деятельности.

Все идеализированные модели могут быть применимы к «фундаментальным точкам» функционирования любой системы, к анализу деятельности взрослых людей – руководителей и других специалистов – и результатов их деятельности, поскольку эти модели могут быть адаптированы к конкретным задачам и условиям профессиональной деятельности любого специалиста.

В результате акмеомоделирования получаем модель-описание высшего уровня продуктивности и профессионализма образовательной деятельности преподавателя в виде системы последовательных целенаправленных профессионально-образовательных действий с искомым результатом у обучающегося (студента).

Библиографический список

1. Кузьмина Н. В. Акмеологическая теория фундаментального образования (созидания духовных продуктов в свойствах субъектов образования средствами учебных дисциплин). СПб. : Изд-во НУ «Центр стратегических исследований», 2012. 382 с.
2. Бранский В. П., Пожарский С. Д. Социальная синергетика и акмеология / Теория самоорганизации индивидуума и социума. СПб. : Политехника, 2001. 159 с.
3. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. СПб. : Питер, 2001. 288 с.
4. Кузьмина Н. В., Григорьева Е. А., Якунин В. А. и др. Методы системного педагогического исследования. Л. : Изд-во ЛГУ, 1980. 156 с.
5. Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М. : Наука, 1999. 350 с.
6. Ананьев Б. Г. О проблемах современного человекознания. М. : Наука, 1977. 380 с.
7. Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. 4-е изд. М. : Изд-во МГУ, 1981. 584 с.
8. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. 2-е изд. М., 1946. 704 с.
9. Смирнов С. Д. Педагогика и психология высшего образования : от деятельности к личности. М. : Аспект Пресс, 1995. 271 с.
10. Акмеология развития 2020. Методологические и методические проблемы / под ред. Н. В. Кузьминой, Е. Н. Жариновой. СПб. : Изд-во НУ «Центр стратегических исследований», 2020. Вып. 35. 80 с.
11. Кузьмина Н. В., Жаринова Е. Н. Методы исследования образовательных систем. СПб. : Изд-во НУ «Центр стратегических исследований», 2018. 164 с.
12. Кузьмина Н. В., Жаринова Е. Н. Акмеологический подход к повышению продуктивности образования в университете // Акмеология развития 2020. Методологические и методические проблемы / под ред. Н. В. Кузьминой, Е. Н. Жариновой. СПб. : Изд-во НУ «Центр стратегических исследований», 2020. Вып. 35. С. 28–35.
13. Кузьмина Н. В., Жаринова Е. Н. Понятие предмета акмеологии и акмеологического совершенствования высшего учебного заведения как функциональной системы : учеб.-метод. пособие. СПб. : Изд-во НУ «Центр стратегических исследований», 2019. 28 с.
14. Турчин А. С. Семиотическая функция и процесс обучения. СПб. : Изд-во НУ «Центр стратегических исследований», 2019. 132 с.
15. Кузьмина Н. В., Жаринова Е. Н., Нецверт Т. В. и др. Теоретические и практические акметехнологии в фундаментальном образовании. СПб. : Изд-во НУ «Центр стратегических исследований», 2018. 110 с.
16. Кузьмина Н. В., Пожарский С. Д., Паутова Л. Е. Акмеология качества профессиональной деятельности специалиста. СПб. : Рязанский областной институт развития образования, 2008. 375 с.
17. Кузьмина Н. В., Духовная М. М., Жаринов Н. М., Жаринова Е. Н. Повышение продуктивности деятельности преподавателя в учебном процессе. Методические рекомендации. СПб. : Изд-во НУ «Центр стратегических исследований», 2018. 110 с.
18. Кузьмина Н. В., Жаринов Н. М., Жаринова Е. Н. Акмеология личностного роста будущего специалиста в профессиональной деятельности : учеб. пособие. СПб. : Изд-во НУ «Центр стратегических исследований», 2019. 44 с.
19. Мозилевкин Е. А. Карьерный рост : диагностика, технологии, тренинг. СПб. : Речь, 2007. 336 с.

20. Паутова Л. Е. Управление деловой карьерой специалиста. Рязань : Изд-во ОГБОУ ДПО «Рязанский институт развития образования», 2012. 143 с.
21. Кузьмина Н. В., Софьина В. Н. Акмеологическая концепция развития профессиональной компетентности в вузе. СПб. : Издательство НУ «Центр стратегических исследований», 2012. 200 с.
22. Помельникова Е. А. Акмеологическое моделирование профессиональной деятельности как фактор становления профессионала // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2018. № 2 (125). С. 46–49.
23. Шибалева Л. М. Повышение эффективности деятельности преподавателя современного вуза // Мир науки, культуры, образования. 2017. № 3 (64). С. 241–242.
24. Белов В. В., Зотова Т. Б. Возможности моделирования педагогической деятельности // Инновационная наука. 2017. № 04-2. С. 16–19.
25. Ускова С. А. Профессионально-педагогическая деятельность учителя : самоопределение в пространстве образовательных стандартов // Человек и образование. 2018. № 2 (55). С. 140–144.
26. Гутак О. Я., Козырев Н. А., Козырева О. А. Педагогическое моделирование как метод и технология продуктивно-инновационного решения задач профессионально-педагогической деятельности // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2019. № 5 (74). С. 154–162.
27. Acquah E. O. The Potential of Modelling Culturally Teaching: Pre-service Teachers' Learning Experiences // Teaching in Higher Education. 2020. Vol. 25, no. 2. P. 157–173. DOI: 10.1080/13562517.2018.1547275
28. Acquah E. O., Szelei N., Katz H. T. Using modelling to make culturally responsive pedagogy explicit in preservice teacher education in Finland // British Educational Research Journal. 2020. Vol. 46, iss. 1. P. 122–139. DOI: 10.1002/berj.3571
29. Greshilova I. A., Kimova S. Z., Dambaeva B. B. Designing the model of professional development of teachers taking into account axiological imperatives of continuing education // Universal Journal of Educational Research. 2020. Vol. 8, no. 3. P. 769–778. DOI: 10.13189/ujer.2020.080306
30. Назаров С. А. Модель повышения уровня акмеологической зрелости в процессе профессионального развития личности // Акмеология. 2017. № 4(64). С. 76–78.
31. Паутова Л. Е. Акмеология качества профессиональной деятельности : учеб. пособие. Коломна : Государственный социально-гуманитарный университет, 2016. 184 с.
32. Кузьмина Н. В. Акмеологическая теория повышения качества подготовки специалиста образования. М. : ИЦПКПС, 2001. 144 с.
33. Анохин П. К. Узловые вопросы теории физиологии функциональных систем. М. : Наука, 1980. 197 с.
34. Байденко В. И. Компетентностный подход к проектированию государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования (методологические и методические вопросы). М. : ИЦПКПС, 2005. 114 с.
35. Селезнева Н. А. Качество высшего образования как объект системного исследования : Лекция-доклад. М. : ИЦПКПС, 2003. 95 с.

Образец для цитирования:

Паутова Л. Е., Жаринова Е. Н. Акмеологическое моделирование в деятельности преподавателя: модели продуктивности и профессионализма // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2020. Т. 9, вып. 4 (36). С. 306–316. DOI: <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2020-9-4-306-316>

Acme-modeling in the Teaching Profession: Models of Productivity and Professionalism

Lyudmila E. Pautova, Evgenia N. Zharinova

Lyudmila E. Pautova, <https://orcid.org/0000-0001-8879-0585>, All-Russian Science Institute of Irrigation Systems and Agricultural Water Supply «Raduga», 38 Raduzhny Moscow Region 140483, Russia, cosidanie35@yandex.ru

Evgenia N. Zharinova, <https://orcid.org/0000-0003-0651-6086>, Smolny Institute of RAE, 59 Polyustrovsky Ave., St. Petersburg 195197, Russia, andromeda55@mail.ru

The relevance of the study is determined by the fact that in the context of transformation of the education system, it is especially important for the teacher to know and understand the process of modeling educational activities with an acme-focus on the final result in the student. This presupposes that the teacher has developed professional competencies and competencies in the field of educational systems modeling and personal and professional acme-development of the student. *The purpose of the study* is to analyse the concept and process

of acme-modeling in the teacher's professional activity and determine its main elements as a method of developing the teacher's productive competencies in the professional activity. *The hypothesis of the study* is that knowledge and implementation of the acme-modeling technology in the teacher's professional activity contributes to the development of his/her highly productive professional competencies and the achievement of results among students as the main indicator of his/her high level of professionalism. We used the following *methods*: theoretical, logical, scientific and practical analysis; systematization and interpretation of research results. In accordance with the laws of the acmeological theory of fundamental education, the theory of functional systems and the acme-synergetic and socio-synergetic concept of the development of social systems, we made an attempt to identify different types of models of productive professional competencies of a teacher and to identify their characteristics, taking into account a single quality criterion for education in the system of professional education at different levels. Based on the results of the study we 1) *theoretically substantiated and determined* the features of acme-modeling as a method of developing teacher productivity in professional and educational activities, 2) *identified and gave* characteristics of invariant idealized models in the activities of a teacher, 3) *clarified* functional elements of the educational system activity and *highlighted*

the interrelated structural elements for all invariant idealized models of productivity.

Keywords: acmeological theory, acme-modeling, invariant idealized models, productive competence, quality criteria and result image.

Received: 11.11. 2019 / Accepted: 07.09.2020 / Published: 21.12.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

References

1. Kuz'mina N. V. *Akmeologicheskaya teoriya fundamental'nogo obrazovaniya (sozidaniya dukhovnykh produktov v svoystvakh sub"ektiv obrazovaniya sredstvami uchebnykh distsiplin)* [Acmeological theory of fundamental education (creation of spiritual products in the properties of education subjects by means of academic disciplines)]. St. Petersburg, Izd-vo NU «Centr strategicheskikh issledovaniy», 2012. 382 p. (in Russian).
2. Branskiy V. P., Pozharskiy S. D. *Sotsial'naya sinergetika i akmeologiya: Teoriya samoorganizatsii individuum i sotsiuma* [Social synergetics and psychology: A theory of the individual and society self-organization]. St. Petersburg, Politekhnik Publ., 2001. 159 p. (in Russian).
3. Anan'ev B. G. *Chelovek kak predmet poznaniya* [Human as a subject of cognition]. St. Petersburg, Piter Publ., 2001. 288 p. (in Russian).
4. Kuz'mina N. V., Grigorieva E. A., Yakunin V. A. et al. *Metody sistemnogo pedagogicheskogo issledovaniya* [Methods of system pedagogical research]. Leningrad: Izd-vo LGU, 1980. 156 p. (in Russian).
5. Lomov B. F. *Metodologicheskie i teoreticheskie problemy psikhologii* [Methodological and theoretical problems of psychology]. Moscow. Nauka Publ., 1999. 350 p. (in Russian).
6. Anan'ev B. G. *O problemakh sovremennogo chelovekoznaniiya* [On the problems of modern study of human nature]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 380 p. (in Russian).
7. Leont'ev A. N. *Problemy razvitiya psikhiki* [Problems of mental development]. 4th ed. Moscow, Izd-vo MGU, 1981. 584 p. (in Russian).
8. Rubinshteyn S. L. *Osnovy obshchey psikhologii* [Fundamentals of general psychology]. 2nd ed. Moscow, 1946. 704 p. (in Russian).
9. Smirnov S. D. *Pedagogika i psikhologiya vysshego obrazovaniya: ot deyatel'nosti k lichnosti* [Pedagogy and psychology of higher education: from activity to personality]. Moscow, Aspekt Press Publ., 1995. 271 p. (in Russian)
10. Kuz'mina N. V., Zharinova E. N. *Akmeologiya razvitiya 2020. Metodologicheskie i metodicheskie problemy* [Acmeology of development 2020. Methodic and methodological issues]. St. Petersburg, Izd-vo NU «Centr strategicheskikh issledovaniy», 2020, iss. 35, 80 p. (in Russian).
11. Kuz'mina N. V., Zharinova E. N. *Metody issledovaniya obrazovatel'nykh sistem* [Educational systems research methods]. St. Petersburg, Izd-vo NU «Centr strategicheskikh issledovaniy», 2018. 164 p. (in Russian).
12. Kuz'mina N. V., Zharinova E. N. Acmeological approach to improving education productivity in universities. In: N. V. Kuz'mina, E. N. Zharinova, eds. *Akmeologiya razvitiya 2020. Metodologicheskie i metodicheskie problemy*. St. Petersburg, Izd-vo NU «Centr strategicheskikh issledovaniy», 2020, iss. 35, pp. 28–35 (in Russian).
13. Kuz'mina N. V., Zharinova E. N. *Ponyatie predmeta akmeologii i akmeologicheskogo sovershenstvovaniya vysshego uchebnogo zavedeniya kak funktsional'noy sistemy* [The notion of the subject of acmeology and acmeological development of higher education institutions as a functional system]. St. Petersburg, Izd-vo NU «Centr strategicheskikh issledovaniy», 2019. 28 p. (in Russian).
14. Turchin A. S. *Semioticheskaya funktsiya i protsess obucheniya* [Semiotic function and the learning process]. St. Petersburg, Izd-vo NU «Centr strategicheskikh issledovaniy», 2019. 132 p. (in Russian).
15. Kuz'mina N. V., Zharinova E. N., Neshcheret T. V. et al. *Teoreticheskie i prakticheskie akmetehnologii v fundamental'nom obrazovanii* [Theoretical and practical acmetechologies in fundamental education]. St. Petersburg, Izd-vo NU «Centr strategicheskikh issledovaniy», 2018. 110 p. (in Russian).
16. Kuz'mina N. V., Pozharskiy S. D., Pautova L. E. *Akmeologiya kachestva professional'noy deyatel'nosti spetsialista* [Acmeology of a specialist's professional activity quality]. St. Petersburg, Ryazanskiy oblastnoy institut razvitiya obrazovaniya Publ., 2008. 375 p. (in Russian).
17. Kuz'mina N. V., Duhovnaya M. M., Zharinov N. M., Zharinova E. N. *Povyshenie produktivnosti deyatel'nosti prepodavatelya v uchebnom protsesse. Metodicheskie rekomendatsii* [Increasing the productivity of teachers in the educational process. Methodological recommendations]. St. Petersburg, Izd-vo NU «Centr strategicheskikh issledovaniy», 2018. 110 p. (in Russian).
18. Kuz'mina N. V., Zharinov N. M., Zharinova E. N. *Akmeologiya lichnostnogo rosta budushchego spetsialista v professional'noy deyatel'nosti* [Acmeology of personal growth of future specialists in professional activity]. St. Petersburg, Izd-vo NU «Centr strategicheskikh issledovaniy», 2019. 44 p. (in Russian).
19. Mogilevkin E. A. *Kar'ernyy rost: diagnostika, tehnologii, trening* [Career growth: diagnostics, technologies, training]. St. Petersburg, Rech' Publ., 2007. 336 p. (in Russian).
20. Pautova L. E. *Upravlenie delovoy kar'eroy spetsialista* [Specialist career management]. Ryazan', Izd-vo OGBOU DPO «Ryazanskiy institut razvitiya obrazovaniya», 2012. 143 p. (in Russian).
21. Kuz'mina N. V., Sof'ina V. N. *Akmeologicheskaya kontsepciya razvitiya professional'noy kompetentnosti v vuze* [Acmeological concept of professional competence development in higher education]. St. Petersburg, Izd-vo NU «Centr strategicheskikh issledovaniy», 2012. 200 p. (in Russian).
22. Pomel'nikova E. A. Acmeological modelling of vocational activities as a factor of professional development. *Izvestia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2018, no. 2 (125), pp. 46–49 (in Russian).
23. Shibaeva L. M. Improving the performance of a modern university teacher. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 2017, no. 3 (64), pp. 241–242 (in Russian).
24. Belov V. V., Zotova T. B. Possibilities of pedagogical activity modeling. *Innovaton Science*, 2017, no. 04-2, pp. 16–19 (in Russian).

25. Uskova S. A. Teacher's professional and pedagogical activity: self-determination in the space of educational standards. *Chelovek i obshchestvo*. 2018, no. 2 (55), pp. 140–144 (in Russian).
26. Gutak O. Ya., Kozyrev N. A., Kozyreva O. A. Pedagogical modelling as method and technology of productive innovative solution of problems of professional and pedagogical activity. *Newsletter of North-Caucasus Federal University*. 2019, vol. 74, no. 5 (74), pp. 154–162 (in Russian).
27. Acquah E. O. The potential of modelling culturally responsive teaching: pre-service teachers' learning experiences. *Teaching in Higher Education*, 2020, vol. 25, no. 2, pp. 157–173. DOI: 10.1080/13562517.2018.1547275
28. Acquah E. O., Szelei N., Katz H. T. Using modelling to make culturally responsive pedagogy explicit in preservice teacher education in Finland. *British Educational Research Journal*, 2020, vol. 46, iss. 1, pp. 122–139. DOI: 10.1002/berj.3571
29. Greshilova I. A., Kimova S. Z., Dambaeva B. B. Designing the model of professional development of teachers taking into account axiological imperatives of continuing education. *Universal Journal of Educational Research*, 2020, vol. 8, no. 3, pp. 769–777. DOI: 10.13189/ujer.2020.080306
30. Nazarov S. A. Model of improving of acmeological maturity's level in the process of professional development of the person. *Akmeology*, 2017, no. 4 (64), pp. 76–78 (in Russian).
31. Pautova L. E. *Akmeologiya kachestva professional'noy deyatel'nosti* [Acmeology of professional activity quality]. Kolomna, Gosudarstvennyj social'no-gumanitarnyj universitet Publ., 2016. 184 p. (in Russian)
32. Kuz'mina N. V. *Akmeologicheskaya teoriya povysheniya kachestva podgotovki specialista obrazovaniya* [Acmeological theory of improving the education specialists training quality]. Moscow, ITsPKPS Publ., 2001. 144 p. (in Russian).
33. Anokhin P. K. *Uzlovyje voprosy teorii fiziologii funkcional'nyh sistem* [Main issues of the theory of the functional systems physiology]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 197 p. (in Russian).
34. Baydenko V. I. *Kompetentnostny podhod k proektirovaniyu gosudarstvennyh obrazovatel'nyh standartov vysshego professional'nogo obrazovaniya (metodologicheskie i metodicheskie voprosy)* [Competence approach to the design of state educational standards of higher professional education (methodic and methodological issues)]. Moscow, ITsPKPS Publ., 2005, 114 p. (in Russian).
35. Selezneva N. A. *Kachestvo vysshego obrazovaniya kak ob'ekt sistemnogo issledovaniya: Lektsiya-doklad* [Quality of higher education as an object of system research: Lecture-report]. Moscow, ITsPKPS Publ., 2003, 95 p. (in Russian).

Cite this article as:

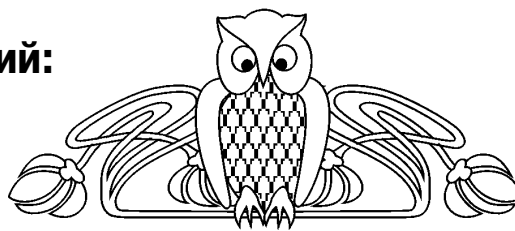
Lyudmila E. Pautova, Evgenia N. Zharinova. Acme-modeling in the Teaching Profession: Models of Productivity and Professionalism. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2020, vol. 9, iss. 4 (36), pp. 306–316 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2020-9-4-306-316>

УДК 37.072

Логистика педагогических инноваций: парадигмы развития в образовательном холдинге

С. В. Данилов

Данилов Сергей Вячеславович, кандидат психологических наук, доцент, кафедра менеджмента и образовательных технологий, Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова, danilovnic@rambler.ru

Переход российского общества к постиндустриальной стадии актуализирует проблему развития системы образования на основе нововведений и поиск релевантной методологии управления педагогическими инновациями. Ее основой является логистика педагогических инноваций как теория и практика управления потоками в образовательных системах. Цель исследования состоит в определении парадигм развития логистики педагогических инноваций как методологии и механизма управления инновациями в образовательном холдинге. Гипотеза представлена предположением, что данные парадигмы формируют ценностные, содержательные и инструментальные рамки реализации и развития логистики педагогических инноваций. Исследование выполнено на основе анализа первоисточников, в том числе 1492 кейсов, включающих отчетные материалы о результатах инновационной деятельности образовательных организаций Ульяновской области, являющихся инновационными площадками, входящими в состав регионального образовательного холдинга (ежегодно 100 образовательных организаций). Материалы были подготовлены в период с 2003/2004 по 2017/2018 учебный год. Введено и обосновано понятие «логистика педагогических инноваций», которое описывает теорию и практику управления потоками (педагогическими, инфраструктурными, интегративными, помех) в образовательном холдинге с целью обеспечения устойчивого потока педагогических инноваций, являющихся результатом его деятельности и фактором развития. Определены направления развития логистики педагогических инноваций, которые заданы пятью парадигмами: аксиологической (ценность инноваций), гуманитарной (человек как субъект логистики), парадигмой взаимодействия (направленность на развитие взаимодействия во внутренней и внешней среде холдинга), содержательной (приоритет в исследовании потоков в образовательном холдинге) и технологической (ориентация на совершенствование способов и средств логистики). Каждая из них устанавливает приоритеты совершенствования образовательного холдинга.

Ключевые слова: образовательная система, образовательный холдинг, образовательная логистика, педагогическая логистика, логистика педагогических инноваций, парадигмы развития логистики педагогических инноваций.

Поступила в редакцию: 27.03.2020 / Принята: 07.09.2020 / Опубликована: 21.12.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2020-9-4-317-323>

© Данилов С. В., 2020

Введение

Переход российского общества к постиндустриальной формации определяет требования к системе образования, заключающиеся в подготовке подрастающего поколения граждан как «работников знания», создающих новую информацию и услуги. Это определяет аксиологическую направленность образования на инновации, поскольку подготовить когнитариат [1] можно только в условиях образовательной среды, основой которой являются нововведения.

В отечественном образовании создание такой среды происходит достаточно активно, однако все очевиднее этот процесс нуждается в методологии, которая, отвечая условиям постиндустриального общества, может охватить весь путь становления педагогических инноваций. В качестве основы такой методологии может выступить логистика, представляющая собой механизм, обеспечивающий полный цикл развития инноваций от возникновения замысла до его оформления в педагогическом новшестве, которое доводится до заинтересованных в нем лиц.

Термин «логистика» появился в экономике, в которой с его помощью описывается наука, исследующая закономерности управления потоками, характерными для организации, и одновременно область практической деятельности, связанная с решением соответствующих задач. Поток рассматривается как совокупность элементов, движущихся в определенном направлении в пределах некоего известного отрезка времени, измеряемая в этот период в каких-либо единицах [2, с. 53; 3, с. 85]. В любом учреждении присутствует множество потоков – информационных, материальных, сервисных, финансовых и прочих. Охватывая их, логистика представляет собой методологию оптимизации любых потоков [4] в социальных системах и в то же время действенный способ управления этими системами.

Это дает основания для привлечения логистики из сферы экономических знаний в область образования, применяя ее к деятельности образовательных систем [5], к которым могут быть отнесены отдельные образовательные организации или их объединения. Последние представлены территориальными образовательными кластерами [6, 7], к числу которых принадлежат образовательные холдинги, представляющие собой совокупность разноуровневых образовательных и иных

организаций, объединенных по принципу горизонтальной интеграции под эгидой регионального министерства образования (или университета) для создания общего образовательного пространства региона [8–11].

Развитие таких образовательных систем основано на управлении нововведениями, что позволяет нам ввести понятие «логистика педагогических инноваций», раскрывающее методологию и механизм этой деятельности. С определением моделей (парадигм) развития логистики педагогических инноваций мы связываем цель нашего исследования.

Цель исследования, представленного в данной статье, заключается в определении парадигм развития логистики педагогических инноваций как методологии и механизма управления нововведениями в образовательном холдинге.

Гипотеза исследования состоит в предположении, что обозначенные парадигмы сформируют ценностные, содержательные, а также инструментальные рамки логистики педагогических инноваций, что повысит эффективность ее реализации и развития.

Материалы

Участники. Исследование выполнено на базе образовательного холдинга Ульяновской области: образовательные организации (дошкольные, общеобразовательные, дополнительного образования детей, профессионального образования), являющиеся инновационными площадками. На протяжении 15 лет (с 2003/2004 по 2017/2018 учебный год) пока длилось исследование, их количество ежегодно варьировалось (от 66 до 132 образовательных организаций), составляя в среднем 100 учреждений в год.

Методы. По итогам инновационной деятельности участниками холдинга каждый год предоставлялся пакет (кейс) отчетных материалов, определенных техническим заданием выполняемого инновационного проекта (теоретические разработки, методические материалы, образовательные программы, нормативные документы, аналитические справки, статьи, пособия, монографии и т. д.). Всего нами было собрано и обработано 1492 кейса. Содержащиеся в них результаты инновационной работы стали предметом проводимого анализа и обобщения, основой для определения парадигм развития логистики педагогических инноваций в образовательном холдинге.

В качестве методов использовались анализ литературных первоисточников и результатов инновационной деятельности образовательных организаций, логическое обобщение (индукция и дедукция), направленные на решение проблемы определения парадигм развития логистики педагогических инноваций в образовательном холдинге.

Результаты и их обсуждение: обоснование логистики педагогических инноваций

В отечественном образовании в текущем столетии категория «логистика» используется весьма активно. К настоящему времени сформировались две научные позиции, раскрывающие вопросы логистики в образовании посредством таких понятий, как образовательная логистика и педагогическая логистика.

При помощи термина «образовательная логистика» описывается наука, объединяющая методы изучения потоков в образовании (материальных, финансовых, информационных и др.), а также сфера практической деятельности, которая на этой основе обуславливает устойчивое функционирование образовательной системы. В любом учреждении (школе, вузе) образовательная логистика обеспечивает преемственность учебных дисциплин, образовательных программ и учебно-методического сопровождения и посредством этого – достижение совокупности образовательных целей [2, 3, 12–16].

В этом смысле образовательная логистика является средством внешним по отношению к педагогическим целям и содержанию образования, его направленности на личность и ее развитие [17]. Образовательную логистику можно охарактеризовать как менеджмент, направленный на инфраструктуру образовательного учреждения. Такая инфраструктура формирует условия, которые будут поддерживать работу педагогов или создавать для нее препятствия, но она не определяет качества педагогической деятельности. Игнорирование этого обстоятельства может привести к тому, что при рассмотрении образовательной системы инфраструктурные компоненты «подменяют собой» и вытеснят педагогические [13].

Именно на педагогических компонентах делает акцент педагогическая логистика, сосредоточиваясь не столько на вопросах инфраструктуры, сколько на педагогической системе, реализуемой в образовательной организации. Соответственно цель такой логистики состоит в воспроизводстве эффективности и качества учебно-воспитательного процесса [4, 13, 18, 19].

Авторы, работающие в русле данной научной позиции, понимают педагогическую логистику как науку и область деятельности, предметом которой становится управление педагогическими потоками – знания, обучения, информации, здоровья, психологическим потоком [18], управленческими потоками, потоком обучающихся, образовательно-воспитательным потоком [4] и др. Объединяясь, эти потоки гармонизируют педагогическую систему, определяя процесс и результаты обучения и воспитания в образовательной организации [20].

При этом управление педагогическими потоками направлено на обеспечение функционирования, но не развития системы, в которой осуществляет-

ся педагогическая логистика. Отсутствие такого приоритета и направленность на воспроизводство определенного уровня достижений объединяет ее с образовательной логистикой и делает очевидным их ограниченность в вопросах управления региональным образовательным холдингом.

Преодолеть данную ограниченность можно при объединении двух логистик на основе кластерного подхода в логистику педагогических инноваций. Основной ее идеей становится направленность на развитие одновременно педагогической системы, реализуемой в образовательной организации, и поддерживающей ее инфраструктуры.

Под термином «логистика педагогических инноваций» мы понимаем «область теоретических исследований и практическую деятельность, направленную на согласование процессов и потоков в образовательной системе с целью создания условий, достаточных для производства, апробации и внедрения педагогических новшеств, а также продвижения полученных результатов в образовательной среде» [21, с. 41]. Целью такой логистики является гармонизация потоков образовательного холдинга для формирования стабильного потока педагогических инноваций. Последние являются одновременно результатом деятельности и фактором развития территориального образовательного кластера.

Охарактеризовать потоки, которыми оперирует логистика педагогических инноваций, можно на основании параметров, описывающих ее направленность на функционирование либо развитие инфраструктурных или педагогических компонентов образовательной системы. В пространстве параметров мы можем выделить пять потоков:

- педагогические (потоки обучения и воспитания) – образованы совокупностью собственно педагогических компонентов образовательной системы;

- инфраструктурные – определяются материальными и экономическими ресурсами образовательной системы;

- интегративные – объединяют сведения (информацию) и средства их перемещения в образовательном кластере, условия, в которых происходит общение людей;

- поток помех – образован стремлением людей сохранить имеющийся статус-кво образовательной системы, что порождает условия, сдерживающие ее развитие;

- поток педагогических инноваций – образуется «при сочетании одновременной направленности логистики на развитие инфраструктуры и педагогической системы» [21, с. 41]. Он образован деятельностью субъектов образовательных отношений, направленной на разработку и внедрение в образовательную систему педагогических новшеств, обеспечивающих повышение эффективности её функционирования и развитие.

Результаты и их обсуждение: парадигмы развития логистики педагогических инноваций в региональном образовательном холдинге

Направления развития логистики педагогических инноваций и образовательного холдинга определяются идеологией логистики, представляющей собой совокупность взглядов, которая отражает систему отношений субъектов к миру, людям, событиям, деятельности, происходящим изменениям [22, с. 199]. Мы предлагаем конкретизировать ее пятью парадигмами (моделями, образцами решения) – аксиологической, гуманитарной, парадигмой взаимодействия, содержательной и технологической. Они формируют ценностные, содержательные, а также инструментальные рамки реализации и развития логистики педагогических инноваций.

Сущность первой из них определяется ориентацией логистики на ценностное отношение к ресурсам и условиям, способствующим развитию образовательного холдинга: педагогическим нововведениям и инновационной деятельностью, субъектам инноваций и логистики, участникам кластера и их взаимоотношениям, холдингу в целом [23]. Развитие способов мотивации и приобщения к инновационному поиску, обеспечение условий для самореализации в инновационной деятельности, разносторонняя поддержка инноваторов и решение аналогичных вопросов определяют аксиологическое направление развития логистики педагогических инноваций.

Гуманитарную парадигму можно раскрыть представлением о логистике как ресурсе самоактуализации личности. В образовательном холдинге люди являются основополагающим звеном потока педагогических инноваций – его источником, регуляторами нововведений и их потребителями, субъектами логистики. Создавая условия для развития холдинга, логистика содействует раскрытию инновационного потенциала каждого участвующего в нем человека – педагога, руководителя, эксперта, консультанта. Это происходит посредством обучения (повышения квалификации и переподготовки), вовлечения в профессиональные сообщества (ассоциации, клубы, школы), консалтинга и других форм деятельности, направленных на подготовку субъектов к успехам в сфере нововведений [24, 25].

Все эти формы деятельности основаны на взаимодействии субъектов образовательного холдинга, которое раскрывает значение логистики через их согласованную совместную деятельность, направленную на создание и продвижение такого продукта, как педагогические инновации. Парадигма взаимодействия позволяет обозначить два самостоятельных вектора, в соответствии с которыми будут строиться

перспективы логистики. Один из них задан совершенствованием механизма внутри- и межкластерного взаимодействия, определяющего многообразие взаимоотношений участников холдинга друг с другом и с партнерами, находящимися в среде внешней по отношению к кластеру. Очевидно, что эффективность этого взаимодействия определяется различными факторами, в ряду которых обнаруживаются: качество синхронизации действий руководителей образовательных организаций, входящих в состав холдинга, наличие соответствующих целей, выбор подходов и принципов, форм, методов и средств, критериев оценки такого взаимодействия [26]. Второй вектор связан с движением (диффузией, переносом, распространением) педагогических инноваций внутри холдинга и за его границами. Применение традиционных и адаптированных под специфику решаемых задач, а также новых форм взаимодействия позволяет обеспечить достаточное количество, разнообразие и качество потока педагогических инноваций.

В русле движения элементов, формирующих в образовательном холдинге различные потоки, берет начало четвертая, содержательная парадигма. Ее ключевым тезисом, отражающим одну из задач логистики педагогических инноваций, является комплексное изучение предметной стороны потоков и их особенностей (типичного и специфического содержания), взаимовлияния потоков, явлений и свойств, возникающих в результате такого влияния. Самостоятельными задачами логистики в русле содержательной парадигмы является изучение динамических характеристик потока педагогических инноваций, а также установление способов воздействия на потоки и управления ими.

Поиск решения этих задач непосредственно связан с реализацией технологической парадигмы, сосредоточивающей нас на необходимости инструментального совершенствования логистики педагогических инноваций. Этот процесс может происходить в нескольких направлениях, и в качестве одного из них можно обозначить поиск средств и способов создания в образовательном холдинге большого количества качественных и разнообразных педагогических нововведений. Технологии цифровизации, геймификации, экспертных оценок и другие позволят обновить и/или адаптировать традиционные логистические методы (теорию систем, теорию компромиссов, способы планирования, концепцию «точно в срок» и др. [2, 3]) для решения собственно образовательных задач. Вполне понятно, что эти изменения будут сопровождаться активным поиском новых подходов к оценке логистики педагогических инноваций и соответствующих практических решений – определения критериев и показателей, алгоритмов обработки данных и мониторинга эффективности.

Выводы

В завершение можно подвести итоги рассмотрения логистики педагогических инноваций и парадигм ее развития в региональном образовательном холдинге.

Появившись в экономике, понятие «логистика» описывает одновременно науку и практическую деятельность, связанные с управлением разнообразными потоками, существующими в социальных системах. На этом основании логистика применима к деятельности образовательных холдингов, представляющих собой кластер горизонтально интегрированных образовательных учреждений.

Применение логистики в образовании привело к появлению категорий «образовательная логистика» и «педагогическая логистика». С их помощью описываются теоретические концепции и эмпирические решения, направленные на обеспечение стабильного функционирования инфраструктурных и собственно педагогических компонентов образовательной системы. С позиции задач образовательного холдинга, ключевой идеей которого является развитие на основе инноваций, возможности образовательной и педагогической логистики весьма ограничены. Преодолеть эту ограниченность можно при помощи логистики педагогических инноваций, которая ориентируется на развитие как педагогической системы, так и инфраструктуры образовательного холдинга. Являясь методологической основой и прикладным ресурсом менеджмента в образовании, логистика педагогических инноваций сосредоточена на гармонизации ряда потоков в образовательном холдинге, среди которых педагогические (потоки обучения и воспитания), инфраструктурные (материальные и финансовые), интегративные (информация и люди), поток помех, поток педагогических инноваций.

Как теория и практика управления образовательным холдингом логистика педагогических инноваций развивается в направлениях, которые определяются пятью парадигмами. Аксиологическая парадигма акцентирует ценностное отношение субъектов холдинга к образовательным инновациям, гуманитарная – приоритет человека как субъекта логистики в холдинге. Парадигма взаимодействия связана с развитием контактов и отношений как внутри холдинга, так и за его пределами. Содержательная парадигма предполагает организацию исследований потоков в холдинге, технологическая – инструментальное совершенствование логистики педагогических инноваций.

Логистика педагогических инноваций и парадигмы, определяющие рамки ее реализации и направления развития, представляют собой сферу перспективных научных исследований и деятельности, связанных с управлением образовательными холдингами.

Библиографический список

1. Друкер П. Управление в обществе будущего / пер. с англ. и ред. Е. В. Трибушной. М. : Вильямс, 2007. 320 с.
2. Трофимова О. А. Обоснование применения логистического подхода к системе управления в сфере образования // Инновационные проекты и программы в образовании. 2012. № 1. С. 51–54.
3. Трофимова О. А., Захарова Л. А. Логистический подход к управлению потоками в образовательных учреждениях // Педагогическое образование в России. 2014. № 2. С. 84–87.
4. Носов А. Л. Логистика : учеб. пособие. М. : Магистр, 2018. 184 с.
5. Чечель И. Д., Потемкина Т. В. Образовательная система : многообразие значений, особенности функционирования // Современные исследования социальных проблем : научный электронный журнал. 2012. № 2 (10). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovatel'naya-sistema-mnogoobrazie-znacheniy-osobennosti-funktsionirovaniya/viewer> (дата обращения: 05.02.2020).
6. Сафин Р. С., Масалимова А. Р., Зялаева Р. Г., Матухин Е. Л. Научно-методическое обеспечение инновационного развития образовательного кластера в условиях интеграции науки, образования и производства : науч.-метод. пособие / под науч. ред. Г. И. Ибрагимова. Казань : Изд-во «Данис», 2014. 143 с.
7. Данилов С. В., Лукьянова М. И. Кластерный подход в региональном образовании // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=18896> (дата обращения: 11.03.2020).
8. Максимова Е. А. Структура и задачи образовательного холдинга // Образование и наука. 2013. № 2 (101). С. 18–27.
9. Максимова Е. А. Сетевое взаимодействие членов регионального образовательного холдинга // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2015. № 1 (20). С. 115–117.
10. Навазова Т. Г. Образовательный холдинг как инновационная организация системы непрерывного профессионального образования // Человек и образование. 2005. № 2. С. 20–24.
11. Новикова Т. Г., Гоголова М. Н. Многофункциональные образовательные организации столицы // Народное образование. 2014. № 1. С. 145–148.
12. Андрюшкова О. В., Леган М. В., Яцевич Т. А. Логистика организации электронного обучения в университете // Открытое и дистанционное образование. 2011. № 4 (44). С. 5–10.
13. Громова Т. А., Селиванов А. В. Логистика образовательного процесса // Решетневские чтения. 2012. Т. 2, № 16. С. 761–762.
14. Гончарова М. А., Гончарова Н. А. Образовательная логистика как стратегический императив экономического развития региона // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2009. № 3. С. 15–17.
15. Денисенко В. А. Основы образовательной логистики. Калининград : КГУ, 2003. 317 с.
16. Склярова Н. Ю. К вопросу об образовательной логистике // Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 5. С. 323–330.
17. Сластенин В. А., Исаев И. Ф., Шиянов Е. Н. Педагогика / под ред. В. А. Сластенина. М. : Издательский центр «Академия», 2002. 576 с.
18. Лившиц В. Педагогическая логистика // Полисветие : литерат.-худ. и публ. сб. Ида-Вирумаа / сост. В. Жилкин, С. Чекрыжев. Кохтла-Ярве : Полисветие, 2007. С. 72–79.
19. Широченко Н. В., Громова Т. А., Ковалева О. Методы логистики в новых сферах приложения // Решетневские чтения. 2013. Т. 2, № 17. С. 427–428.
20. Лопатухина Т. А., Залевская Т. В. Структура информационного потока педагогической логистики в формате подготовке студентов медицинского университета по психиатрии // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2014. № 1. С. 86–88.
21. Данилов С. В. Логистика педагогических инноваций как методология управления нововведениями в образовании // Современные проблемы науки и образования. 2020. № 1. С. 41. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=29560> (дата обращения: 21.03.2020). DOI: 10.17513/spno.29560
22. Идеология // Философский энциклопедический словарь / гл. ред.: Л. Ф. Ильичёв и др. М. : Советская энциклопедия, 1983. 840 с.
23. Лукьянова М. И., Шустова Л. П., Данилов С. В. Формирование ценностного отношения к здоровью : региональный опыт инновационной деятельности образовательных организаций // Теория и практика физической культуры. 2019. № 2. С. 96–98.
24. Зарубина В. В., Лукьянова М. И., Фахретдинова М. А., Данилов С. В. Развитие акмеологической позиции учителей физической культуры в условиях системы дополнительного образования взрослых // Теория и практика физической культуры. 2018. № 2. С. 24–26.
25. Lukyanova M., Danilov S., Glebova Z. Novice teachers' readiness for innovative activities in education // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences : IFTE 2018 4th International Forum on Teacher Education. Kazan, 2018. P. 705–711. DOI: 10.15405/epsbs.2018.09.83
26. Aleksandrova E. A., Rudenko I. V., Kolesnikov M. A., Garipova V. V., Kuznezov S. V. Socio-cultural conditions of educational environment development // Humanities and Social Sciences Reviews. 2019. Vol. 7, № 4. P. 1137–1142.

Образец для цитирования:

Данилов С. В. Логистика педагогических инноваций: парадигмы развития в образовательном холдинге // Изв. Саратовского университета. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2020. Т. 9, вып. 4 (36). С. 317–323. DOI: <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2020-9-4-317-323>

Logistics of Pedagogical Innovations: Paradigms of Development in Educational Holding

Sergey V. Danilov

Sergey V. Danilov, <https://orcid.org/0000-0002-1022-5049>, Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov, 81 12 September St., Ulyanovsk 432017, Russia, danilovnic@rambler.ru

The transition of Russian society to the post-industrial stage actualizes the problem of developing educational systems based on innovations and the search for a relevant methodology for managing pedagogical innovations. Its basis is the logistics of pedagogical innovations as the theory and practice of flow control in educational systems. *The purpose of the study* is to determine the paradigms of logistic development of pedagogical innovations as a methodology and mechanism for managing innovation in an educational holding. *The hypothesis* is presented by the assumption that these paradigms form value, content and instrumental frameworks for the implementation and development of logistics of pedagogical innovations. The study is based on an analysis of primary sources, including 1492 cases, which include reports on the results of innovative activities of educational organizations of Ulyanovsk Oblast, which are innovative sites that are part of a regional educational holding (100 educational organizations annually). The materials were prepared during the period from 2003-2004 to 2017-2018 academic years. We introduced the concept of "logistics of pedagogical innovations", which describes the theory and practice of managing flows (pedagogical, infrastructural, integrative, interference) in an educational holding in order to ensure a steady flow of pedagogical innovations that are the result of its activities and development factor. We identified directions of development of pedagogical innovations logistics, which are defined by five paradigms: axiological (value of innovation), humanitarian (a person as a subject of logistics), interaction paradigm (focus on the development of interaction in the holding's internal and external environment), meaningful (priority in the study of flows in an educational holding) and technological (focus on improving methods and means of logistics). Each of them sets priorities for improving the educational holding.

Keywords: educational system, educational holding, educational logistics, pedagogical logistics, pedagogical innovation logistics, paradigms of development of logistics of pedagogical innovations.

Received: 27.03.2020 / Accepted: 07.09. 2020 / Published: 21.12.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

References

1. Druker P. *Upravlenie v obshchestve budushchego* [Managing in in society of the future]. Transl. and ed. E. B. Tribushnoy. Moscow, Vil'yams Publ., 2007. 320 p. (in Russian).
2. Trofimova O. A., Rationalization for use logistical approach to the management system in education. *Innovative projects and programs in education*, 2012, no. 1, pp. 51–54 (in Russian).
3. Trofimova O. A., Zakharova L. A. Logistic approach to flow control in educational institutions. *Pedagogical Education in Russia*, 2014, no. 2, pp. 84–87 (in Russian).
4. Nosov A. L. *Logistika* [Logistics]. Moscow, Magistr Publ., 2018. 184 p. (in Russian).
5. Chechel' I. D., Potemkina T. V. Educational system: variety of values, features of functioning. *Modern research of social problems (scientific e-journal)*, 2012, no. 2 (10). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovatel'naya-sistema-mnogoobrazie-znacheniy-osobennosti-funktsionirovaniya/viewer> (accessed 21 March 2020) (in Russian).
6. Safin R. S., Masalimova A. R., Zyalaeva R. G., Matukhin E. L. *Nauchno-metodicheskoe obespechenie innovatsionnogo razvitiya obrazovatel'nogo klastera v usloviyakh integratsii nauki, obrazovaniya i proizvodstva*. Sci. ed. G. I. Ibragimova. Kazan', Danis Publ., 2014. 143 p. (in Russian).
7. Danilov S. V., Lukyanova M. I. Cluster approach in the regional education. *Modern problems of science and education*, 2015, no. 1-1. Available at: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=18896> (accessed 21 March 2020) (in Russian).
8. Maksimova E. A. The Structure and Tasks of Educational Holdings. *The Education and science journal*, 2013, no. 2 (101), pp. 18–27 (in Russian).
9. Maksimova E. A. Net interaction in a regional educational holding. *Science Vector of Togliatti State University. Series: Pedagogy, Psychology*, 2015, no. 1 (20), pp. 115–117 (in Russian).
10. Navazova T. G. Educational holding as an innovative organization of the system of continuing professional education. *Chelovek i obrazovanie* [Man and education], 2005, no. 2, pp. 20–24 (in Russian).
11. Novikova T. G., Goglova M. N. Multifunctional educational organizations of the capital. *Narodnoe obrazovanie* [National Education], 2014, no. 1, pp. 145–148 (in Russian).
12. Andryushkova O. V., Legan M. V., Jatsevich T. A. Logistics of the organization of electronic training at university. *Open and distance education*, 2011, no. 4 (44), pp. 5–10 (in Russian).
13. Gromova T. A., Selivanov A. V. Logistics of educational process. *Reshetnevskie chteniya* [Reshetnev readings], 2012, vol. 2, no. 16, pp. 761–762 (in Russian).
14. Goncharova M. A., Goncharova N. A. Educational logistics as strategic imperative of economical development of region. *Scientific notes of Orel State University. Series «Humanities and social sciences»*, 2009, no. 3, pp. 15–17 (in Russian).
15. Denisenko V. A. *Osnovy obrazovatel'noy logistiki* [Educational Logistics Basics]. Kaliningrad, KGU Publ., 2003. 317 p. (in Russian).
16. Sklyarova N. Ju. On the question of education logistics. *Gumanitarnye i social'nye nauki* [The humanities and social sciences], 2012, no. 5, pp. 323–330 (in Russian).
17. Slastenin V. A., Isaev I. F., Shiyarov E. N. *Pedagogika* [Pedagogy]. Ed. V. A. Slastenin. Moscow, Izdatel'skiy centr «Academiya», 2002. 576 p. (in Russian).
18. Livshic V. Pedagogical logistics. In: V. Zhilkin, S. Chekryzhev, comp. *Polisvetie sbornik* [Collection Polysvet]. Kohtla-Yarve, 2007, pp. 72–79 (in Russian).
19. Shirochenko N. V., Gromova T. A., Kovaleva O. Methods of logistics in new areas of application. *Reshetnevskie chteniya* [Reshetnev readings], 2013, vol. 2, no. 17, pp. 427–428 (in Russian).
20. Lopatukhina T. A., Zalevskaya T. V. The structure of the

- information flow of pedagogical logistics in the format of training students of a medical university in psychiatry. *Gumanitarnye i social'no-jekonomicheskie nauki* [The Humanities and socio-economic sciences], 2014, no. 1, pp. 86–88 (in Russian).
21. Danilov S. V. Logistics of pedagogical innovations as a methodology for managing innovation in education. *Modern Problems of Science and Education. Surgery*, 2020, no. 1, p. 41. Available at: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=29560> (accessed 21 March 2020) (in Russian). doi: 10.17513/spno.29560
22. Ideologiya. In: L. F. Il'ichyov et al., eds. *Filosofskiy enciklopedicheskiy slovar'* [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sovetskaya enciklopediya, 1983. 840 p. (in Russian).
23. Lukyanova M. I., Shustova L. P., Danilov S. V. Values-driven health agenda formation: innovative experience of regional educational establishments. *Theory and Practice of Physical Culture*, 2019, no. 2, pp. 96–98 (in Russian).
24. Zarubina V. V., Lukyanova M. I., Fahretdinova M. A., Danilov S. V. Acmeological stand shaping service to physical specialists in advanced education system. *Theory and Practice of Physical Culture*, 2018, no. 2, pp. 24–26 (in Russian).
25. Lukyanova M., Danilov S., Glebova Z. Novice teachers' readiness for innovative activities in education. *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences. IFTE 2018 4th International Forum on Teacher Education*, Kazan, 2018. P. 705–711. DOI: 10.15405/epsbs.2018.09.83
26. Aleksandrova E. A., Rudenko I. V., Kolesnikov M. A., Garipova V. V., Kuznezov S. V. Socio-cultural conditions of educational environment development. *Humanities and Social Sciences Reviews*, 2019, vol. 7, no. 4, pp. 1137–1142.

Cite this article as:

Sergey V. Danilov. Logistics of Pedagogical Innovations: Paradigms of Development in Educational Holding. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2020, vol. 9, iss. 4 (36), pp. 317–323 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2020-9-4-317-323>

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ РАЗВИТИЯ ПСИХИКИ

УДК 316.6:159.9

Коллективная и семейная память в контексте взаимодействия Я и Другого

Е. В. Рягузова

Рягузова Елена Владимировна, доктор психологических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии личности, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, rjaguzova@yandex.ru

Представлены результаты теоретического анализа конструктов «коллективная память» как хранилища коллективного опыта большой группы, репрезентированного в смыслах, символах, образах, культурных кодах, средствах, механизмах воспроизводства и трансляции прошлого, и «семейная память» как ее разновидность в контексте малой группы. *Полагается*, что коллективная и семейная память выступает своеобразной онтологической опорой, позволяющей акторам устанавливать порядок и согласие в обществе, понимать принципы его жизнеустройства, конструировать социальную и культурную идентичность, выстраивать экзистенциальный смысл, траекторию и стратегию жизни личности, сохранять конфигурацию ключевых ценностей и транслировать их следующим поколениям. *Цель* исследования, представленного в статье, – определение специфических особенностей коллективной и семейной памяти как феноменов, возникающих в результате взаимодействия Я и Другого / Других. Основным методом исследования выступает теоретическая рефлексия коллективной и семейной памяти в контексте взаимодействия Я и Другого. Утверждается, что коллективная память есть обобщенная и управляемая память Других, доминантной функцией которой выступает сохранение целостности и безопасности большой группы, тогда как семейная память есть коммуникативная память, основанная на эффекте соучастия и сопричастности прожитого, пережитого и проговоренного опыта значимого Другого – представителя малой группы. Прикладной аспект исследуемой проблемы заключается в использовании результатов проведенной теоретической рефлексии при разработке основ политики памяти и коммеморативных практик, управлении прошлым и разрешении конфликтов памяти в рамках дискурса Большой истории, а также формировании метаустановок членов семейной системы по отношению к собственной действительной и действенной семейной истории.

Ключевые слова: коллективная память, Я – Другой, обобщенная память Других, семейная память, память значимого Другого.

Поступила в редакцию: 12.03. 2020 / Принята: 07.09. 2020 / Опубликована: 21.12.2020

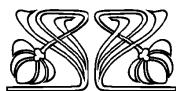
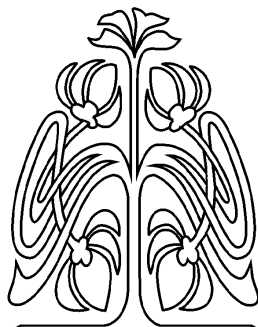
Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2020-9-4-324-330>

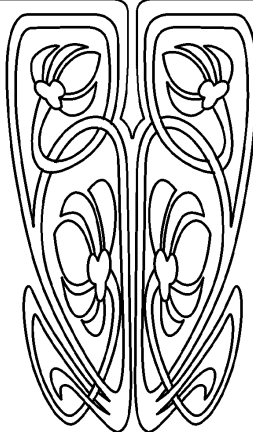
Введение

С констатации стремительных изменений, происходящих в современном мире, обусловленных глобализацией и миграционными процессами, тотальной информатизацией и цифровизацией, массовой виртуализацией и повсеместной технологизацией, начинались практически все научные статьи, авторы которых вписывали актуальность своего исследования в «текущую современность» [1].

Ситуация, связанная с пандемией и представляющая собой не только эпидемиологический, но и психологический кризис, не отменяя предыдущих вызовов, рисков и угроз, усиливающих неопределенность и непредсказуемость будущего, требует тотального переосмысления

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

жизненных проблем и остро ставит важные онтологические, экзистенциальные и аксиологические вопросы. Что будет дальше? Каким будет мир после пандемии? Как быстро восстановится мировая экономика? По какой траектории пойдет развитие всей цивилизации? Возможен ли диалог культур в условиях витальной опасности? Можно полагать, что пандемия и обусловленная ею самоизоляция не ставят мир на паузу, поскольку отмена паузы не означает плавного продолжения остановленного процесса, а подводит и приводит человечество к точке бифуркации, предполагающей целый веер сценариев дальнейшего развития цивилизации, общества, группы, отдельной личности.

Для того чтобы ответственно подойти к такому выбору, людям необходимо иметь устойчивые точки опоры, позволяющие устанавливать порядок и согласие в обществе, понимать принципы его жизнеустройства, конструировать социальную и культурную идентичность, выстраивать личностный смысл собственного существования и стратегию своей жизни, сохранять конфигурацию ценностей и транслировать их следующим поколениям, осознавать, кто Я и Другие – предшественники, современники, наследники.

Одной из таких точек опоры выступает коллективная память, которая, существуя по своим законам, призвана хранить коллективный опыт, репрезентированный в смыслах, символах, образах, культурных кодах, средствах и механизмах воспроизводства и трансляции прошлого.

Целью данной статьи является определение специфических особенностей коллективной и семейной памяти как интерактивных феноменов, возникающих в результате взаимодействия Я и Другого / Других. *Полагается*, что коллективная и семейная память выступает своеобразной онтологической опорой, позволяющей актерам устанавливать порядок и согласие в обществе, понимать принципы его жизнеустройства, конструировать социальную и культурную идентичность, выстраивать экзистенциальный смысл, траекторию и стратегию жизни личности, сохранять конфигурацию ключевых ценностей и транслировать их следующим поколениям.

Коллективная память как обобщенная и управляемая память Других

Коллективная память определяется как совокупность значимых для группы образных и вербальных репрезентаций прошлого, транслируемых и воспроизводимых членами группы в настоящем [2]. Она конституирует смыслы безопасности и выступает главной составляющей идентификационной матрицы общества и его представителей, условием формирования социальной и личностной идентичности. Коллективная память обеспечивает целостность и

единство общества, способствуя его консолидации и интеграции, эмоционально вовлекая его членов и актуализируя у них чувство «Мы», защищает и маркирует групповые границы, упорядочивает события в рамках нравственной дихотомии «добро – зло», детерминирует и усиливает активность социальных акторов в актуальном настоящем. Основной функцией коллективной памяти являются не столько удержание прошлого и его приватизация, сколько сохранение целостности группы (коллективной общности) и трансляция культурного кода, значимого для ее единства. Хронотоп коллективной памяти характеризуется сложностью, ее проекции локализованы во всех инстанциях темпоральности – прошлом, настоящем, будущем. Точкой соединения разных временных модусов, своеобразным аттрактором выступает важность и значимость событий для формирования групповой идентичности и конструирования смысла настоящего и будущего членами группы, стремящимися уменьшить неопределенность будущего и минимизировать риски повторения кризисных ситуаций и событий [3].

В качестве основных атрибутов коллективной памяти выделяются:

- отсутствие полного изоморфизма как по форме, так и по содержанию между фактом, историческим событием, социальной ситуацией, объектом или субъектом и их представленностью в коллективной памяти, поскольку репрезентации априори «запаздывают» относительно присутствия – презентации и возникают при отсутствии того, что представляют, соотносясь с ними лишь в онтологическом плане;

- непрерывность и открытость, связанные с тем, что содержание коллективной памяти постоянно обновляется и дополняется за счет совместного проживания и коллективного переживания новых событий и этапов жизни группы;

- динамичность, обусловленная тем, что репрезентации некоторых событий и фактов со временем могут вытесняться на периферию пространства коллективной памяти вследствие не только серьезных общественных потрясений, связанных с катаклизмами, кризисами и пандемиями, но и в том случае, когда сменяются поколения, уходят непосредственные свидетели или очевидцы тех или иных объективных событий, носители «живой» индивидуальной памяти о них, проходя своеобразный путь от «здесь и сейчас» бытия к ино-бытию, а затем к за-бытию, не исчезая при этом бесследно;

- наличие закрытых зон, опосредованных опытом проживания, выживания и переживания в условиях тотальной угрозы существования группы, расхождениями между дискурсами официальной и приватной памяти непосредственных участников или очевидцев тех или иных событий, которые основываются на разных целях, стратегиях и способах конструирования отношений к прошлому;

– эмоциональность и избирательность, проявляющиеся в том, что некоторые прошлые события стабильно сохраняются в коллективной памяти и внимание на них устойчиво фиксируется, независимо от того позиционируются они для группы как легендарные и победоносные или, наоборот, мучительные и неудобные;

– коммуникативность и нарративная организация, характеризующиеся тем, что коллективная память манифестируется и обнаруживается только при взаимодействии людей как в диахронном, так и в синхронном измерении;

– специфичность пространственно-временного хронотопа коллективной памяти, заключающаяся в непрерывности континуума культурных смыслов;

– возможность управления и внешняя интервенция (вмешательство извне), приводящие к реконфигурации пространства коллективной памяти и его форматированию под определенные задачи и потребности.

Следовательно, коллективная память как накопленный и обобщенный опыт группы и общества атрибутирует некоторое дополнительное значение событиям, происходящим «здесь и сейчас», обеспечивает сохранение, целостность и безопасность группы, а также формирует социальную и личностную идентичность ее членов. Несмотря на то что пространство коллективной памяти самонастраивается и самоорганизуется, оно является управляемым и может позиционироваться как обобщенная и управляемая память Других.

Семейная память как результат коммуникации со значимым Другим

Одной из разновидностей коллективной памяти, задающей, формирующей контекст индивидуальной памяти и служащей для нее своеобразной социокультурной матрицей, выступает семейная память, носителями и хранителями которой являются члены одной семейной системы. Контент семейной памяти характеризуется разной степенью осознанности и охватывает разные режимы бытия: повседневность (семейные традиции, ритуалы, сценарии жизни и поведенческие паттерны, кулинарные рецепты, дни и места памяти, семейные документы) и экстремальность (войны, природные и техногенные катастрофы, репрессии, травмы, опыт их преодоления и стратегии совладания с ними). Независимо от бытийного режима семейная память выполняет те же основные функции, что и коллективная – конструирует личностную и социальную идентичность, укрепляет и консолидирует членов семьи, актуализирует у них чувство принадлежности, солидарности, включенности в семейный контекст, охраняет и транслирует значимые семейные ценности, верования и установки.

Несмотря на разные режимы, семейная память сохраняется и транслируется только в процессе коммуникации между членами семьи, благодаря которой прошлое становится памятью [4]. Семейная память проявляется через интеракции Я – Другой и объективируется посредством беседы, дискурса, повествования, т. е. по сути является коммуникативной памятью, нуждаясь в языке как основном средстве выражения прожитого и пережитого, и представляет собой знания, опыт или биографические воспоминания, разделенные с другими представителями семьи и ставшие для них общими. Она проявляется не только посредством артикулированных, проговоренных семейных историй, но и через семейный уклад, особенности детско-родительских и супружеских отношений, специфику жизненных сценариев, установок и ценностей. Как считают Я. Ассман и А. Ассман [5, 6], коммуникативная память охватывает временной интервал трех-четырёх поколений людей (80–100 лет) и может полностью исчезнуть вместе со своими носителями, если не будет трансформирована в метанарратив коллективной или культурной памяти.

Вероятно, успех коммеморативного проекта «Бессмертный полк» отчасти связан именно с включением в общую рамку дискурсов официальной и семейной памяти. Официальный дискурс коллективной памяти о победе в Великой Отечественной войне, рефреном которого выступает лозунг «Никто не забыт», акцентирует внимание на народном характере Победы и поименном признании заслуг каждого ее участника. У семейной памяти есть конкретные персонифицированные лица, а ее дискурс направлен на сакрализацию члена семейной системы – образа ветерана или труженика тыла, благодаря которому подтверждается его высокий статус, – а также на поддержание межпоколенческих связей в семье. Участие в акции – это коммуникативный жест, эмоционально сшивающий в единое целое прошлое, настоящее и будущее семейных поколений и имеющий многих адресатов: всех тех, кто непосредственно участвовал и героически победил там и тогда, всех тех, кто ответственно помнит и гордится здесь и сейчас, и всех тех, кто должен помнить и благодарить в будущем.

Содержание семейной памяти, безусловно, всегда пересекается с историческими событиями, которые вплетаются в автобиографический или семейный нарратив. Вместе с тем семейная память существенно отличается от исторической тем, что психологическая позиция ее субъекта, которая характеризуется разным соотношением слагаемых исторического опыта, не является однозначно определяющей. Это означает, что не столь важно, являлся ли рассказывающий представителем семьи участником, очевидцем, современником или наследником тех или иных событий, насколько полно, целостно и достоверно он излагает события прошлого. Значительно

существеннее артикуляция его текстов памяти – версий прошлого, смысловые интерпретации и субъективные переживания, их эмоционально-ценностный, смысловой, нормативный, аксиологический контекст. Более того, по тщательно сохранным семейным документам – мемуарам, рукописям, фотографиям, дневникам, бытовым предметам – возможно реконструировать атмосферу и дух того или иного исторического периода, позволяющие лучше понять определенную эпоху, ее рамки и жизнь людей.

Позиционируя семейную память как коммуникативную, проанализируем ее основные составляющие, опираясь на базовую модель коммуникации, репрезентированную пятью основными компонентами – кто, что, по какому каналу, кому, с каким эффектом. Заметим, что для этого анализа мы будем обращаться к экстремальному режиму семейной памяти, т. е. к тому ее содержанию, которое связано с тяжелыми, травматическими событиями и переживаниями.

Кто является основным хранителем и транслятором содержания семейной памяти? Безусловно, семья может назначить рассказчиком той или иной семейной истории практически любого своего представителя, но все же не каждый член семьи может быть услышан, не все события прошлого включаются в семейную память и полностью передаются и не любое межличностное семейное взаимодействие способствует трансмиссии коллективной памяти [7–9]. По мнению А. А. Шутценбергер [10], фигурами умолчания и, соответственно, фигурами молчания внутри семейной памяти, как правило, являются те, кто совершил что-то предосудительное с точки зрения норм морали определенного времени и нанес репутационный вред всей семейной системе. В интересном исследовании, проведенном С. А. Веккиловой [11], эмпирически доказывается, что из содержания семейной памяти удаляется та информация, которая противоречит, вступает в конфликт или не соответствует установкам и стереотипам семьи. В частности, было показано, что чаще «забываются» не кровные родственники («не-свои», привлеченные супружеские партнеры), члены семьи с низким статусом, дети, так и не ставшие взрослыми в силу разных причин. Обратим внимание на то, что дихотомия «свой – чужой», являясь онтологической константой, явно проявляется и внутри семейного контекста, не давая «чужим» право голоса на трансляцию своего видения тех или иных семейных событий.

Чаще всего архиватором семейных историй выступает значимый Другой, который именно благодаря своей значимости может быть услышан и понят другими членами семьи. Заметим, что его значимость обуславливается как высоким положением в обществе, заслуженной репутацией, авторитетом, властью, так и особым семейным статусом – положением представителя старшего поколения в семье, имеющего богатый и востре-

бованный жизненный опыт, наделенного мудростью, открытостью и умением видеть глубину происходящего.

Кому передаются семейные истории? Только заинтересованному Другому, поскольку при артикулировании своего опыта и переживаний рассказчику важна реакция Другого, которая позволяет ему переосмыслить и по-новому оценить свои действия с учетом перспективы видения, оценок Другого, его интереса и эмоционального отклика [12]. Несмотря на уникальность и эксклюзивность каждого человека, его память как качество опыта всегда вписана в пространственно-временной, социокультурный и коммуникативный контекст. Именно это существенно определяет содержание того, что конкретно вспоминается, и способствует актуализации тех или иных мнемических следов [13].

Считается, что травматические события памяти рода передаются через поколение. Это обусловлено несколькими причинами. Первая – «оглушенное состояние выжившего» [6], его защитная «ослабленная память» [14], отсутствие сил прорабатывать, а тем более проговаривать Другому травматический опыт, желание оградить следующее поколение от трагических голосов и собственных болезненных воспоминаний. Это своеобразный период латентного присутствия травматического опыта в семейной памяти, который, несмотря на скрытую форму, все равно транслируется через невербальное поведение, коммуникативные умалчивания, мнемоническую тишину [15, 16], запреты и разрывы воспоминаний.

Вторая причина – то, что поколения, родившиеся после травматических событий, условно говоря «дети» носителей травмы, сохраняют в памяти лишь то, что считают важным в жизни родителей, и как показывают исследования, этим важным и значимым является не опыт переживания старшего поколения, а те материальные изменения, которые последовали за трагическими событиями [17]. В еще одном исследовании эмпирически доказывается, что дети людей, переживших травматические ситуации в детстве (например, войну), вынужденно становятся доминантными взрослыми для них, т. е. родителями собственных родителей, используя для обозначения этого феномена термин «парентификация» и подчеркивая, что представители второго поколения рано становятся самостоятельными и чувствуют ответственность за родителей [18]. Получается, что второе поколение, наследуя травматический опыт, также не может его эмоционально прорабатывать, забываясь и защищая «слабых», травмированных, уязвимых родителей, и именно поэтому фиксируется на рациональных моментах.

Начиная с третьего поколения – внуков жертво-очевидцев, модальность содержания семейной памяти (и в целом коллективной памяти), связанной с травматическими и трагическими событиями, меняется с жертвенной на героическую [19]. Му-

чения и страдания людей приобретают сакральный смысл, происходит мифологизация жертв, придающая им дополнительную убедительность и историчность, а также смещается нарративная оптика с жертвования на самопожертвование, подразумевающая наделение жертвы-героя чертами пассионарной личности, осознанно жертвующей собой ради общего будущего. У третьего поколения актуализируется важное измерение семейной памяти – этическое, связанное со стремлением восстановить справедливость как минимум по отношению к члену семейной системы, а как максимум – по отношению ко всем жертвам, а также осуществить акт справедливого возмездия, т. е. полностью переформатировать контуры семейной и коллективной памяти.

Как закрепляются следы семейных историй и воспоминаний? Подобное сохранение имеет место благодаря формированию постпамяти – совокупности воспоминаний, опосредованных тесным межличностным взаимодействием с членами семьи, пережившими те или иные события и имеющими «живой» опыт, при этом «пост» символизирует этическую границу, разделяющую поколенческий опыт [20]. Сохранение памятного семейного нарратива происходит благодаря:

– эмоциональным механизмам – аффективной идентификации со значимыми и близкими Другими, эмпатии, рефлексии, эмпатическому резонансу;

– когнитивным механизмам – групповому осознанию, проработке и принятию, конструированию согласованных интерсубъективных смыслов, рефлексии ответственности перед собой и Другими, поддержке позитивной семейной идентичности;

– поведенческим механизмам – подражанию, присвоению поведенческих сценариев и паттернов, координации, сотрудничеству, групповому копингу.

Семейные рассказы передаются как аксиологические инварианты и смысловые константы, а возможность личностной идентификации с героями семейных историй позволяет запустить механизм трансгенерационной трансмиссии, основной целью которой выступают своеобразная индивидуализация семьи, акцентирование ее отличий от многих других, обусловленное не только собственной галереей предков, но и семейными ожиданиями.

Заключение

Коллективная память как депозитарий коллективного опыта большой группы, репрезентированного в смыслах, символах, образах, культурных кодах, средствах, механизмах воспроизводства и трансляции прошлого, представляет собой общественно-политический и социально-психологический конструкт, с помощью которого происходит нарративизация прошлого. В официальном дис-

курсе коллективной памяти «растворяется» живая память участников в сконструированной картине прошлого, а разные голоса очевидцев и их многоголосье сводятся к единому управляемому хору. Коллективная память есть обобщенная и управляемая память Других, доминантной функцией которой выступает сохранение целостности и безопасности большой группы.

Что касается дискурса семейной памяти, то он строится с учетом переживания событий, их включенности не только в хронологию общественной жизни, но и траекторию своей собственной судьбы, личного и семейного опыта, который оказывает влияние на Я-концепцию, персональную и социальную идентичность и не может быть аннулирован сверху. Семейная память представляет собой коммуникативную память, основанную на эффекте соучастия и сопричастности прожитого, пережитого и проговоренного опыта значимого Другого.

Библиографический список

1. Бауман З. Текучая современность. СПб. : Питер, 2008. 240 с.
2. Рягузова Е. В. Память Другого или другая память : социально-психологический анализ коммеморативных практик // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 61–68. DOI: 10.18500/1819-7671-2019-19-1-61-68
3. Szpunar P. M., Szpunar K. K. Collective future thought: Concept, function, and implications for collective memory studies // Memory Studies. 2015. Vol. 9, iss. 4. P. 376–389. DOI: 10.1177/1750698015615660
4. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти : пер. с фр. М. : Новое издательство, 2007. 346 с.
5. Assmann J. Communicative and Cultural Memory // E. Erll, A. Nünning, eds. Cultural Memory Studies. An International and Interdisciplinary Handbook. Berlin, New York : Walter de Gruyter GmbH&Co., 2008. P. 109–118.
6. Ассман А. Длинная тень прошлого : мемориальная культура и историческая политика : пер. с нем. М. : Новое литературное обозрение, 2014. 323 с.
7. Bietti L. M. Sharing Memories, Family Conversation and Interaction // Discourse and Society. 2010. Vol. 21, № 5. P. 499–523.
8. Stone C. B., Jay A. C. V. From the individual to the collective : The emergence of a psychological approach to collective memory // Applied Cognitive Psychology. 2019. Vol. 33, iss. 4. P. 504–515. DOI: 10.1002/acp.3564
9. Seery A., Bacon K. Auto/Biographical Research and the Family // J. Parsons, A. Chappell, eds. The Palgrave Handbook of Auto/Biography. Palgrave Macmillan : Cham, 2020. P. 143–156. DOI: 10.1007/978-3-030-31974-87
10. Шутценбергер А. А. Синдром предков. Трансгенерационные связи, семейные тайны, синдром годовщины, передача травм и практическое использование геносоциогаммы. М. : Изд-во Института психотерапии, 2001. 231 с.
11. Векилова С. А. Социальные рамки памяти многопоко-

- ленной семьи // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». 2013. Т. 6, № 3. С. 46–53.
12. *Habermas T.* Emotion and Narrative : Perspectives in Autobiographical Storytelling. Cambridge, Cambridge University Press, 2019. 345 p. DOI: 10.1017/9781139424615
13. *Bietti L. M., Stone C. B., Hirst W.* Contextualizing human memory // *Memory Studies*. 2014. Vol. 7, iss. 3. P. 267–271.
14. *Адорно Т.* Что значит «проработка прошлого» // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. С. 36–45.
15. *Stone C. B., Hirst W.* (Induced) Forgetting to Form a Collective Memory // *Memory Studies*. 2014. Vol. 7, iss. 3. P. 314–327. DOI: 10.1177/1750698014530621
16. *Stone C. B., Coman A., Brown A. D.* Toward a Science of Silence : The Consequences of Leaving a Memory Unsaid // *Perspectives on Psychological Science*. 2012. Vol. 7, iss. 1. P. 39–53. DOI: 10.1177/1745691611427303
17. *Gu X., Tse C.-Sh., Brown N. R.* Factors that modulate the intergenerational transmission of autobiographical memory from older to younger generations // *Memory*. 2020. Vol. 28, iss. 2. P. 204–215. DOI: 10.1080/09658211.2019.1708404
18. *Тинькова Е. Л., Катилевская Ю. А., Носенко М. А.* Трансгенерационные связи в семьях детей войны // Современная наука : актуальные проблемы теории и практики. Сер. «Познание». 2017. № 09-10. С. 47–52.
19. *Тарабрина Н. В., Майн Н. В.* Феномен межпоколенческой передачи психической травмы (по материалам зарубежной литературы) // Консультативная психология и психотерапия. 2013. Т. 21, № 3. С. 96–119.
20. *Хириш М.* Что такое постпамять (пер. с англ.) [Электронный ресурс]. URL: <http://urokiistorii.ru/node/53287> (дата обращения: 08.04.2020).

Образец для цитирования:

Рязузова Е. В. Коллективная и семейная память в контексте взаимодействия Я и Другого // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Акемология образования. Психология развития. 2020. Т. 9, вып. 4 (36). С. 324–330. DOI: <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2020-9-4-324-330>

Collective and Family Memory in the Context of “I and Others” Interaction

Elena V. Ryaguzova

Elena V. Ryaguzova, <https://orcid.org/0000-0003-2079-690X>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, rjaguzova@yandex.ru

The article presents the results of theoretical analysis of the “collective memory” constructs as a repository of collective experience of a large group, represented in the meanings, symbols, images, cultural patterns, means, mechanisms of reproduction and translation of the past, and the “family memory” constructs as its kind in the context of a small group. *We believe*, that collective and family memory act as specific ontological support that allows actors to establish order and harmony in the society, understand the principles of its life organization, construct social and cultural identity, determine the existential meaning, trajectory and strategy of a person's life, preserve the configuration of key values and transmit them to the next generations. *The purpose of the study* is to determine the specific features of collective and family memory as phenomena arising from the interaction of I and the Other/Others. The main research method is the theoretical self-reflection of collective and family memory in the context of the interaction of I and the Other. *We assert* that collective memory is a generalized and controlled memory of Others, whose dominant function is the preservation of the integrity and security of a large group, while family memory is a communicative memory based on the effect of sympathy and participation of the lived, experienced and spoken experience of a Significant Other – a small group representative. The applied aspect of the problem under study is to use the results of the theoretical self-reflection in developing the basics of the memory policy and commemorative practices, managing the past and resolving memory conflicts within the framework of the Great History discourse, and also forming meta-settings of family system members in relation to their own real and effective family history.

Keywords: collective memory, I–the Other, generalized memory of Others, family memory, memory of a Significant Other.

Received: 12.03.2020 / Accepted: 07.09 2020 / Published: 21.12.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

References

1. Bauman Z. *Tekuchaya sovremennost'* [Liquid Modernity]. St. Petersburg, Piter Publ., 2008. 240 p. (in Russian).
2. Ryaguzova E. V. Memory of the Other or the Other Memory: the Social-Psychological Analysis of Commemorative Practices. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 61–68 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-7671-2019-19-1-61-68
3. Szpunar P. M., Szpunar K. K. Collective future thought: Concept, function, and implications for collective memory studies. *Memory Studies*, 2015, vol. 9, iss. 4, pp. 376–389. DOI: 10.1177/1750698015615660
4. Khal'bvaks M. *Sotsial'nyye ramki pamyati* [Social Framework of Memory]. Moscow, Novoye izd-vo, 2007. 346 p. (in Russian, trans. from French).
5. Assmann J. Communicative and Cultural Memory. In: E. Erll, A. Nünning, eds. *Cultural Memory Studies. An International and Interdisciplinary Handbook*. Berlin, New York, Walter de Gruyter GmbH&Co., 2008. P. 109–118.
6. Assmann A. *Dlinnaya ten' proshlogo: memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Policy]. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2014. 328 p. (in Russian, trans. from German).
7. Bietti L. M. Sharing Memories, Family Conversation and Interaction. *Discourse and Society*, 2010, vol. 21, no. 5, pp. 499–523.
8. Stone C. B., Jay A. C. V. From the individual to the collective: The emergence of a psychological approach to collective memory. *Applied Cognitive Psychology*, 2019, vol. 33, iss. 4, pp. 504–515. DOI: 10.1002/acp.3564

9. Seery A., Bacon K. Auto/Biographical Research and the Family. In: J. Parsons, A. Chappell, eds. *The Palgrave Handbook of Auto/Biography*. Palgrave Macmillan, Cham, 2020. P. 143–156. DOI: 10.1007/978-3-030-31974-87
10. Shuttsenberger A. A. *Sindrom predkov. Transgeneratsionnyye svyazi, semeynyye tayny, sindrom godovshchiny, peredacha travm i prakticheskoye ispol'zovaniye genosotsiogrammy* [Syndrome of ancestors. Transgenerative relationships, family secrets, anniversary syndrome, transmission of injuries and the practical use of genosociograms]. Moscow, Izd-vo Instituta psikhoterapii, 2001. 231 p. (in Russian).
11. Vekilova S. A. Social frames of multigenerational family's memory. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Psychology*, 2013, vol. 6, iss. 3, pp. 46–52 (in Russian).
12. Habermas T. *Emotion and Narrative: Perspectives in Autobiographical Storytelling*. Cambridge, Cambridge University Press, 2019. 345 p. DOI: 10.1017/9781139424615
13. Bietti L. M., Stone C. B., Hirst W. Contextualizing human memory. *Memory Studies*, 2014, vol. 7, iss. 3, pp. 267–271.
14. Adorno T. Chto znachit «prorabotka proshlogo» [What does “study of the past” mean]. *Neprikosnovennyi zapas* [The untouchable reserve], 2005, no. 2–3, pp. 36–45 (in Russian).
15. Stone C. B., Hirst W. (Induced) Forgetting to Form a Collective Memory. *Memory Studies*, 2014, vol. 7, iss. 3, pp. 314–327. DOI: 10.1177/1750698014530621
16. Stone C. B., Coman A., Brown A. D. Toward a Science of Silence: The Consequences of Leaving a Memory Unsaid. *Perspectives on Psychological Science*, 2012, vol. 7, iss. 1, pp. 39–53. DOI: 10.1177/1745691611427303
17. Gu X., Tse C.-Sh., Brown N. R. Factors that modulate the intergenerational transmission of autobiographical memory from older to younger generations. *Memory*, 2020, vol. 28, iss. 2, pp. 204–215. DOI: 10.1080/09658211.2019.1708404
18. Tinkova E. L., Katilevskaya Yu. A., Nosenko M. A. Transgenerational relations in the families of persons born in time of war. *Modern Science: actual problems of theory & practice. Series of «Cognition»*, 2017, no. 09-10, pp. 47–52 (in Russian).
19. Tarabrina N. V., Mayn N. V. Phenomenon of intergenerational (Transgenerational) transmission of mental traumatization (analytical review of international studies). *Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2013, vol. 21, no. 3, pp. 96–119 (in Russian).
20. Hirsch M. *Chto takoye postpamyat'* (What is Post-Memory). Available at: <http://urokiistorii.ru/node/53287> (accessed 8 April 2020) (in Russian, trans. from English).

Cite this article as:

Elena V. Ryaguzova. Collective and Family Memory in the Context of “I and Others” Interaction. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2020, vol. 9, iss. 4 (36), pp. 324–330 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2020-9-4-324-330>

УДК 316.62

Условия преодоления дискриминационных установок в современном обществе

М. А. Кленова

Кленова Милена Александровна, кандидат психологических наук, доцент, кафедра социальной психологии образования и развития, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, milena_d@bk.ru

Актуальность выполненного исследования обусловлена необходимостью формирования теоретико-практических знаний и технологий, позволяющих проанализировать условия преодоления дискриминационных установок в современном обществе. Цель исследования, представленного в статье, заключается в системном анализе условий преодоления дискриминационных установок в современном обществе. Гипотеза исследования содержит предположение о том, что для выделения условий преодоления дискриминационных установок необходимо всестороннее изучение условий формирования с последующим поиском способов их трансформации. Установлено, что к условиям формирования дискриминационных установок относятся культурно-исторические основания, социальная среда, средства массовой информации, государственная политика и т. д. Выделены такие условия, как: прекращение конфликтного взаимодействия, поиск общих или близких по смыслу точек соприкосновения оппонентов, снижение интенсивности негативных эмоций, обеспечение эффективного обсуждения проблемы и выбор оптимальной стратегии разрешения конфликта, основанного на сформированных дискриминационных установках. Сужение предметного поля исследования условий возникновения и, как следствие, преодоления дискриминационных установок через поведение личности в конфликте позволит выделить две группы – внутренние и внешние условия формирования и реализации дискриминационных установок. К внутренним относятся предубеждения, или стереотипы когнитивного или эмоционального плана, а к внешним – реальные действия во взаимодействии с аутгруппой по реализации уже сформированных предубеждений. Сформулирована иерархическая система преодоления дискриминационных установок, включающая четыре основных компонента, где первое звено – формирование социокультурной идентичности как понимание и ценность принадлежности к собственной группе, второе – закрепление социокультурной компетентности как системы знаний и представлений о Других, третье – формирование социокультурных ценностей по отношению к Другим, четвертое – формирование социокультурной толерантности, которая включает в себя идентичность, компетентность и социокультурные ценности.

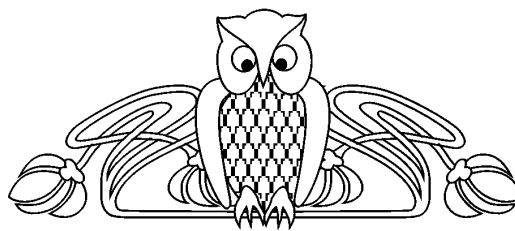
Ключевые слова: дискриминация, установки, предубеждения, условия преодоления.

Поступила в редакцию: 16.06.2020 / Принята: 07.09.2020 / Опубликована: 21.12.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2020-9-4-331-337>

© Кленова М. А., 2020

Введение

Вопросы исследования дискриминации и предубеждений весьма остро встанут перед современным мировым сообществом. Проблема поиска социально-психологических оснований, структуры, механизмов, факторов, а также условий преодоления дискриминационных установок является фундаментальной для научного сообщества. Работа в данном направлении призвана сформировать теоретико-практическое знание в области поддержки интергративных процессов в отношении аутгрупп в современном обществе. Нарушение социальных взаимоотношений, зарождающиеся конфликты, внутреннее и внешнее напряжение создают условия, при которых затрудняются не только процессы интеграции, адаптации и социализации, но также создается пространство для возникновения и последующего усиления социального напряжения в обществе. В качестве основных и наиболее часто встречающихся внешних признаков, по которым формируются предубеждения и дискриминационные установки в современном обществе, можно отметить дискриминацию по национальному, религиозному, возрастному, полоролевому, физическому, социальному статусам личности. Для полноценного, системного анализа факторов и условий преодоления дискриминации необходимо обобщение не только теоретико-практических представлений о дискриминируемых группах с точки зрения большинства, но также взгляд со стороны представителей аутгрупп. Для определения и выделения условий преодоления дискриминации в нашей работе мы опирались на системный подход, разработанный В. А. Барбанщиковым [1]. В частности, по его мнению, системность психических явлений должна рассматриваться не только с точки зрения самого функционирования, но, помимо этого, нужно исследовать условия их возникновения. Исходя из выказанного выше тезиса для определения условий преодоления дискриминационных установок необходимо изучить и условия их зарождения, к которым можно отнести прежде всего социальную среду, особенности социального взаимодействия, а также личностные факторы. Таким образом, для создания необходимых условий для преодоления дискриминации в обществе необходимо определить, а в случае возможности устранить условия, при которых она возникает.

Цель исследования, представленного в статье, заключается в системном анализе условий преодоления дискриминационных установок в современном обществе.

Содержательные характеристики дискриминационных установок

Системный анализ структуры, факторов, предикторов, а также содержательных характеристик дискриминационных установок в ранее проведенных нами исследованиях позволил выделить особенности, детерминирующие условия их возникновения, специфику социальной среды, в которой они могут формироваться.

С опорой на логику проведенных теоретико-эмпирических исследований нами ранее были выделены основные группы, по отношению к которым в обществе формируются дискриминационные установки, а также изучены преобладающие чувства, которые испытывают к ним респонденты [2, 3]. В качестве дискриминируемых групп определяются: мигранты, по отношению к которым респонденты указывают такие чувства, как страх, брезгливость, отвращение; лица без определенного места жительства – также преобладают брезгливость, отвращение и страх; лица с физическими и психическими недостатками – вызывают страх, тревогу и интерес; по большей части отвращение испытывают респонденты по отношению к лицам с нетрадиционным сексуальным поведением; тревогу и страх вызывают дети, подростки и старики; сочувствие, жалость и отвращение можно наблюдать у респондентов по отношению к физически непривлекательным людям и многодетным семьям. Раздражение и агрессия прослеживаются в отношении политических деятелей и представителей другой социальной общности. К представителям иных этнических групп преобладают интерес и тревога. В то же время представители других религий, в отличие от представителей других национальностей, чаще вызывают такую эмоцию, как страха.

Немаловажным фактом, позволяющим сформулировать в последующем условия преодоления дискриминационных установок, является взаимосвязь дискриминационных установок личности и социально-демографических характеристик, социально-политических и социально-экономических предпочтений [4]. Поскольку в ходе проведенных ранее исследований было установлено, что дискриминационные установки могут являться фактором, способным породить протестные настроения в обществе, определение условий, способствующих снижению градуса социального напряжения в обществе, выступает одной из важных задач социальной психологии дискриминации.

Выделяя содержательные характеристики «предметного поля» дискриминационных устано-

вок, можно отметить необычное поведение Других, превосходство ингруппы, приверженность к иной культуре [5, 6]. Особое внимание в изучении дискриминационных установок необходимо обратить на предубеждения по национальному признаку. Подобные установки касаются мигрантов или представителей других национальностей. Так, например, рост напряжения в обществе в условиях дефицита рабочих мест может быть связан со сформировавшимися установками в отношении трудовой миграции.

Условия возникновения дискриминационных установок

Необходимо отметить, что по результатам проведенных эмпирических исследований в обществе отмечается потенциальная готовность к реализации дискриминационного поведения [4], что, несомненно, вызывает обеспокоенность и показывает явную необходимость разработки путей и способов совладания, переориентации и снижения общего градуса напряжения в социуме.

Таким образом, для понимания условий преодоления дискриминационных установок необходимы исследование и конкретизация условий их возникновения. Ранее нами были выделены признаки и социальные группы, по отношению к которым в обществе формируются дискриминационные установки. Определим условия возникновения предубеждения в отношении каждой из выделенных групп. Дискриминация по национальному и религиозному признаку формируется по большей части в связи с миграционными процессами (трудовая миграция, академическая мобильность, военные конфликты и т. д.). Деление на «своих» и «чужих», как правило, обусловлено культурной и социальной средой, доминирующим этносом. Для дискриминации по гендерному и возрастному признаку характерны специфическое исторически и культурно сложившееся представление о мужской и женской роли, о степени включенности в семейную и социальную жизнь [7], а также обусловленные средой представления и ожидания, касающиеся предубеждения в отношении представителей разных возрастных групп – чаще всего дискриминируемые себя ощущают подростки и пожилые люди [8]. Еще одним важным условием для формирования гендерных дискриминационных установок являются средства массовой информации, государственная политика и т. д. Особенно остро это влияние прослеживается в части формирования общественного мнения и предубеждений относительно факторов когнитивного и эмоционального психологического отношения к представителям сексуальных меньшинств [7].

С учетом того, что дискриминационные установки так или иначе оказывают негативное влияние на социальное самочувствие вообще, а установленная взаимосвязь трансспективы с

предубеждениями показывает неготовность современного общества к принятию иной позиции по отношению к дискриминируемым группам [9], необходим системный анализ в части формулирования практикоориентированных методов и технологий преодоления дискриминации в обществе.

На основе теоретических и эмпирических данных можно выделить две группы условий преодоления дискриминационных установок. Первая группа базируется на классическом представлении об условиях выхода из конфликта. Первое условие – прекращение конфликтного взаимодействия. В данном случае идет речь о так называемом разведении групп. Иными словами, это способствование прекращению прямого взаимодействия между теми социальными группами, между которыми возникают конфликтные ситуации, основанные на уже сформированных дискриминационных установках. Данное условие весьма радикально, и не всегда имеется возможность его реального осуществления. Второе условие – поиск общих или близких по смыслу точек соприкосновения оппонентов. Иными словами, это создание таких условий, когда перед конфликтующими группами ставится одна общая задача, например в учебном процессе или в трудовой деятельности. Нужно отметить, что реализация на практике данного условия требует особой осторожности, поскольку может спровоцировать или усугубить конфликтную ситуацию. Третье условие – снижение интенсивности негативных эмоций. В данном случае реализовать это условие возможно, например, донося информацию о дискриминируемой группе в положительном, привлекательном контексте (социальная реклама и пр.). Четвертое и пятое условия – обеспечение эффективного обсуждения проблемы и выбор оптимальной стратегии разрешения конфликта, основанного на сформированных дискриминационных установках. Так же как и в случае реализации предыдущего пункта, необходимо создавать такие условия, при которых в обществе обозначается существующая проблема дискриминации, обсуждается и проводится работа по преодолению сформированного предубеждения в отношении дискриминируемых групп. Приведенный список условий является наиболее общим. Для конкретизации рассмотрим условия преодоления дискриминационных установок через поведение личности в конфликте [10, 11]. Поведенческий компонент дискриминационных установок может реализовываться в двух планах – внутреннем и внешнем. Внутренний план предполагает наличие у субъекта сформированной системы представлений о дискриминируемой группе, что может проявляться в высказываниях, общем негативном эмоциональном настрое по отношению к «иным». Внешний план проявляется в реальных поведенческих актах, например массовых протестах, открытом конфликтном вызове и т. д. Необходимо отметить, что такое условие, как информирование не всегда является

эффективным [10], поскольку по отношению к дискриминируемым группам преобладают негативные установки, которые создают определенные трудности в части донесения привлекательной информации о них. Именно поэтому предварять любое информационное воздействие необходимо путем помощи в осознании причин возникновения дискриминационных установок. Очевидна связь между угрозой социализации и адаптации личности и дискриминационными установками [12]. Такая связь может прослеживаться в случае трудовой социализации, когда субъект испытывает напряжение из-за кажущейся или реальной угрозы в части конкуренции за рабочее место с трудовыми мигрантами. Необходимо отметить, что в процессе адаптации негативные установки могут также отмечаться и у адаптирующейся социальной группы – так называемый активный негативизм к местному населению [13].

Иерархическая система условий преодоления дискриминационных установок

В результате проведенного теоретического исследования удалось сформулировать обобщенную схему условий преодоления дискриминационных установок. Первым звеном в данной иерархической системе выступает *социокультурная идентичность*. Обоснование значимости исследования социокультурных детерминант идентичности личности связано с положением о том, что обретение человеком четкого понимания в части осознания собственного места в социуме, понимание на когнитивном и эмоциональном уровне принадлежности к значимой социальной группе позволяет сформировать устойчивую отношенческую позицию на уровне самости, а также функционировать личности в качестве активного субъекта деятельности [14]. Социокультурная идентичность повышает субъективную значимость этничности и позитивное самоощущение, что может выступать позитивным фактором межгруппового взаимодействия [15].

Вторым элементом в системе условий преодоления дискриминационных установок является *социокультурная компетентность*, понимаемая как интегративная характеристика личности, которая проявляется в наличии знаний, представлений о разных видах социальной культуры (национальной, гендерной, нравственно-этической, религиозной, правовой) [16]. Проявления сформированной социокультурной компетентности выражаются в готовности к взаимодействию в разных жизненных ситуациях, а также в способности оценивать межличностное общение. В качестве условия преодоления дискриминационных установок социокультурная компетентность предполагает когнитивное знание об особенностях, различиях, способах реагирования и, как следствие, помогает сформировать адекватные стратегии

реагирования в ситуациях взаимодействия с дискриминируемыми группами или отдельными их представителями.

Третьим элементом в структуре условий преодоления дискриминационных установок выступают *социокультурные ценности* – те категории, которые характеризуют отношение общества к различным явлениям социокультурного мира [17]. В общем смысле ценность понимается как положительная или отрицательная значимость какого-либо объекта. Субъектные социокультурные ценности определяют нормативную или оценочную сторону явлений общественной жизни. Значимость социокультурных ценностей для формирования условий преодоления дискриминационных установок заключается в том, что понимание ценности «инаковости другого» вне зависимости от сформированных в социуме предубеждений будет несомненным фактором, снижающим градус напряжения во взаимодействии, и выступает необходимым условием для преодоления дискриминационных установок. Социокультурные ценности формируются на основе описанной нами выше социокультурной компетентности и являются предиктором для построения гармоничных межгрупповых и межличностных отношений.

Последним элементом в иерархической системе условий преодоления дискриминационных установок выступает *социокультурная толерантность*, или идентичность по признаку «Я – Мы». Социокультурная толерантность – это понятие, объединяющее в себе социокультурную идентичность, социокультурную компетентность и социокультурные ценности. Социокультурная толерантность понимается как интегративная личностная характеристика, включающая следующие качества: положительное восприятие и оценка окружающих вне зависимости от их принадлежности к этносу, религии, социальному статусу и т. д.; наличие позитивной установки на межкультурное, межгрупповое и межличностное взаимодействие; интерес к культуре, традициям Других и пр. Особое значение социокультурная толерантность приобретает в части выработки критерия взаимопонимания [18], который можно определить как способность субъектов межгруппового взаимодействия понять, объяснить и прогнозировать поведение друг друга и выстроить позитивно или нейтрально окрашенную систему межгруппового или межличностного взаимодействия. Таким образом, формирование социокультурной толерантности – это формирование идентичности по признаку «Я – Мы», где «Я» – субъект взаимодействия, а «Мы» – социум, частями которого являются представители разных национальностей, разных культур, религий, социальных статусов и т. д., где не противопоставляются «Я» и «Они», но «Я» способно к конструктивному диалогу, принимает «инаковость Другого», априорно не апеллирует устоявшимися предубеждениями и вступает во взаимодействие

с позиции «равного». Социокультурная толерантность – это интегративное понятие, которое является необходимым условием для преодоления уже сформированных или формирующихся дискриминационных установок.

Выводы

В результате проведенного теоретического анализа, основанного на эмпирических данных предшествующих исследований, в рамках заявленной проблемы изучения дискриминационных установок были систематизированы данные, позволяющие сформулировать условия преодоления дискриминационных установок в обществе. Было установлено, что для выделения условий преодоления предубеждений необходимо первоначально определить условия, в которых дискриминационные установки формируются. К ним относятся культурно-исторические основания, социальная среда, средства массовой информации и т. д. Условия преодоления дискриминационных установок можно также рассматривать в контексте методов и технологий разрешения конфликтных ситуаций. В частности, нами были выделены такие условия, как прекращение конфликтного взаимодействия, поиск общих или близких по смыслу точек соприкосновения оппонентов, снижение интенсивности негативных эмоций, обеспечение эффективного обсуждения проблемы и выбор оптимальной стратегии разрешения конфликта, основанного на сформированных дискриминационных установках. Необходимо отметить, что каждое из перечисленных условий имеет определенные ограничения в области практического применения. В частности, не всегда представляется возможным территориальное или физическое разведение групп или прекращение взаимодействия между ними, а поиск точек соприкосновения может привести к усилению конфликтного взаимодействия. Сужение предметного поля исследования условий возникновения и, как следствие, преодоления дискриминационных установок через поведение личности в конфликте позволяет выделить две группы – внутренние и внешние условия формирования и реализации дискриминационных установок. К внутренним относятся предубеждения, или стереотипы когнитивного или эмоционального плана, а к внешним – реальные действия во взаимодействии с аутгруппой по реализации уже сформированных предубеждений. Сформулированная иерархическая система условий преодоления дискриминационных установок включает в себя четыре основных компонента. Реализация условий преодоления дискриминационных установок должна осуществляться последовательно, и первое звено – формирование собственной социокультурной идентичности как понимание и ценность принадлежности к собственной группе. На втором этапе необходимо закрепить социокультурную компетентность как системы знаний и представлений о Других, на тре-

твом – формирование социокультурных ценностей по отношению к Другим. Завершающим условием преодоления дискриминационных установок выступает формирование социокультурной толерантности, которая включает в себя идентичность, компетентность и социокультурные ценности.

Благодарности и финансирование: *Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-013-00094 А «Дискриминационные установки личности в современном обществе и условия их преодоления»).*

Библиографический список

1. Барабанчиков В. А. Системный подход в структуре психологического познания // *Методология и история психологии*. 2007. Т. 2, вып. 1. С. 86–99.
2. Кленова М. А. Характеристики объектов дискриминационных установок в молодежной среде // *21 век: фундаментальная наука и технологии : материалы XVIII междунар. науч.-практ. конф. North Charleston, 24–25 декабря 2018 г. Morrisville, NC, USA : Lulu Press*, 2018. С. 115–117.
3. Кленова М. А. Этническая специфика дискриминационных установок // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития*. 2019. Т. 8, вып. 2. С. 157–162. DOI: 10.18500/2304-9790-2019-8-2-157-162
4. Шамионов Р. М., Григорьева М. В. Взаимосвязь дискриминационных установок личности и социально-демографических характеристик, социально-политических и социально-экономических предпочтений // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития*. 2018. Т. 7, вып. 4. С. 326–332. DOI: 10.18500/2304-9790-2018-7-4-327-332
5. Бочарова Е. Е. Содержательные характеристики «предметного поля» дискриминационных установок // *Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика*. 2018. Т. 15, № 3. С. 308–322. DOI: 10.22363/2313-1683-2019-16-3-359-376
6. Бочарова Е. Е. «Внешний облик Другого» в структуре дискриминационных установок личности // *Внешний облик в различных контекстах взаимодействия : материалы Всероссийской науч. конф. Ростов-на-Дону, 28–30 октября 2019 г. / под общ. ред. П. Н. Ермакова, В. А. Лабунской, Г. В. Серикова. Ростов н/Д : Кредо*, 2019. С. 250–252.
7. Бескова Т. В. Особенности восприятия субъектами гендерных и возрастных дискриминационных установок по отношению к ним // *Человеческий капитал*. 2019. № 12 (132). С. 221–228. DOI: 10.25629/НС.2019.12.24
8. Усова Н. В. Содержательные характеристики дискриминационных установок по возрасту // *Письма в Эмиссия. Оффлайн*. 2018. № 8. С. 2643 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.emissia.org/offline/2018/2643.htm> (дата обращения: 02.06.2020).
9. Тарасова Л. Е. Взаимосвязь транспективы личности с дискриминационными установками // *Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта*. 2020. № 3 (181). С. 535–540. DOI: 10.34835/issn.2308-1961.2020.3
10. Григорьева М. В. Дискриминационные установки личности и поведение в конфликте // *Страховские чтения : сб. науч. тр. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та*, 2018. Вып. 26. С. 52–56.
11. Григорьева М. В. Теоретический анализ проблемы реализации дискриминационных установок личности в поведении // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика*. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 305–310. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-3-305-31012
12. Марцинковская Т. Д., Киселева Е. А. Социализация и аккультурация в транзитивном пространстве // *Психологические исследования*. 2018. Т. 11, № 62. С. 10 [Электронный ресурс]. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 02.06.2020).
13. Константинов В. В. Стратегии социально-психологической адаптации мигрантов // *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета*. 2018. № 2 (46). С. 294–304. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategii-sotsialno-psihologicheskoy-adaptatsii-migrantov> (дата обращения: 12.06.2020).
14. Аноллонов И. А., Берберян А. С. Проблема субъектности человека в пространстве социокультурных детерминант // *Южно-российский журнал социальных наук*. 2018. Т. 19, № 3. С. 47–57. DOI: 10.31429/26190567-19-3-47-57
15. Хухлаев О. Е., Александрова Е. А., Гриценко В. В., Константинов В. В., Кузнецов И. М., Павлова О. С., Рыжова С. В., Шорохова В. А. Идентификация с религиозной группой и этнонациональные установки буддистской, мусульманской и православной молодежи // *Культурно-историческая психология*. 2019. Т. 15, № 3. С. 71–82. DOI: 10.17759/chp.2019150308
16. Коломийченко Л. В., Груздева И. В. Социокультурная компетентность : ее культурологические аспекты, сущность, подходы к определению // *Современные проблемы науки и образования*. 2015. № 1–1. С. 1585 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=19433> (дата обращения: 12.06.2020).
17. Зарединова Э. Р. Теоретическое осмысление понятия «социокультурные ценности» // *Проблемы современного педагогического образования*. 2015. № 47–1. С. 86–94.
18. Лузиков В. Г., Тимофеев А. Ф. Социокультурная толерантность как важнейший фактор межцивилизационной коммуникации // *Наука о человеке : гуманитарные исследования*. 2009. № 4 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnaya-tolerantnost-kak-vazhneyshiy-faktor-mezhtsivilizatsionnoy-kommunikatsii> (дата обращения: 09.06.2020).

Образец для цитирования:

Кленова М. А. Условия преодоления дискриминационных установок в современном обществе // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития*. 2020. Т. 9, вып. 4 (36). С. 331–337. DOI: <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2020-9-4-331-337>

Conditions for Overcoming Discriminatory Affirmations in Modern Society

Milena A. Klenova

Milena A. Klenova, <https://orcid.org/0000-0002-3900-1233>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, milena_d@bk.ru

The relevance of the study is conditioned by the necessity for formation of theoretical and practical knowledge and technologies that allow to analyze the conditions for overcoming discriminatory affirmations in modern society. *The purpose* of the research presented in the article is to analyze systematically the conditions for overcoming discriminatory affirmations in modern society. Hypothesis of the study suggests the assumption that in order to identify the conditions for overcoming discriminatory affirmations, a comprehensive study of the conditions of formation is necessary, followed by a search for ways of their transformation. We established that the conditions for formation of discriminatory affirmations include cultural and historical foundations, social environment, mass media, state policy, etc. The following conditions are emphasized: termination of conflict interaction, search for common or similar points of contact of opponents, decrease in the intensity of negative emotions, provision of effective discussion of the problem and choice of an optimal conflict resolution strategy based on the formed discriminatory affirmations. Narrowing the subject field of the study of triggering events, and as a consequence – overcoming discriminatory affirmations through behavior of a person in a conflict situation, will allow us to distinguish two groups: internal and external formation conditions and implementation of discriminatory attitudes. Internal conditions include prejudices, or stereotypes of a cognitive or emotional level, and external ones are real actions in interaction with an outgroup to implement prejudices already formed. A hierarchical system of conditions for overcoming discriminatory affirmations has been formulated, including four main components, where the first link is the formation of sociocultural identity, as an understanding and value of belonging to one's own group; fixation of socio-cultural competence as a system of knowledge and ideas about the "Others"; formation of sociocultural values in relation to "others"; formation of sociocultural tolerance, which includes identity, competence and sociocultural values.

Keywords: discrimination, affirmations, prejudices, conditions for overcoming.

Acknowledgments: *This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project No. 18-013-00094 A "Discriminatory attitudes of the personality in modern society and the conditions for overcoming them").*

Received: 16.06.2020 / Accepted: 07.09 2020 / Published: 21.12.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

References

1. Barabanshchikov V. A. Systems approach in structure of psychological cognition. *Methodology and History of Psychology*, 2007, vol. 2, iss. 1, pp. 86–99 (in Russian).
2. Klenova M. A. Characteristics of objects of discrimination in youth environment. 21 century: fundamental science and technology. XVIII: Proceedings of the Conference. North Charleston, 24–25 December 2018. Morrisvill, NC, USA, Lulu Press, 2018, pp. 115–117 (in Russian).
3. Klenova M. A. Ethnic Specificity of Discriminatory Attitudes. *Izv. Saratov Univ. (N. S.). Ser. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2019, vol. 8, iss. 2, pp. 157–162 (in Russian). DOI: 10.18500/2304-9790-2019-8-2-157-162
4. Shamionov R. M., Grigor'yeva M. V. Interconnection between discriminatory attitudes of an individual and socio-demographic characteristics, socio-political and socio-economic preferences. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2018, vol. 7, iss. 4, pp. 326–332 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2018-7-4-327-332>
5. Bocharova E. E. Content Characteristics of the "Subject Field" of Discriminatory Attitudes. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 2018, vol. 15, no. 3, pp. 308–322 (in Russian). DOI: 10.22363/2313-1683-2019-16-3-359-376
6. Bocharova E. E. "Physical appearance of Other" in the structure of discrimination sets of personality. In: P. N. Ermakova, V. A. Labunskiy, G. V. Serikova, total eds. *Vneshniy oblik v razlichnykh kontekstakh vzaimodeystviya: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii*. Rostov on Don, Kredo Publ., 2019, pp. 250–252 (in Russian).
7. Beskova T. V. Features of perception by subjects of gender and age discrimination settings in relation to them. *Human capital*, 2019, no. 12 (132), pp. 221–228 (in Russian). DOI: 10.25629/HC.2019.12.24
8. Usova N. V. Content characteristics of discrimination equipment by age. *The Emissia. Offline letters*, 2018, no. 8. Available at: <http://www.emissia.org/offline/2018/2643.htm> (accessed 2 June 2020) (in Russian).
9. Tarasova L. E. Relationship of the transpersonal perspective with discriminatory attitudes. *Uchenye zapiski universiteta im. P. F. Lesgafta*, 2020, no. 3 (181), pp. 535–540 (in Russian). DOI: 10.34835/issn.2308-1961.2020.3
10. Grigoryeva M. V. Personality's discriminative attitudes and behavior in conflict. *Strakhov readings. Collection of scientific papers*. Saratov, 2018, no. 26, pp. 52–56 (in Russian).
11. Grigoryeva M. V. Theoretical Analysis of the Problem of Realization of Discriminatory Attitudes of the Person in Behavior. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 305–310. (in Russian). DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-3-305-31012
12. Martsinkovskaya T. D., Kiseleva E. A. Socialization and acculturation in the transitive space. *Psychologicheskies issledovaniya* [Psychological Studies]. 2018, vol. 11, iss. 62, p. 10. Available at: <http://psystudy.ru> (accessed 2 June 2020) (in Russian).
13. Konstantinov V. V. Strategies of social and psychological adaptation of migrants. *Scientific Notes: The online academic journal of Kursk State University*, 2018, no. 2 (46), pp. 294–304. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategii-sotsialno-psihologicheskoy-adaptatsii-migrantov> (accessed 12 June 2020) (in Russian).
14. Apollonov I. A., Berberyan A. S. The problem of personal

- agency within the space of socio-cultural dominants. *South-Russian Journal of Social Sciences*, 2018, vol. 19, no. 3, pp. 47–57 (in Russian). DOI: 10.31429/26190567-19-3-47-57
15. Khukhlayev O. E., Aleksandrova E. A., Gritsenko V. V., Konstantinov V. V., Kuznetsov I. M., Pavlova O. S., Ryzhova S. V., Shorokhova V. A. Religious Group Identification and Ethno-National Attitudes in Buddhist, Muslim and Orthodox Youth. *Cultural-Historical Psychology*, 2019, vol. 15, no. 3, pp. 71–82 (in Russian). DOI: 10.17759/chp.2019150308
16. Kolomiychenko L. V., Gruzdeva I. V. Sociocultural competence: its culturological aspect, essence, approaches to the definition. *Modern problems of science and education*, 2015, no. 1–1, p. 1585. Available at: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=19433> (accessed 12 June 2020) (in Russian).
17. Zaredinova E. R. Theoretical understanding of the concept of «socio-cultural values». *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* [Problems of modern teacher education], 2015, no. 47–1, pp. 86–94 (in Russian).
18. Puzikov V. G., Timofeyev A. F. Sociocultural tolerance as a factor of intercivilizational communication. *Science of the Person: Humanitarian Researches*, 2009, no. 4. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnaya-tolerantnost-kak-vazhneyshiy-faktor-mezhsivilizatsionnoy-kommunikatsii> (accessed 9 June 2020) (in Russian).

Cite this article as:

Milena A. Klenova. Conditions for Overcoming Discriminatory Affirmations in Modern Society. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2020, vol. 9, iss. 4 (36), pp. 331–337 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2020-9-4-331-337>

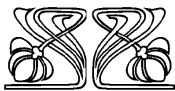
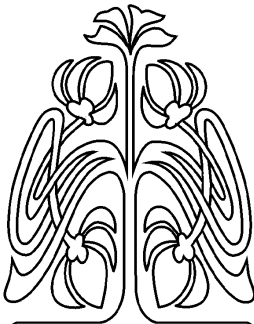
ПСИХОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

УДК 159.9:316.6

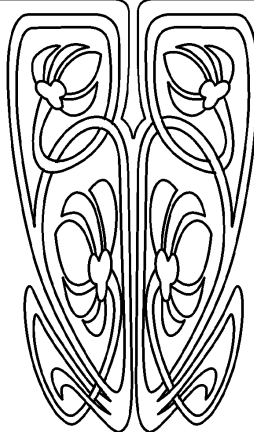
Профессиональный менталитет как динамичное образование

В. А. Толочек

Толочек Владимир Алексеевич, доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт психологии РАН, Москва, tolochekva@mail.ru

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

На примере изучения профессионального менталитета (ПМ) обсуждаются методология и методы полевых исследований. *Цель:* анализ типовых условий научно-исследовательской работы (НИР), связей методов, фиксируемых фактов и свойств психологических объектов. *Методы:* анализ литературных источников; включенное наблюдение, анкетирование, опрос экспертов, психодиагностика, параметрические методы статистики. *Гипотезы:* 1) методы исследования, выявляемые научные факты, описываемые свойства психологических объектов находятся в отношениях взаимной обусловленности; 2) внимание к артефактам позволяет разрабатывать конструктивные варианты дальнейшего изучения психологических объектов. База исследования – государственные служащие (93 чел.) и частные охранники (более 200 чел.). Метапроблема настоящей работы – методология и методы полевых исследований – обсуждается на примере наблюдения и изучения поведения и деятельности субъектов в разных социальных ситуациях. Показано, что максимальное дифференцирование аспектов условий труда государственных служащих (до «невероятной» и нетипичной 11-балльной шкалы интервалов), учет социально-демографических и служебно-должностных особенностей субъектов, использование комплекса параметрических методов статистики позволили удовлетворительно решить задачи НИР даже в ситуациях сопротивления обследуемых. Изучение профессионального менталитета (ПМ) на двух моделях (во многом противоположных профессиональных сфер, задающих как бы два «полюса» их возможных характеристик) позволяет выявлять как сходные, так и отличные особенности поведения, отношений, деятельности и взаимодействия людей. Констатируется: 1) конструктивным подходом является совместное изучение свойств не менее двух психологических объектов; 2) в изучении сложных психологических объектов целесообразно использовать дифференциальный подход и комплексы методов параметрической статистики.

Ключевые слова: профессиональный менталитет, дифференциальный подход, среда организации, социально-демографические характеристики, служебно-должностные характеристики, субъекты, государственные служащие, частные охранники.

Поступила в редакцию: 11.06.2020 / Принята: 07.09.2020 / Опубликовано: 21.12.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2020-9-4-338-349>

Введение

Обращаясь к сложным психологическим объектам, целостные фрагменты социальной действительности, части (аспекты, стороны, свойства) которых рассматриваются как предмет исследования (менталитет, жизнеспособность, ресурсы, потенциал и др.), важно признавать, что именно мы «отсекаем» от объектов, выделяя в них свой предмет, и что «отсекается» типичным методическим инструментарием помимо желания исследователя. Следуя «проторенными тропами» доминирующей парадигмы, мы оставляем за пределами нашего внимания множество фактов, которые могли бы послужить более целостному («объемному») представлению предмета и, понятно, более адекватному отражению свойств изучаемого психологического объ-

екта. *Профессиональный менталитет* (ПМ) как явление, еще не ставшее типичным предметом исследования, а потому не втиснутое в «прокрустово ложе» типовых научных экспликаций, выступает в качестве такого сложного *психологического объекта*, свойства которого будут эксплицироваться в зависимости от используемых методов. Возможно, что и косвенные факты могут становиться не менее информативными, чем прямые данные тестов и опросников. Метапроблема настоящей работы – *методология и методы полевых исследований* – обсуждается на примере наблюдения и изучения поведения и деятельности субъектов в разных социальных ситуациях. Для обсуждения взаимосвязанных аспектов проблемы нами избраны две модели, представляющие две *профессиональные сферы* (социальное пространство «*профессии*» и «*субпрофессиональной сферы*»), в которых осуществляется реальная трудовая и досуговая активность человека), противоположные во многих отношениях. Нами анализируются два *опыта* наблюдения и изучения сопряженных явлений при реализации частных задач. Под *опытом* будем понимать знание, получаемое в ситуациях, когда «субъект» и «объект» находятся в динамичных отношениях; частный случай – когда «субъект» («наблюдатель», «актер») в организации выступает во множестве социальных ролей (как исследователь, проводящий определенные НИР и научно-практические работы (НПР); как преподаватель; как представитель администрации, проводящий определенные решения; как медиатор отдельных процессов; как посредник при урегулировании конфликтов; как психотерапевт и др.). Накапливаемые при этом факты могут использоваться для описания и объяснения ПМ, а способ их переинтерпретации можно условно назвать «извлечение остатков» (содержательно сходный с «обогащением породы» в металлургии).

Профессиональный менталитет как предмет исследования

Как и каждое понятие, вводимое в актив дисциплины, «*менталитет*» имеет множество толкований. В разнообразии интерпретаций тем не менее выделяются некоторые инварианты признаков. Достаточно согласованно в содержании менталитета ученые включают типовую «классическую триаду»: а) когнитивные компоненты, отражающие социальные представления человека, его установки, отношения, умонастроения; б) аффективные компоненты, представляющие субъективные переживания, эмоциональную «окраску» отношения к фрагментам действительности; в) поведенческие компоненты – модели поведения людей, традиции социальных общностей, типовые уклады жизни и пр. [1–6]. Дополнением к «классической триаде» нередко называют ценностный компонент, формирующий устойчивую «тетраду»

менталитета. В сравнительно частных форматах проявления «тетрады» можно различать в описании учеными профессиональных предпочтений и выбора людей, их профессиональных ценностей, поведения на разных стадиях профессионального становления, при профессиональных кризисах, в состоянии вынужденной безработицы [7–11]. Есть основания полагать, что спецификация феномена – его проявление как *профессионального менталитета* – во многом определяется условиями социальной мезо- и микросреды, присущими данной профессии, реализуемой соответствующими профессиональными сообществами в специфических организациях. Как правило, ученые чаще формулируют и разрабатывают проблему *профессионального менталитета* (ПМ) ориентированно к представителям *одной профессии* как *целостному феномену*, как *менталитета профессии*, т. е. в отношении людей, состоявшихся как представители данной профессии и *длительно работающих* в данной сфере.

Если проблему ПМ рассматривать широко, то должно обратить внимание на предысторию субъектов, на фазы активного состояния их трудовой жизни, их посткарьерную эволюцию [12]. Согласно литературным источникам можно было бы выделять несколько последовательных рядов или уровней предпосылок и косвенных детерминант менталитета субъектов: 1) базовые ценности человека; 2) смысл и ценности труда; 3) мотивы труда; 4) мотивы выбора профессии; 5) мотивы выбора организации; 6) мотивы эффективной деятельности; 7) представления о профессиональной карьере. Периферийными факторами в этих процессах становления и эволюции менталитета выступают условия социальной макросреды – мода на профессии, доминирующие в обществе ценности, процессы социальной динамики (миграция вынужденная и целенаправленная) и др. Но так как эволюционный подход в этой проблематике методологически еще не оформился, мы будем следовать более традиционным «срезам» – анализу одноактно получаемых эмпирических данных (признавая статичность и ограниченность наших описаний и объяснений феномена).

Чаще внимание ученых более акцентировано на составе (компонентах, составляющих) и предполагаемой структуре ПМ (уровнях, подсистемах); тема динамики – генеза, преобразования, деформации менталитета – изучается меньше. Вместе с тем можно рассматривать и хронологические «срезы», отражающие флуктуации менталитета в состоянии вынужденной безработицы [7, 10–12]. Такие флуктуации довольно убедительно указывают на связи процессов изменения психического и физического здоровья, социального статуса и социальной активности людей.

Итак, обобщая представления специалистов, *профессиональный менталитет* определим как *систему устойчивых представлений, ценностных, смысловых эмоционально окрашенных*

установок групп профессионалов относительно ключевых аспектов их профессиональной сферы; как систему осознаваемых и неосознаваемых установок, определяющих типы личности успешных профессионалов, их стили мышления, поведения и жизнедеятельности. (Мы используем форму множественного числа: такой сложный феномен, как профессиональный менталитет, едва ли может быть однородным, односоставным, одномерным; среди членов больших, средних и малых социальных групп могут быть носители разного менталитета.)

Мы полагаем, что «пределом целостности профессионального менталитета» выступают не отдельные субъекты, а микрогруппы (диады, триады) и малые социальные группы, в том числе и референтные группы – те «реальные или условные социальные общности, с которыми индивид соотносит себя как с эталоном и на нормы, мнения, ценности и оценки которой он ориентируется в своем поведении и самооценке» [13, с. 86]. И напротив, более вероятно, что уже в средних социальных группах (в частности, сотрудников одной организации) чаще сосуществуют, взаимодействуют носители разных ПМ. Маловероятно, что работающие в одной организации субъекты с более и менее успешной карьерой, лица разного возраста и пола, с той или иной полнотой реализации в семейной, досуговой сферах сходно рефлексируют разные обстоятельства своей трудовой жизни, следуют общим ценностям и целям. Скорее, они выступают носителями разных ПМ. Следовательно, изучение общих характеристик профессионального менталитета должно дополняться данными дифференциального подхода, изучение менталитета в одних профессиях – изучением в других; изучение менталитета состоявшихся профессионалов («ветеранов») – изучением менталитета начинающих («новичков»).

Можно предполагать, что ПМ формируется и проявляется не в профессии «вообще», а в ее определенных специализациях, реализуемых на конкретных рабочих местах. Вероятно, подобное поуровневое «преломление» имеется в отношении всех производных профессии – профессионального менталитета, профессиональной картины мира, профессиональной этики и др. Следовательно, в понимании феномена «профессионального менталитета» (и тем более – «профессионального менталитета профессионала», т. е. субъекта, отличающегося рядом характеристик своего профессионального и личностного развития, полноты интеграции с ценностной и смысловой сферой профессии) целесообразно продвигаться в логике «всеобщее – особенное – единичное».

Объект исследования – среда профессиональной деятельности человека в современных организациях.

Предмет – профессиональный менталитет, отраженный в типичных актах деятельности и поведения субъектов.

Цель: анализ типовых условий научно-исследовательской работы (НИР), связей методов, фиксируемых фактов и свойств психологических объектов.

Материалы и методы

Методика: исследовательская методика «Факторы успешности».

Первоначально исследование планировалось как непритязательное изучение предпочтений государственными служащими разных «факторов успешности» посредством простой анкеты (табл. 1). Неожиданно мы столкнулись с серьезным сопротивлением со стороны многих опрошенных. На рубеже 1990–2000-х гг. государственные служащие социально и психологически оказались в более благополучном положении, чем другие слои населения России. Тогда такая реакция людей нами объяснялась их «элитарностью», а результаты предварительного анализа – тривиальными, неинтересными, нестоящими публикации.

В 2010 г. такое же сопротивление и массовый саботаж имели место при обследовании менеджеров крупных коммерческих компаний г. Москвы. Такая реакция людей объяснялась как «столичный синдром», но в 2017–2019 гг. аналогичное поведение проявлялось и у специалистов и руководителей среднего и низового звена управления четырех промышленных предприятий в двух регионах России.

Теперь уже речь шла о повторяющемся явлении, которое стало особым предметом анализа. Обобщая это и другие явления, сопровождающие научно-исследовательскую работу в современных организациях, можно констатировать, что в перспективе мы имеем серьезную проблему, которую в первом приближении можно назвать «методология и методы полевых исследований». Эта проблема пока маскируется преобладанием исследований в учебных группах (школьников, студентов), где исследователь еще имеет достаточное «ресурсов власти». Но все чаще приходится сталкиваться с резко возросшей и не всегда нам подвластной «активностью субъекта 2» – того, кого мы обследуем, от кого мы все еще ожидаем послушного исполнения наших инструкций и требований. И это серьезная «реальность» нового времени, требующая своего осмысления. «... Все течет, все изменяется...» (Гераклит).

Поэтому обсуждаемые в статье эмпирические результаты и сама проблема были переинтерпретированы. В настоящее время главным видится не своеобразие предпочтения отдельными субъектами разных «факторов профессионализма», а своеобразие их поведения, их отношения к окружению, к миру в зависимости от их социального статуса, полноты самореализации в разных сферах

жизнедеятельности, их статусных позиций и социальных ролей в границах организации (что и входит в понятие «менталитет»).

Методы: анализ литературных источников; включенное наблюдение, анкетирование, опрос экспертов, психодиагностика, параметрические методы статистики. **Гипотезы:** 1) методы исследования, выявляемые научные факты, описываемые свойства психологических объектов находятся в отношениях взаимной обусловленности; 2) внимание к артефактам позволяет разрабатывать конструктивные варианты дальнейшего изучения психологических объектов.

База исследования: а) государственные служащие (субъекты, работающие в органах государственной службы г. Москвы, обучающиеся в РАГС при Президенте РФ) – 93 человека (39 женщин и 54 мужчины в возрасте 24–49 лет, все имеющие высшее образование и обучающиеся во втором вузе, стаж работы от 3 до 29 лет); б) частные охранники (субъекты, работающие в крупных частных охранных предприятиях г. Москвы), – более 200 человек (мужчины в возрасте 22–50 лет, имеющие высшее, среднее специальное или среднее образование, стаж работы в охранных структурах от 2 до 10 лет).

Выбор *двух моделей* изучения профессионального менталитета субъектов определялся их выраженными различиями. Частную охранную деятельность (профессия «частный охранник») и государственную службу (профессия «государственный служащий») можно рассматривать как две профессиональные сферы с контрастными, противоположными по многим отношениям: продолжительностью стадий становления и «точками бифуркации» организаций и их субъектов; условиями перехода к новому качественному состоянию; социальным статусом субъектов и престижностью профессии; оплатой труда и социальными гарантиями; средней продолжительностью работы в организациях и особенностями карьеры; образовательным цензом сотрудников и их стартовой социальной нишей; типичными мотивами, интересами, особенностями построения коммуникаций, досуга и пр. Если работа в органах государственной службы отличается долговременной и полимодальной мотивацией государственных служащих, активной динамикой их карьеры в первые 3 года работы, выраженным стремлением к интеграции с корпоративной культурой организации, особым паттерном социально-демографических характеристик (наличие высшего образования, успешная самореализация в семейной сфере и пр.), то для работы охранников из частных охранных предприятий (ЧОП) характерны кратковременная и мономодальная мотивация, высокая текучесть персонала, бóльшая интеграция с групповыми нормами контактных социальных групп (рабочих групп, смен), чем с корпоративной культурой организации в целом, разнообразие социально-демографических характеристик субъектов [15].

Результаты исследования

На первом этапе НИР на основании опросов и обобщения литературного материала нами были выделены основные параметры, отражающие условия деятельности и субъективные предпочтения государственных служащих, вследствие чего эти условия могли выступать в качестве субъективно значимых «факторов успешности». Поскольку уже в пилотных исследованиях мы встретили выраженную закрытость и сопротивление обследуемых, шкала оценок была расширена до 11-балльной, а изучаемые «факторы успешности» дифференцировались – в каждом из них выделялось от 2 до 5 аспектов. Так, в *Результативности* различались количество (1) и качество (2) продуктов деятельности; в *Условиях труда* – стабильность («надежность» деятельности) (1), трудовая дисциплина (требования к соблюдению регламентов) (2), карьера (возможность продвижения по службе) (3), профессионализм (возможность профессионального развития и его поддержка со стороны руководства) (4), экология (психофизиологическая и социальная оптимальность условий труда); в *Успешности взаимодействия* также различались разные категории партнеров – коллеги (1), руководители (2), внешние партнеры (3) (табл. 1).

На *втором этапе* работы обобщенный перечень субъективно значимых условий (или «факторов успешности») был представлен для экспертизы 24 сотрудникам органов государственной службы (опыт работы не менее 3 лет). Эксперты оценивали каждый «фактор» в отдельности по 11-балльной шкале интервалов (0 – минимальная значимость, 10 – максимальная). По всем «факторам успешности» констатировалась большая вариативность оценок (от 0 – 2 до 7 – 10 баллов; $M = 5,9-7,1$; $SD = 1,9-3,10$). По результатам этапа резюмировалось, что выделенные «условия среды» а) сопряжены с успешностью служащих и отражаются в субъективных предпочтениях, б) отличаются выраженной индивидуальной дифференциацией (сопряженной с социально-демографическими и служебно-должностными характеристиками субъектов).

На *третьем этапе* НИР анкета «Факторы успешности профессиональной деятельности» была предложена 69 госслужащим (мужчины и женщины в возрасте 24–49 лет, работающие не менее 3 лет в органах государственной службы) (табл. 2). Для анализа полученных данных использовались параметрические методы статистики (описательная статистика, корреляционный, факторный анализ, *t-сравнение*). Через две недели 28 человек из состава выборки заполнили анкету повторно. Согласно *тест-ретесту*, корреляции по всем пунктам анкеты находились в приемлемом интервале ($r = 0,514-0,794$); выраженных смещений оценок 1-го и 2-го анкетирования (согласно *t-сравнению*) не было; имела место небольшая

Таблица 1 / Table 1

Описательные статистики и результаты факторного анализа данных выборок государственных служащих (n = 69)**Descriptive statistics and results of factor analysis of data from samples of civil servants (n = 69)**

Переменные	Описательные статистики				Факторы					
	Min	Max	M	SD	1	2	3	4	5	6
Результативность 1	3	10	6,87	2,30	,532		,250			,557
Результативность 2	4	10	7,88	1,98	,751	,251		,234		,200
Стабильность	3	10	7,58	1,88	,729					
Трудовая дисциплина	0	10	7,10	2,41	,573	,362	,351	-,251		,228
Карьера	0	10	5,87	2,36		,252			,730	,232
Профессионализм	1	10	7,88	2,03	,655		-,209	,306	,273	
Экология	3	8	6,92	2,11	,602	,231	,345	,325		
Успешность взаимодействия 1	0	10	7,27	1,86	,338	,488	,200		,255	,476
Успешность взаимодействия 2	0	10	7,28	2,74	,201	,251		,219		,801
Успешность взаимодействия 3	0	10	6,85	1,88	,485			,223	,587	,255
Результаты аттестации	0	10	5,63	3,14			,871			
Результаты тестирования	0	9	5,72	2,00			,909			,212
Поведение: соответствие культуре	0	10	6,28	2,71	,338		,539		,513	
Поведение: соответствие нормам	0	10	7,10	2,43	,316	,322	,407		,526	
Удовлетворенность 1	0	10	7,34	2,47		,543		,416		
Удовлетворенность 2	0	10	6,84	2,35		,875				
Удовлетворенность 3	0	10	6,96	2,21	,349	,808				
Удовлетворенность 4	0	10	6,58	2,23	,240	,682		,211	,210	,298
Удовлетворенность 5	0	10	6,33	3,15				,870		,204
Затраты	2	10	7,10	2,19	,524	,409			,287	
Оплата труда	0	10	6,52	2,83	,234	,239		,814	,202	
Престижность профессии	0	10	7,15	2,45		,643		,395	,251	,326
Объясняемая дисперсия (%)					39,5	11,1	6,9	6,0	5,3	5,1

Примечание. В таблице представлены коэффициенты корреляции переменных с фактором при $r \geq [0,20]$. Полное название переменных – параметров «факторов успешности»: *Результативность 1 и 2* (1 – количество, 2 – качество продуктов деятельности); *Условия труда 1, 2, 3, 4*: стабильность («надежность» деятельности); трудовая дисциплина (соблюдение регламентов); карьера (продвижение по службе); профессионализм; экология (оптимальность условий труда); *Успешность взаимодействия 1, 2, 3* (1 – с коллегами, 2 – с руководителями, 3 – с партнерами); *Формальные оценки успешности служащего 1, 2*: результаты аттестации; результаты тестирования; *Поведение 1, 2*: его соответствие корпоративной культуре и групповым нормам; *Удовлетворенность 1, 2, 3, 4, 5* (1 – трудом, 2 – психологическим климатом, 3 – взаимодействием с коллегами, 4 – с руководителями, 5 – оплатой труда); *Баланс: затраты, усилия / вознаграждение* (по В. Вруму): затраты (психофизиологические), оплата труда, престижность профессии (статус профессии в обществе).

Note. The table presents coefficients of correlation of variables with a factor where $r \geq [0.20]$. The full name of the variables-parameters of “success factors”: *Performance 1 and 2* (1 – quantity, 2 – quality of activity products); *Working conditions 1, 2, 3, 4*: stability (activity “reliability”); labor discipline (compliance with regulations); career (promotion); professionalism; ecology (optimal working conditions); *Success of cooperation 1, 2, 3* (1 – with colleagues, 2 – with managers, 3 – with partners); *Formal assessments of employee success 1, 2*: (qualification status; test results); *Behavior 1, 2*: its compliance with corporate culture and group norms; *Satisfaction 1, 2, 3, 4, 5* (1 – work, 2 – psychological climate, 3 – interactions with colleagues, 4 – with managers, 5 – salary); *Balance: costs, efforts/entitlements* (according to V. Vroom): costs (psychophysiological), salary, profession prestige (profession status in society).

Таблица 2/ Table 2

Результаты корреляционного анализа социально-демографических и служебных данных выборок государственных служащих (n = 69)

Results of correlation analysis of socio-demographic and service data from samples of civil servants (n = 69)

Переменная	Диапазон оценок	M	SD	2	3	4	5	6	7	8
Пол	0–1	0,58	0,5	0,201	0,299	-0,019	0,512	0,389	0,338	0,525
Возраст	24–49	37,2	7,5	–	0,962	0,238	0,643	0,727	0,539	0,398
Рабочий стаж	3–29	17,0	7,9	–	–	0,207	0,611	0,762	0,532	0,452
Стаж в должности	3–25	5,7	4,1	–	–	–	0,212	0,069	-0,138	0,104
Состояние в браке	0–1	0,73	0,42	–	–	–	–	,532	0,654	0,543
Семейный стаж	0–27	11,3	8,1	–	–	–	–	–	0,670	0,455
Дети	0–3	1,3	0,8	–	–	–	–	–	–	0,230
Должность	1–8	3,7	1,8	–	–	–	–	–	–	–

вариативность оценок – при повторном обследовании по одним «пунктам» средние возросли, по другим – снизились. Согласно *описательной статистике*, все анализируемые переменные характеризовались межиндивидуальной вариативностью в широком диапазоне (см. табл. 1, 2). В отношении 16 пунктов из 22 вариативность оценок составляла 0–10 и 1–10 баллов (91–100%), по пяти 2–10 и 4–10 (73–82%) при высокой вариативности средних и отклонений ($M = 5,63–7,89$; $SD = 1,89–3,2$). Таким образом, исходные условия для реализации дифференцированного подхода были обеспечены со стороны исследователя и выдержаны со стороны респондентов.

Результаты факторного анализа (метод Varimax) можно считать удовлетворительными: шесть факторов с собственным значением $\geq 1,00$ объясняли 74% дисперсии (шестой $> 5\%$); все шесть хорошо интерпретировались. Согласно формальным критериям, первый фактор (39,5% дисперсии) назван «*Интеграция с условиями профессии и среды организации*». Наибольшие факторные «веса» имели результативность 1 и 2, стабильность, трудовая дисциплина, профессионализм, экология, успешность 3 (взаимодействие с партнерами), психофизиологические затраты. Содержание фактора было типично для женщин, для лиц молодого возраста с небольшим стажем работы в госслужбе, занимающим низовые должности, не состоящим в браке, не имеющим детей. Второй фактор (11,1% дисперсии) назван «*Мотивация причастности*»; его сформировали успешность взаимодействия 1 и 2 (с коллегами и руководителями), затраты / престижность профессии, удовлетворенность 1, 2, 3, 4 (трудом, климатом, взаимодействием с коллегами и руководителями). Второй фактор был более типичен для женщин, для молодых людей с небольшим стажем работы, не состоящим в браке, не имеющим детей. Третий (6,9%) – «*Ориентация на формальные стороны работы*» – включал оценки субъективной значимости аттестации, тестирования, соответствия поведения культуре организации и групповым нормам, соблюдения дисциплины; отрицательные оценки значимости профессионализма. Фактор

был характерен для молодых служащих, занимающих низовые должности, не состоящих в браке, не имеющих детей. Четвертый фактор (6,0%) назван «*Ориентация на вознаграждения*» – его формировали оценки значимости оплаты труда, удовлетворенности оплатой, престижностью профессии, работой; значимость дисциплины была отрицательной (-0,251). Фактор также был характерен для той же социальной группы – женщин, лиц молодого возраста с малым стажем работы, не имеющих ни семьи, ни детей. Пятый фактор (5,3%) – «*Карьерная ориентация*» – определялись оценки значимости карьеры, оплаты труда, успешность взаимодействия с партнерами, соответствие поведения принятой культуре и сложившимся нормам. Он более характерен для молодых людей. Шестой фактор (5,1%) – «*Ориентация на отношения с руководителями*» – определялись оценки успешности 2 и 1 (взаимодействие с руководителями, с коллегами), количественные показатели работы. Складывается впечатление, что такой симптомокомплекс определяется доминированием у субъектов прагматических установок и «мотивацией сопричастности» по Д. МакКлеланду. Его содержание также более характерно для женщин и молодых людей, не имеющих ни семьи, ни детей.

Если в отношении *первой модели* реализовался типовой план НИР, то в отношении *второй* – ретроспективный анализ множества примечательных фактов, наблюдаемых и фиксируемых посредством опросов, анкетирования, психодиагностики. Ввиду того что *вторая модель* – «*частный охранник*» – отличалась от профессии «*государственный служащий*» не только базовыми составляющими (институциональными, технологическими, организационными и др.), но и высокой динамичностью всех процессов движения персонала в организациях – оценками пригодности и временем решения о приеме, содержанием профессиональной подготовки и переподготовки, ротацией и перемещением сотрудников по разным объектам и постам, средней продолжительностью работы на объекте и в организации, – в нашем изучении профессионального менталитета приводятся

данные, полученные посредством не типичных методов (психодиагностика, анкетирование), а «оперативными», экспресс-методами (беседы, консультации, совещания, опросы), а также в процессе реализации практических действий, которые можно правомерно считать экспериментами (подготовка принятия кадровых решений, разработка вариантов оплаты труда, инициация и проведение актов по формированию корпоративной культуры, мониторинг профессиональной и социальной активности работников и др.).

В плане согласованности результатов НИР, полученных на первой и второй моделях здесь мы лишь акцентированно сформулируем дополнительную рабочую гипотезу, призванную подтвердить или отклонить констатацию, полученную при анализе результатов анкетирования государственных служащих. *Дополнительная гипотеза*: сходство профессионального менталитета работников организации проявляется: а) в сходстве их трудового поведения; б) в сходстве динамики их профессионального становления; в) в том, что в процессе естественного отбора в организации отбраковываются худшие работники (носители деструктивного ПМ); г) в приоритете «центра» над «периферией» (преобладании обще-профессиональных ценностей над корпоративными и объектовыми).

Ввиду ограниченности размера статьи в ней приведены лишь некоторые факты, выявляемые и наблюдаемые в ходе работы с сотрудниками ЧОПов Москвы, из опыта преподавательской и иной работы с сотрудниками разных компаний.

К результатам опыта, дающим основания для принятия / отклонения дополнительных гипотез, можно отнести следующее:

а) трудовое поведение частных охранников во многом определяется особенностями их рабочих мест – охраняемых ими «объектов» (в данной статье рассматриваются особенности лишь одной специализации – «физическая охрана объектов»), – руководителя группы (старшего смены, старшего по объекту); виды нарушений трудовой дисциплины и их частота более зависят от особенностей объекта, нежели от индивидуальности охранников;

б) процессы интеграции новичка в компании обычно имели характерную динамику, которую можно назвать кризисами адаптации субъекта и его закрепления в организации: 1-й – 3-й – 6-й – 12-й – 24-й месяцы работы. Именно в этих фазах наблюдался наибольший процент увольнений новых сотрудников. Увольнения «новичков» и «ветеранов» имели разную динамику – у первых сезонную (конец мая) и ситуативно в зависимости от типа объекта, у вторых – из-за ухудшения положения компании на рынке охранных услуг, перемещения в составе высшего руководства;

в) по собственному желанию увольнялись как «худшие» работники, так и «лучшие» (вследствие изменения самооценки своего потенциала,

изменений условий труда и оплаты, конфликтов с руководителями и пр.). Основной причиной увольнения «ветеранов» – чаще старших по объектам и смен – были серьезные дисциплинарные нарушения рядовых охранников. Значимых различий между работающими и увольняющимися в отношении их ценностной ориентации, оценки субъективного удобства разных режимов труда и прочего не было. Нередко решение об увольнении принималось людьми при равновесии аргументов «за» и «против» под влиянием какого-то косвенного фактора («50% плюс один голос»). На протяжении более чем 10-летних наблюдений значительно изменялся корпус частных охранников. Одним из критериев можно назвать место жительства (регистрации): если в начале 1990-х гг. большую часть сотрудников московских ЧОПов составляли жители центральных районов столицы, то в конце «нулевых» – приезжие из небольших поселков и сел в разных регионах Российской Федерации. Профессия сохранилась – ее субъекты изменились;

г) ввиду разнотипности многочисленных объектов в поведении и деятельности охранников в каждом ЧОПе легко фиксировались процессы становления особых групповых норм и подбора сотрудников со сходными личностными особенностями. Эти процессы мы определяли как самоорганизацию субъектов и групп, как формирование «психологических ниш» [3, 15].

Обсуждение результатов

Поведение государственных служащих, участвовавших в процедурах опроса, можно характеризовать как закрытость, закрытость и еще раз закрытость. Тем не менее максимально расширенные параметры оценки «тетрады» менталитета (его когнитивных, ценностных, эмоциональных, поведенческих компонентов), выделение множества их аспектов, отражающих разные проявления ценностной ориентации, смысла труда, жизненных установок, поведенческих паттернов позволили выявить их специфические симптомокомплексы. Фактами типичного поведения госслужащих объясняется и не-проявленность предпочтений и ориентации мужчин зрелого возраста, занимающих руководящие позиции в иерархии органов государственной службы. Они оставались слишком осторожными, осмотрительными, как респонденты отдавали предпочтение социально желательным ответам, избегали крайних оценок. Составляющие значительную часть выборки руководители среднего и высшего звена сумели остаться «в тени» – их предпочтения и ориентация слабо отразились в полученном нами эмпирическом материале.

Процедуры факторного анализа – как сокращения пространства переменных и выделения осей их группировок – решали как бы обратную задачу описания и объяснения того, что прямо не было представлено респондентами. Связи между

переменными, не включенными в факторный анализ, определялись посредством корреляционного анализа. Согласно полученным результатам, высокая вариативность проявлений менталитета сочеталась с определенными типичными комбинациями социально-демографических и должностных характеристик субъектов (см. табл. 1, 2). В сравнении с другими профессиональными сферами в органах государственной службы есть особые условия (организации труда, найма работников и их продвижения, корпоративной культуры, вознаграждения и др.), выступающие своего рода «предикторами» социальной успешности людей, выходящей за рамки собственно профессиональной, обозначающей их глубинные ориентации и предпочтения, отчасти проявляющиеся и как профессиональный менталитет. Но эти аспекты проблемы пока остаются «за скобками» НИР.

В плане задач нашего исследования следует выделить особенности рассматриваемой профессии:

- довольно длительный период работы служащих в организации (в органах государственной службы де-факто имеет место система «пожизненного найма»);

- стабильность работы персонала, систематическое материальное поощрение, предоставление разных социальных благ (государственные награды ко времени выхода на пенсию, доплата за выслугу лет, регулярные премии и пр.);

- сравнительно равные для всех возможности быстрого должностного продвижения в начале карьеры; замедление продвижения в середине и в завершении карьеры;

- назначение работников на высшие должности по политическим мотивам (низовой и средний уровень обычно занимают «операционисты»);

- должностное продвижение служащих чаще «командами», а не благодаря их индивидуальным качествам;

- отдаленные по времени результаты деятельности и «размытая» ответственность за ее результаты значительно повышают роль межличностных отношений людей (доверия, преданности);

- важный критерий при подборе и продвижении людей – личная лояльность и «безопасность» для непосредственного руководителя (более высокие требования предъявляются к «личностной надежности» служащего, чем к его профессионализму), и последнее порождает сложности и «неоднозначность» их отношений со всеми прямыми руководителями.

В этой сфере много людей, принятых в организацию по протекции, успешно делающих карьеру вне зависимости от их прилежания и трудовых успехов – важнее соответствие человека корпоративной культуре, его включенность в «команду», чем мера выраженности его личностных и профессиональных качеств.

К специфическим «парадоксальным» фактам, выявленным в ходе НИР, можно отнести и то, что у одной части сотрудников ориентация на эффективность работы не сочетается с успешностью их карьерного продвижения, а у другой доминирует значимость удовлетворенности отношениями в группах, а не профессиональные критерии успешности. Своеобразным следствием сложившейся типичной кадровой политики можно считать и другие «парадоксальные факты». В этой достаточно благополучной профессиональной сфере (в плане гарантий стабильности занятости, оптимального баланса получаемых работником социальных благ и его психофизиологических затрат в труде, социальной защищенности даже в кризисные для страны периоды) удовлетворены своей складывающейся карьерой лишь немногие служащие – не более 10–13% [16]. Это можно понимать как «оборотную сторону медали»: снижение роли объективных, собственно профессиональных критериев успешности работника при повышении роли корпоративных приводит к росту психологической напряженности в отношениях между людьми, неудовлетворенности карьерой и пр. Размытость результатов деятельности при их отдаленности во времени и коллективной ответственности, отсутствие связи «процесс – результат», нормальной удовлетворенности человека осязаемыми результатами своего труда сложно компенсировать любыми социальными благами. Обратимся к «деталям». Согласно содержанию первого фактора, большая часть служащих хорошо интегрирована как с требованиями профессии, так и со средой организации. Они адекватно их воспринимают, и весомая составляющая такой адекватности – успешная самореализация в семейной сфере (см. табл. 2), сопряженная с самореализацией в профессии. В выборке государственных служащих тесно коррелируют их возраст и стаж работы, состояние в браке и семейный стаж, число детей в семье, умеренное должностное продвижение, что реже встречается в других сферах деятельности [1, 2, 11]. Примечательно то, что для «хорошо интегрированных» служащих размер оплаты труда субъективно незначим – здесь в структуре социальных благ значительную долю составляют регулярные премии, пособия, государственные награды, льготы при выходе на пенсию и пр.

Содержание второго фактора можно объяснить так: продолжительная работа в одном коллективе, низкая текучесть персонала, частые прямые и косвенные вознаграждения, стабильность занятости содействуют актуализации и «подпитке» «мотивацией сопричастности» (по Д. МакКлеланду). Содержание третьего фактора объяснимо «парадоксальными фактами» госслужбы: при определенных отношениях с руководством, при членстве в его «команде» служащему достаточно получать позитивные оценки формального соответствия своей должности, не

усложняя себе жизнь вопросами профессионального роста и развития. Четвертый фактор отражает прагматичные установки небольшой социальной группы работников (хорошо «защищенных», позволяющих себе пренебрегать требованиями трудовой дисциплины). Содержание пятого фактора характерно для работников организаций с «высокой иерархией», шестого – для работников всех организаций (их ориентация на «отношения с руководителями» сочетается с проявлениями той же «мотивации сопричастности»).

В целом в отношении как формальных (доля объясняемой дисперсии), так и содержательных (непротиворечивые сочетания определенных условий деятельности, среды организации, предпочтений людей) критериев выделенные нами шесть факторов признаем адекватно отражающими действительность. Одни из факторов «презентовали» естественные ориентацию и предпочтения профессионально состоятельных работников, другие – представителей социальных групп, сопутствующих «правильным» работникам, заполняющих свободные «психологические ниши»; среди госслужащих доля «сопутствующих» сопоставима с долей «правильных» работников. Разные ориентация и предпочтения представителей разных социальных групп, работающих в одной профессиональной сфере, не могут не быть сопряжены с особенностями их профессионального менталитета.

В свете задач НИР можно констатировать: на становление профессионального менталитета (ПМ) субъектов влияет социальная мезо- и микро-среда, представленная условиями профессиональной деятельности и корпоративной культуры организации, которые выступают не диффузно, а согласованно, сочетаясь в определенные комбинации. При этом ПМ не представляет собой единого и цельного «монолита» по составу и структуре и не представлен единообразно для разных субъектов. ПМ не является одноактным образованием, он эволюционирует продолжительно, как процесс, сопровождающийся кризисами, конфликтами его составляющих, развитием и деформацией его структур. ПМ есть процесс, сопряженный с успешностью самореализации человека в профессиональной, семейной, досуговой сферах, процесс, согласованный со взаимодействием и влиянием контактных и референтных групп. ПМ и его составляющие как фрагменты социальной действительности не остаются независимыми от влияния факторов окружения, не существуют «вне времени и пространства».

В выделенных нами симптомокомплексах ориентации и предпочтений государственных служащих с большей или меньшей полнотой представлены (во всяком случае просматриваются, угадываются, подразумеваются) все четыре основные составляющие профессионального менталитета – ценностная, когнитивная, аффективная, поведенческая. Все они с разной полно-

той представлены в предпочтениях и ориентации разных групп государственных служащих, различающихся по их социально-демографическим и служебно-должностным характеристикам. В свете полученных результатов взаимоотношения сотрудников органов государственной службы видятся не открытыми и прямыми, а «многослойными», определяемыми принадлежностью человека к той или иной «команде», должностью и влиянием лидеров именно этой «команды», а также ориентацией работодателей и нанимателя на «пожизненный наем», когда более весомым выступает «правильное организационное поведение» сотрудника, а не его продуктивность.

Так, результаты исследования демонстрируют, что в процессах инициации на разных ступенях продвижения человека в организационных структурах между новыми сотрудниками (чаще молодыми, не имеющими семьи, детей, а также женщинами на протяжении нескольких первых лет их работы) и членами элитарных групп госслужащих поддерживается определенная социальная и психологическая дистанция. Маловероятно, что при управляемом извне дистанцировании менталитет «новичков», не «посвященных в сан», формируется кумулятивно, постепенно вбирая, накапливая с возрастом и стажем все должные «элементы». Больше оснований предполагать, что эволюция ПМ есть ряд дискретных процессов поэтапного перехода в новые состояния (сначала «специалиста», затем «начальника», руководителя подразделения, в исключительных случаях – руководителя управления, департамента, заместителя министра, причем последние – уже уровни политических назначений). Если эволюция ПМ есть дискретный процесс (что скорее соответствует действительности), едва ли можно говорить о единстве («монолитности», целостности) любого профессионального менталитета (ПМ), его тождестве самому себе на разных стадиях и уровнях профессиональной карьеры человека.

Достаточно сходные многослойные объединения работников имеют место и в частных охранных предприятиях (ЧОПах), в которых все процессы – и «жизненные циклы организации», и стадии профессионального становления субъекта – протекают много динамичнее. Здесь также видны разная динамика становления субъектов, различающихся по личностным и социально-демографическим характеристикам, их интеграции в компании, и разные причины их увольнения. Если принимать во внимание, что для позитивной констатации в науке требуется значительно больше оснований, чем для отрицательной, наши дополнительные гипотезы, соответственно, фокусировались в своих формулировках. В отношении сотрудников ЧОПов можно резюмировать, что ни один аспект *дополнительной гипотезы* не подтверждается. У нас не имелось должных фактов, позволяющих констатировать наличие ожидаемых характеристик менталитета («менталитет есть...; он характеризуется...»), но

имелось достаточно фактов для отрицательных утверждений («менталитет не есть...; он не ...»). К числу последних утверждений отнесем следующие: отсутствие сходства трудового поведения субъектов, динамики их профессионального становления, процессов их интеграции в компании; отсутствие доминирования общепрофессиональных ценностей над корпоративными и «объектовыми» дает основание утверждать, что профессиональный менталитет частных охранников не является образованием, монолитным по составляющим и структуре, по стадиям развития, что он сходно выражен у разных сотрудников организации.

Заключение

Максимальное дифференцирование аспектов усилий труда государственных служащих (до «невероятной» и нетипичной 11-балльной шкалы интервалов), учет социально-демографических и служебно-должностных особенностей субъектов (см. табл. 1, 2), использование комплекса параметрических методов статистики позволили удовлетворительно решить задачи НИР даже в ситуации сопротивления обследуемых. Изучение профессионального менталитета (ПМ) на двух моделях во многом противоположных профессиональных сфер, задающих как бы два «полюса» их возможных характеристик, позволяет выявлять как сходные, так и отличные особенности поведения, отношений, деятельности и взаимодействия людей. Если государственных служащих отличали закрытость и избегание контактов, то частных охранников – открытость, легкость установления контактов, привлечения к обсуждению актуальных вопросов, высокая гетерогенность разных рабочих коллективов. Последнее можно и нужно учитывать в подборе методов исследования. Как в организации с инерционной корпоративной культурой и длинными стадиями эволюции («жизненными циклами»), так и в коммерческих компаниях с высокой динамикой их эволюции проявляются сходные тенденции в поведении и приоритетах их субъектов. Выявление сходных свойств у разных объектов разными методами является сильным аргументом в отношении надежности выявляемых фактов.

В разных организациях имеет место расслоение и дифференцирование сотрудников по их социальному статусу внутри каждой профессиональной группы в разных организациях и профессиональных сферах. Более вероятно, что эволюция ПМ есть процесс «восхождения от частного к общему», точнее – процессы преобразования частных компонентов во всеобщие – *обще-деятельностные, обще-человеческие*. Если у «оснований» профессиональных «пирамид» можно находить множество *особенных* составляющих, то у их «вершин» – инварианты *общих, обще-деятельностных, обще-человеческих*, и можно полагать, что найдется больше сходства, а

не различий у высококвалифицированных врачей, старших офицеров силовых структур, операторов-инженеров энергетических комплексов, капитанов крупных судов, чем у санитаров, сержантов, рабочих, матросов. Сходные многослойной структуры, «позиционирование» персонала в разных пространствах организации, поддерживаемые определенными традициями и групповыми нормами, процессами самоорганизации субъектов и групп, оставляют еще много открытых вопросов. Но в отношении части из них можно выносить утвердительные заключения. Наши гипотезы получили подтверждение.

В плане методологической рефлексии планирования, организации и проведения НИР можно констатировать следующее:

1) конструктивным подходом можно считать совместное изучение свойств не менее чем двух психологических объектов ($n \geq 2$);

2) в изучении сложных психологических объектов, в том числе профессионального менталитета и его детерминантов, целесообразно применять дифференциальный подход. Основанием для разделения профессионалов на разные группы могут выступать как их собственно профессиональные, служебно-должностные, личностные, так и социально-демографические характеристики, особенности организационной культуры организации, групповых норм в рабочих группах и пр.;

3) при изучении сложных психологических объектов целесообразно применять комплексы методов параметрической статистики.

Благодарности и финансирование: *Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ (проект № 0159-2018-0001 «Психологические проблемы профессионального менталитета в условиях организационных и технологических инноваций»).*

Библиографический список

1. *Гостев А. А.* Проблема российского менталитета в свете отечественной православно-христианской традиции // История отечественной и мировой психологической мысли : Ценить прошлое, любить настоящее, верить в будущее : материалы междунар. конф. по истории психологии / отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова, Ю. Н. Олейник. М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. С. 22–32.
2. *Додонов Р. А.* Этническая ментальность : опыт социально-философского исследования. Запорожье : Изд-во «РА «Тандем-У»», 1998. 191 с.
3. *Дубов И. Г.* Феномен менталитета : психологический анализ // Вопросы психологии. 1993. № 5. С. 20–29.
4. *Журавлев А. Л., Ушаков Д. В., Юревич А. В.* Менталитет, общество и психосоциальный человек (ответ участникам дискуссии) // Психологический журнал. 2017. Т. 38, № 1. С. 107–112.

5. Харитонова Е. В. Соотношение понятий «менталитет» и «ментальность» // Историогенез и современное состояние российского менталитета : сб. ст. / отв. ред. В. А. Кольцова, Е. В. Харитонова. М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 226–239.
6. Юревич А. В. Базовые компоненты национального менталитета // Историогенез и современное состояние российского менталитета : сб. ст. / отв. ред. В. А. Кольцова, Е. В. Харитонова. М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 240–261.
7. Демин А. Н. Личность в кризисе занятости : стратегии и механизмы преодоления кризиса. Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2004. 315 с.
8. Дружников С. А. Психология профессионализма. Инженерно-психологический подход. Харьков : Изд-во «Гуманитарный центр», 2011. 296 с.
9. Пряжников Н. С., Пряжникова Е. Ю. Психология труда и человеческого достоинства. М. : Академия, 2001. 480 с.
10. Стэндинг Г. Прекариат : новый опасный класс / пер. с англ. Н. Усовой. М. : Ад Маргинем Пресс, 2014. 328 с.
11. Харитонова Евг. В. Социально-профессиональная востребованность личности на этапах жизненного и профессионального пути. Краснодар : Кубанский гос. ун-т ; Парабеллум, 2011. 382 с.
12. Толочек В. А. Психология труда. 3-е изд., доп. СПб. : Питер, 2019. 480 с.
13. Психология. Словарь / под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. 2-е изд. М. : Политиздат, 1990. 494 с.
14. Толочек В. А. Организационная психология и стили профессиональной деятельности государственных служащих : учеб. пособие. М. : РАГС, 2003. 159 с.
15. Толочек В. А. Организационная психология : управление персоналом ЧОП и СБ. М. : Изд-во «Мир безопасности», 2004. 176 с.
16. Москаленко О. В. Акмеология профессиональной карьеры личности. М. : РАГС, 2007. 352 с.

Образец для цитирования:

Толочек В. А. Профессиональный менталитет как динамичное образование // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2020. Т. 9, вып. 4 (36). С. 338–349. DOI: <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2020-9-4-338-349>

Professional Mentality as a Dynamic Structure

Vladimir A. Tolochek

Vladimir A. Tolochek, Institute of Psychology at Russian Academy of Sciences, 13 Yaroslavskaya St., Moscow 129366, Russia, tolochekva@mail.ru

The article presents methodology and methods of field study on the example of studying the professional mentality (PM). *Purpose of the study:* Analysis of typical conditions of scientific research work (SRW), connections between methods, recorded facts and properties of psychological objects. *Methods:* analysis of literary sources; observation, questionnaires, expert polls, psychodiagnostics, parametric methods of statistics. *Hypotheses:* 1. Research methods, revealed scientific facts, described properties of psychological objects are in a relationship of mutual conditioning. 2. Attention to artifacts allows us to develop constructive options for further study of psychological objects. *Study base:* a) civil servants (93 people); b) private security guards (more than 200 people). The meta-problem of the present study (the methodology and methods of field study) is viewed on the example of observation and study of behavior and activities of the subjects in different social situations. We demonstrated that the maximum differentiation of aspects of the working conditions of civil servants (up to the “incredible” and atypical 11-point scale of intervals), awareness of the socio-demographic and work-related aspects of the subjects, the use of a set of parametric methods of statistics made it possible to satisfactorily solve SRW tasks even in situations when respondents resisted. The study of professional mentality (PM) using two models (professional spheres opposite in many respects, which set two “poles” of their possible characteristics) allows us to identify both similar and different features of behavior, relationships, activities and interaction of people. It is stated: 1) The constructive approach is the joint study of the properties of at least two psychological objects 2) In the study

of complex psychological objects, it is advisable to use a differential approach and complexes of methods of parametric statistics.

Keywords: professional mentality (PM), differential approach, organization environment, socio-demographic characteristics, work-related aspects, subjects, civil servants, private security guards.

Received: 11.06.2020 / Accepted: 07.09 2020 / Published: 21.12.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Acknowledgments: *This work was carried out within the framework of the State assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (project No. 0159-2018-0001 «Psychological problems of professional mentality in the context of organizational and technological innovations»).*

References

1. Gostev A. A. Problem of Russian Mentality in Light of the Russian Orthodox Christian Tradition. In: A. L. Zhuravlyov, V. A. Kol'tsova, Yu. N. Oleynik, total eds. *The History of Russian and World Psychological Thought: To Value the Past, to Love the Present, to Believe in the Future: materials of International conference on the history of psychology.* Moscow, Institute of Psychology RAS Publ., 2010, p. 22–32 (in Russian).
2. Dodonov R. A. *Etnicheskaya mental'nost': opyt sotsial'no-filosofskogo issledovaniya* [Ethnic Mentality: the Experience of Socio-Philosophical Research]. Zaporozh'ye, RA «Tandem-U» Publ., 1998. 191 p. (in Russian).
3. Dubov I. G. Fenomen mentaliteta [The Phenomenon of Mentality]. *Voprosy Psichologii*, 1993, no. 5, pp. 20–29. (in Russian).

4. Zhuravlev A. L., Ushakov D. V., Yurevich A. V. Mentality, society and “Homo psychosocialis” (response to the participants of the discussion). *Psychological Journal*, 2017, vol. 38, no. 1, pp. 107–112 (in Russian).
5. Kharitonova E. V. Relations of “mentality” concepts. In: V. A. Kol'tsova, E. V. Kharitonova, total eds. *Istoriogenez i sovremennoye sostoyaniye rossiyskogo mentaliteta* [Historiogenesis and the current state of Russian mentality]. Moscow, Institute of Psychology RAS Publ., 2015, pp. 226–239 (in Russian).
6. Yurevich A. V. Basic components of national mentality. In: V. A. Kol'tsova, E. V. Kharitonova, total eds. *Istoriogenez i sovremennoye sostoyaniye rossiyskogo mentaliteta* [Historiogenesis and the current state of Russian mentality]. Moscow, Institute of Psychology RAS Publ., 2015, pp. 240–261 (in Russian).
7. Diomin A. N. *Lichnost' v krizise zanyatosti: strategii i mekhanizmy preodoleniya krizisa* [Personality in the employment crisis: strategies and mechanisms of crisis overcoming]. Krasnodar, Kubanskiy gos. un-t Publ., 2004. 315 p. (in Russian).
8. Druzhilov S. A. *Psikhologiya professionalizma. Inzhenerno-psikhologicheskyy podkhod* [Psychology of professionalism. Engineering and psychological approach]. Khar'kov, Humanitarian centre Publ., 2011. 296 p. (in Russian).
9. Pryazhnikov N. S., Pryazhnikova E. Yu. *Psikhologiya truda i chelovecheskogo dostoinstva* [Psychology of labor and human dignity]. Moscow, Academia Publ., 2001. 480 p. (in Russian).
10. Standing G. *Prekariat: novyy opasnyy klass* [The Prekariat: the New Dangerous Class]. Moscow, Ad Marginem Press Publ., 2014. 328 p. (in Russian, trans. from English).
11. Kharitonova Evg. V. *Sotsial'no-professional'naya vostrebovannost' lichnosti na etapakh zhiznennogo i professional'nogo puti* [Social and professional demand for personality at the stages of life and professional path]. Krasnodar, Kubanskiy gos. un-t Publ.; Parabellum Publ., 2011. 382 p. (in Russian).
12. Tolocek V. A. *Psikhologiya truda* [Psychology of labor]. 3rd ed. St. Petersburg, Piter Publ., 2019. 480 p. (in Russian).
13. Petrovskiy A. V., Yaroshevskiy M. G., total eds. *Psikhologiya. Slovar'* [Psychology. Dictionary]. 2nd ed. Moscow, Politizdat Publ., 1990. 494 p. (in Russian).
14. Tolocek V. A. *Organizatsionnaya psikhologiya i stili professional'noy deyatel'nosti gosudarstvennykh sluzhashchikh* [Organizational psychology and professional styles of civil servants]. Moscow, RAGS Publ., 2003. 159 p. (in Russian).
15. Tolocek V. A. *Organizatsionnaya psikhologiya: upravlenie personalom CHOP i SB* [Organizational psychology: HR management]. Moscow, Mir bezopasnosti Publ., 2004. 176 p. (in Russian).
16. Moskalenko O. V. *Akmeologiya professional'noy kar'ery lichnosti* [Acmeology of a person's professional career]. Moscow, RAGS Publ., 2007. 352 p. (in Russian).

Cite this article as:

Vladimir A. Tolocek. Professional Mentality as a Dynamic Structure. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2020, vol. 9, iss. 4 (36), pp. 338–349 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2020-9-4-338-349>

УДК 316.6:159.9

Социально-психологическая пресыщенность молодежи условиями проживания в мегаполисе: концептуальный подход и результаты исследования

Т. В. Дробышева, И. В. Ларионов, Е. Б. Филинкова

Дробышева Татьяна Валерьевна, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, лаборатория социальной и экономической психологии, Институт психологии РАН, Москва, tdrobysheva@mail.ru

Ларионов Иван Викторович, магистр психологии, аспирант, Институт психологии РАН, Москва, ivlar16@gmail.com

Филинкова Евгения Борисовна, кандидат психологических наук, профессор, кафедра социальной психологии, Московский государственный областной университет, Jane421@yandex.ru

Актуальность исследования связана с изучением ресурсов жизнеспособности молодых горожан в условиях нарастающих процессов урбанизации. Изложены данные теоретико-эмпирического исследования проблемы операционализации явления социально-психологической пресыщенности – психологического состояния, порожденного особенностями городской среды. Описано понятие, приведены данные о его операционализации, сформулирована гипотеза и приводятся некоторые результаты ее эмпирической проверки. Цель исследования – выявить и проанализировать связь эмоциональных переживаний и предпочитаемых стратегий совладания с состоянием пресыщенности условиями проживания в мегаполисе в группе молодежи. Основная гипотеза исследования включала предположение, что существует связь между переживанием состояния пресыщенности, вызванным интенсивным влиянием явлений городской среды на психику и поведение респондентов, и предпочитаемыми ими способами совладания с ситуацией пресыщения. В исследовании приняли участие 159 человек в возрасте от 19 до 30 лет. Методы исследования – авторские опросники, направленные на изучение проявлений социально-психологической пресыщенности (авт. Т. В. Дробышева, И. В. Ларионов). С целью выявления социально-демографических характеристик применяли анкетирование. Показано, что в группе респондентов состояние социально-психологической пресыщенности условиями проживания в мегаполисе переживается как чувство апатии, скуки, раздражения, вызванное навязанными контактами с чужими людьми, рекламной деятельностью торговых компаний и перенаселенностью города. Эти явления городской жизни воспринимаются молодыми людьми как нарушающие их психологическую приватность и прежде всего вызывают у них желание уехать, сменить обстановку или род деятельности, найти новые формы досуга или другие места свободного времяпрепровождения. Обнаруженные в ходе работы результаты косвенно указывают на защитную функцию социально-психологической пресыщенности, выраженную в желании респондентов – молодых горожан снизить интенсивность негативных эмоциональных переживаний, вызванных условиями проживания в мегаполисе. Практическую значимость для исследователей городской среды имеют разработанные в процессе исследования авторские опросники.

Ключевые слова: социально-психологическая пресыщенность, городская среда, мегаполис, компоненты социально-психологической пресыщенности, социальная психология города.

Поступила в редакцию: 15.07.2020 / Принята: 07.09.2020 / Опубликована: 21.12.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2020-9-4-350-357>

Введение

За последние несколько лет проблемы взаимодействия человека и окружающей среды стали приоритетным направлением исследований в разных отраслях отечественной науки и практики в связи с нарастающими процессами урбанизации [1–7].

Ключевые направления исследований, разрабатываемые в отечественной психологии, затрагивают проблемы восприятия городской среды, ее влияния на социально-психологическое, психологическое, эмоциональное благополучие горожан, их психическое и психологическое здоровье [8–13]. Отдельно выделяется ресурсный подход, в рамках которого анализируются те возможности, которые представляет город своим жителям с точки зрения реализации их ценностного, интеллектуального и другого потенциала [14, с. 125–165].

Сопоставляя особенности жизнедеятельности жителей города и села, большого и малого города, города и районного центра, исследователи тем самым акцентируют внимание на специфике проблем, обусловленных размером поселения [14, с. 166–182; 15–17]. Большинство из них, указывая на особенности жизнедеятельности жителей мегаполиса, отмечают: обилие и плотность межличностных контактов с разными людьми, чрезмерную информатизацию, загруженность транспортной системы, удаленность мест проживания и работы, нарушение приватности психологического пространства и т. п. [18–20]. Подчеркивается комплексное влияние стресс-факторов городской среды на психическое и психологическое состояние жителей мегаполиса [18, 21]. К примеру, отмечается проблема установления молодежи – жителями мегаполиса непосредственных межличностных отношений в связи с высокой степенью их вовлеченности в процессы учебы, работы, культурной жизни, а также с поглощенностью электронными систе-

мами информации и связи [19, 22]. В качестве *ресурсов жизнеспособности* молодых горожан, проживающих в мегаполисе, авторы рассматривают расширенные возможности карьерного роста, форм организации и проведения досуга, условий создания семьи и самореализации [19, 22]. Однако реализация молодежью тех или иных потенциальных возможностей зависит от многих факторов, выполняющих функцию психологического барьера, в частности от степени пресыщенности молодых людей тем, что в избытке предоставляет им мегаполис. Влияние пресыщенности на психическое и психологическое благополучие молодежи, по нашему мнению, является одним из наиболее *актуальных* направлений исследования городской среды мегаполиса в современных условиях нарастания урбанистических процессов.

Анализ литературы показал, что существует *проблема* операционализации понятия «социально-психологическая пресыщенность», выделения и описания структуры и содержания данного феномена.

Концепция социально-психологической пресыщенности

Первым, кто обратил внимание на явление пресыщенности (блазириванности/blaze attitude) в большом городе, был социолог и философ Г. Зиммель [23]. Автор отмечал, что условия жизни в городе существенно влияют на эмоциональную сферу горожан, и это проявляется в поверхностном общении и обезличенном, неэмоциональном восприятии ими стимулов из окружающей городской среды. В психологии явление пресыщенности («психического пресыщения») выступало в качестве объекта исследования в работах А. Карстена и К. Левина и трактовалось ими как снижение интереса и мотивации к однообразным действиям при их выполнении в течении длительного времени [см.: 24].

С позиции разрабатываемого нами подхода пресыщенность, точнее социально-психологическая пресыщенность (СПП) личности (группы) определяется как психологическое состояние, порожаемое взаимодействием с социальной и предметно-пространственной средой мегаполиса. Оно проявляется в характере эмоциональных реакций и предпочитаемых стратегиях поведения горожан, направленных на совладание с состоянием пресыщения стимулами, поступающими из социума (наружная реклама, много контактов, магазинов и предложений о досуге и т. п.). По нашему мнению, социально-психологическая пресыщенность может выполнять позитивную функцию, играя роль защитного механизма в условиях избытка информации, плотности навязанных социальных контактов, разнообразия форм досуга, товаров и услуг и т. п., сопровождающих жизнедеятельность горожан.

Проявления пресыщенности носят комплексный характер, затрагивая когнитивные и аффективные аспекты восприятия городской среды, определяют готовность личности к выбору той или иной стратегии совладания. Результаты ранее проведенных нами исследований указывают на бимодальный характер эмоционального переживания пресыщенности [25, 26].

В процессе теоретического исследования, поискового и пилотного этапов эмпирического исследования было сформировано представление о структуре изучаемого феномена [25, 26]. Она включает два ключевых компонента – аффективный (эмоциональные переживания, вызванные восприятием городской среды) и конативный (предпочитаемые стратегии поведения, ориентированные на совладание с состоянием пресыщения). Их взаимосвязь содержательно раскрывает социально-психологическую пресыщенность условиями проживания в мегаполисе в группе респондентов.

Все вышеизложенное послужило основанием для проведения исследования с *целью* выявления связи эмоциональных переживаний и предпочитаемых стратегий совладания с состоянием пресыщенности условиями проживания в мегаполисе в группе молодежи – жителей мегаполиса.

Цель исследования нашла отражение в *гипотезах*: 1) существует связь между переживанием состояния пресыщенности, вызванным интенсивным влиянием явлений городской среды на психику и поведение респондентов, и предпочитаемыми ими способами совладания с ситуацией пресыщения; 2) активные стратегии совладания (поиск нового, готовность изменить что-либо) связаны с широким спектром негативных эмоциональных переживаний, отличающихся по своему характеру (беспокойство, тревога, раздражение, апатия, скука, отвращение); 3) пассивные стратегии совладания (ограничение контактов, уединение, «уход в себя») связаны с локальным спектром негативных переживаний (раздражение, апатия и скука).

Материалы и методики

Участники. В исследовании приняли участие 159 человек в возрасте от 19 до 30 лет, из них 40% мужчин и 60% женщин. Распределение выборки по месту рождения: 33% респондентов родились в Москве, 24% проживают в Москве от 10 до 20 лет, 43% проживают в Москве менее 10 лет. Выбор возрастной группы респондентов обоснован их активным образом жизни в городской среде – они учатся, строят карьеру и много и интенсивно общаются в свободное время, что позволяет предполагать возможность их подверженности состоянию социально-психологической пресыщенности.

Методики. Для проведения исследования применяли авторские опросники (авт. Т. В. Дробы-

шева, И. В. Ларионов), анкетирование. Авторские опросники, дополненные и уточненные для проведения настоящего исследования [более ранняя версия – см. 25, 26], были ориентированы на изучение поведенческих и эмоциональных проявлений социально-психологической пресыщенности. Они включали список суждений, выделенных в процессе фокус-групп на поисковом этапе исследования. Опросник предпочитаемых стратегий поведения содержал 7 суждений о проявлениях социально-психологической пресыщенности: «Стараюсь общаться только с самыми близкими», «Резко прерываю надоевшую беседу», «Стремлюсь оградить себя от назойливой рекламы любыми способами», «Не хочу никого видеть и слышать, стремлюсь к одиночеству», «Активно ищу иные источники удовольствия в мегаполисе», «Испытываю сильное желание уехать куда-нибудь, сменить обстановку», «Решительно настроен (а) на смену деятельности». К каждому суждению было предложено противоположное по смыслу. Респондентам предлагалось оценить согласие с правым или левым суждением по шкале от 1 (полное согласие с левым) до 7 (полное согласие с правым). Проверка надежности авторского опросника, построенного по типу биполярных шкал по альфа Кронбаха, показала, что данные пункты в целом измеряют изучаемый конструкт (альфа Кронбаха = 0,720; mean = 3,65; St. Dev. = 0,21).

Для выявления эмоциональных переживаний, вызванных условиями проживания в мегаполисе, применяли авторский опросник (авт. Т. В. Дробышева, И. В. Ларионов), построенный по типу репертуарных решеток Келли. Он также включал суждения, выделенные в процессе фокус-групп. Респондентам предлагалось оценить по 5-балльной шкале выраженность эмоциональных переживаний (беспокойство, тревога; разочарование; апатия, скука; раздражение; радость, воодушевление; отвращение; вера, надежда; удивление, интерес), вызванных источниками социально-психологической пресыщенности в городской среде («Реклама в городе», «Обилие разной информации», «Маркетинговые акции (промоутеры, флаеры, громкоговорители)», «Обилие альтернатив выбора товаров (сетевые, интернет-магазины)», «Вынужденное общение», «Обилие контактов в течение дня», «Высокий темп жизни», «Перенаселенность города», «Разные проявления моды», «Обилие альтернатив досуга», «Однообразие условий жизни»). Следует отметить, что такой прием конструирования опросника ранее применялся Т. П. Емельяновой и Т. В. Дробышевой для изучения коллективных чувств молодежи [27]. Проверка надежности-согласованности по альфа Кронбаха показала следующее: альфа Кронбаха = 0,97; mean = 2,07; St. Dev. = 0,30.

Социально-демографические характеристики респондентов изучали с помощью анкетирования.

Методы. Первичные данные исследования обрабатывались посредством методов контент-

анализа с расчетом частоты встречаемости смысловой группы и подгрупп, дескриптивного и корреляционного анализа (критерий Пирсона).

Результаты и их обсуждение

Предваряя результаты основного исследования, отметим, что на пилотном этапе с помощью ассоциативного текста был проведен анализ содержания представления «пресыщенность» в группе молодых москвичей [26]. Он показал, что феномен пресыщенности трактуется респондентами как состояние избыточности, связанное и с позитивными (радость, удовольствие, удовлетворение), и с негативными (стресс, усталость, неудовлетворенность) эмоциональными переживаниями, в связи с чем при разработке авторского опросника были внесены эмоциональные переживания разной модальности.

Последующий анализ данных продемонстрировал (табл. 1), что восприятие городской среды переживается по-разному. Наиболее представлены в данной группе респондентов состояния удивления, интереса, радости, раздражения. Они разделяются большей частью респондентов. Негативные переживания пресыщенности представлены чувством апатии, отвращения, разочарования, раздражения, беспокойства и тревоги. Однако для нашего исследования важным было выявить не просто интенсивность того или иного переживания, а спектр наиболее выраженных переживаний чувств, которые вызваны конкретными явлениями городской среды – источниками пресыщенности респондентов условиями проживания в мегаполисе.

Было обнаружено, что ряд явлений городской среды вызывает у молодых людей переживания одной модальности. В частности, негативные чувства у молодежи порождают разные виды рекламы, вынужденное общение и большое количество людей в городе, монотонный ритм жизни. Все это, по мнению респондентов, выступает источником состояния пресыщенности.

Наряду с этим некоторые явления городской жизни порождают у молодых людей – участников исследования позитивные эмоциональные переживания и могут быть рассмотрены как источник их *ресурса жизнеспособности* в мегаполисе. Речь идет о разнообразии культурной жизни города, обилии контактов со значимыми людьми, информации о происходящих событиях, проявлениях моды. В настоящий момент они вызывают у респондентов в большей степени позитивные чувства – удивление, интерес, радость, воодушевление, чем негативное – отвращение. По нашему мнению, для того чтобы данные явления городской среды вызвали состояние пресыщенности, сопровождаемое негативными переживаниями, должно быть очень интенсивное и продолжительное по времени воздействие этих раздражителей на психику молодых людей, как, например, в

Таблица 1 / Table 1

**Выраженность эмоционального переживания разных явлений городской жизни
(респонденты с высоким уровнем интенсивности переживания чувств, %)**
**Manifestation of emotional experiences of various urban life-related phenomena
(of respondents with high level of intensity of feeling, %)**

Явление городской жизни	Выраженность эмоциональных переживаний
1. Реклама в городе	Раздражение – 25 Апатия, скука – 22
2. Обилие разной информации	Удивление, интерес – 33
3. Маркетинговые акции (промоутеры, флаеры, громкоговорители)	Раздражение – 30
4. Обилие альтернатив выбора товаров	Удивление, интерес – 30 Радость, воодушевление – 31
5. Вынужденное общение	Беспокойство, тревога – 24 Апатия, скука – 25 Раздражение – 28
6. Обилие контактов в течение дня	Удивление, интерес – 26 Радость, воодушевление – 24
7. Высокий темп жизни	Беспокойство, тревога – 21 Радость, воодушевление – 25 Удивление, интерес – 28
8. Перенаселенность города (много людей)	Беспокойство, тревога – 31 Раздражение – 36 Разочарование – 21
9. Разные проявления моды (музыкальные, в одежде и т. п.)	Удивление, интерес – 38 Радость, воодушевление – 27 Отвращение – 23
10. Обилие альтернатив досуга (концерты, выставки, развлекательные мероприятия и т. д.)	Удивление, интерес – 62 Радость, воодушевление – 54 Вера, надежда – 37
11. Однообразие условий жизни	Беспокойство, тревога – 23 Разочарование – 27

случае с разными проявлениями моды. У третьей части респондентов они уже вызывают чувство отвращения. Интересно, что высокий темп жизни в мегаполисе порождает в группе исследованной молодежи разные по своей окраске чувства от беспокойства и тревоги, радости, воодушевления до удивления и интереса. По всей видимости, данный факт связан с временными различиями проживания в мегаполисе.

На следующем этапе был проведен корреляционный анализ эмоциональных переживаний, вызванных разными источниками – явлениями городской жизни и предпочитаемых респондентами стратегий совладания с состоянием пресыщенности (табл. 2). Для дальнейшего анализа является важным, что все выявленные стратегии совладания могут быть дифференцированы как активные (активный поиск, готовность к изменениям) и пассивные (закрытость, ограничение контактов).

Проведенный анализ показал, что состояние социально-психологической пресыщенности условиями проживания в мегаполисе в конкретной группе респондентов характеризуется прежде всего переживанием состояния раздражения, апатии и скуки, реже – разочарования и отвращения, и менее всего это состояние связано с переживанием тревоги и беспокойства. При этом сам факт

разнообразия переживания чувств от тревоги, беспокойства, апатии, раздражения до отвращения стимулирует респондентов к поиску активных стратегий совладания – желанию уехать куда-нибудь, сменить обстановку или вид деятельности, найти иные источники удовольствия. При высокой интенсивности переживания ограниченного спектра чувств (апатия, скука, раздражение) молодые горожане склонны к поиску более пассивных стратегий совладания. В таком случае попытка совладать с состоянием пресыщенности условиями городской жизни проявляется в ограничении круга общения, в попытке прерывать контакты с другим человеком или просто отгородиться от внешних раздражителей, включая назойливую рекламу.

Интерпретируя полученные результаты, заметим, что пресыщенность навязанными контактами с чужими людьми, рекламной деятельностью торговых компаний, перенаселенностью города (именно эти явления вызывают у молодых людей апатию, скуку, раздражение, беспокойство, тревогу), по всей видимости, воспринимается как нарушение психологической приватности и стимулирует желание уехать, сменить обстановку или деятельность, найти новые формы досуга или просто ограничить круг своего общения, уединиться. Обнаруженный нами факт косвенно указывает на *защитную функцию* социально-

Таблица 2 / Table 2

Связь элементов аффективного и поведенческого компонентов социально-психологической пресыщенности (критерий Спирмена)

Interrelation between elements of affective and behavioral components of socio-psychological satiety (r-Spearman's)

Эмоциональные переживания / Стратегии совладания	Тревога, беспокойство	Разочарование	Апатия, скука	Раздражение	Отвращение
<i>Стратегии избегания</i>					
Стараюсь общаться только с самыми близкими	–	–	0,16*	0,17*	–
Резко прерываю надоевшую беседу		0,18*	0,16*	0,23**	–
Стремлюсь оградить себя от назойливой рекламы любыми способами	–	–	0,16*	0,17*	–
Не хочу никого видеть и слышать, стремлюсь к одиночеству	–	–	0,25**	0,20*	–
<i>Стратегии совладания</i>					
Активно ищу иные источники удовольствия в мегаполисе	0,16*	0,18*	–	0,19*	0,17*
Испытываю сильное желание уехать куда-нибудь, сменить обстановку	0,22*	0,29**	0,26**	0,35**	0,32**
Решительно настроен(а) на смену деятельности	–	0,19*	0,17*	0,24**	0,23**

Примечание. * – r-Спирмена при $p \leq 0.05$; ** – r-Спирмена при $p \leq 0.001$.

Note. * – r-Spearman at $p < 0.05$; ** – r-Spearman at $p < 0.001$.

психологической пресыщенности, выраженную в желании респондентов снизить интенсивность негативных эмоциональных переживаний, вызванных условиями проживания в мегаполисе.

Заключение

Установлено, что социально-психологическая пресыщенность условиями проживания в мегаполисе в группе респондентов выражается в виде эмоциональных переживаний апатии, скуки, разочарования, тревоги и отвращения, связанных с предпочтением как активных стратегий совладания – поиска новых источников удовольствия, смены деятельности или обстановки, так и пассивных – ограничения контактов, общения, ухода от раздражающих явлений городской среды. Следует отметить, что не все респонденты, принимавшие участие в исследовании, подвержены крайним проявлениям пресыщенности, в связи с чем в перспективе развития работы необходимо рассмотреть вопросы личностной детерминации СПП. Показано, что низкий уровень выраженности изучаемой пресыщенности характеризуется переживанием положительных эмоций (интерес, радость, удивление) и ориентацией на конструктивные способы совладания (открытость и готовность к общению и знакомству) с условиями жизни в мегаполисе, вызывающими это состояние. Это позволяет сделать предположение о наличии у данных респондентов ценностных, мотивационных и прочих ресурсов жизнеспособности, которые будут изучаться на следующем этапе исследования.

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-013-00461 «Ценностно-аффективный компонент жизнеспособности разных групп горожан в условиях проживания в “кризисном городе” и “мегаполисе”»).

Информация о вкладе каждого автора. Т. В. Дробышева – методология и концепция исследования, разработка опросников; анализ полученных данных, написание текста; И. В. Ларионов – организация программы исследования; разработка опросников; сбор и обработка полученных данных, написание текста; Е. Б. Филинкова – сбор эмпирических данных.

Библиографический список

1. Афанасьева В. В., Лазерсон А. Г., Позднева С. П. Философия города. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2012. 244 с.
2. Кружкова О. В. Городской средовой стресс : восприятие реальности и гипотетическая оценка // Конфликтность современности / отв. ред. Л. А. Максимова. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, Ин-т психологии, 2014. С. 83–101.
3. Зачесова И. А. Интенциональные характеристики городской среды мегаполиса // Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии : результаты и перспективы развития / отв. ред. А. Л. Журавлёв, В. А. Кольцова. М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. С. 1314–1320.
4. Зачесова И. А. Повседневные дискурсивные практики городской среды мегаполиса // Психология человека как

- субъекта познания, общения и деятельности / отв. ред. В. В. Знаков, А. Л. Журавлёв. М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 1803–1811.
5. *Зачесова И. А.* Повседневный городской дискурс : интенциональный аспект // Вести БГПУ. Серия 1. Педагогика. Психология. Филология. 2019. № 2 (100). С. 74–78.
 6. *Шаббаев Ю. П., Садохин А. П., Лабунова О. В., Сазонова Н. Н.* Антропологическое понимание города и методология урбанистического изучения // Мониторинг общественного мнения : экономические и социальные перемены. 2018. № 3 (145). С. 248–267. DOI: 10.14515/monitoring.2018.3.13
 7. *Torshizian E.* Effects of crowding, density and deprivation on residential satisfaction (Doctoral dissertation, ResearchSpace@ Auckland). 2017. 286 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://researchspace.auckland.ac.nz/bitstream/handle/2292/32620/whole.pdf?sequence=2> (дата обращения: 20.05.20).
 8. *Габидулина С. Э.* Психология городской среды. М. : Смысл, 2012. 164 с.
 9. *Дробышева Т. В., Войтенко М. Ю.* Социально-психологическое благополучие детей в условиях мегаполиса: методологические основы исследования // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2015. Т. 4, вып. 1. С. 21–25.
 10. *Дробышева Т. В., Войтенко М. Ю.* Факторы социально-психологического благополучия личности в мегаполисе : представления детей о городе проживания // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2, № 1. С. 169–189.
 11. *Калиненко Н. А., Сагаева А. Т.* Восприятие визуальной среды жителями крупного города как экологический фактор (на примере г. Омска) // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 11 (1). С. 317–327.
 12. *Покатиловская Е. Н., Шиббаева Л. В.* Образ города проживания в представлениях жителей с разной городской идентичностью // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2019. Т. 4, № 2 (14). С. 192–209.
 13. *Радина Н. К.* Город в пространстве и времени : проблемы территориальной идентичности в контексте социально-экономических изменений, 2015. Н. Новгород : Деком, 2015. 344 с.
 14. Социально-психологические исследования города / отв. ред. Т. В. Дробышева, А. Л. Журавлёв. М. : Изд-во «Институт психологии РАН». 267 с.
 15. *Дубров Д. И., Татарко А. Н.* Межпоколенная трансмиссия ценностей в городской и сельской среде // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2016. Т. 13, № 2. С. 299–309. DOI: 10.17323/1813-8918-2016-2-299-309
 16. *Богомаз С. А., Литвина С. А., Четошникова Е. В.* Субъективная оценка городской среды вузовской молодежью Томска и Барнаула // Сибирский психологический журнал. 2013. № 49. С. 102–111.
 17. *Geddes S. P.* Cities in Evolution : An Introduction to the Town Planning Movement and to the Study of Civics. London : Williams & Norgate, 1915. 409 p.
 18. *Барковская А. Ю., Назарова М. П.* Стресс-факторы в социокультурном пространстве современного большого города // Известия Волгоградского государственного технического университета. Серия: Проблемы социального-гуманитарного знания. 2014. Вып. 16, № 5 (132). С. 37–42.
 19. *Емельянова Т. П.* Два города в представлениях молодежи : сравнительный анализ [Электронный ресурс] // Журнал «Знание. Понимание. Умение». 2015. № 2 (март-апрель). С. 143–161. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2015/2/Emelianova_Two-Cities-Youth-Representations/ (дата обращения: 20.05.20).
 20. *Нартова-Бочавер С. К., Хачатурова М. Р., Брагинец Е. И.* Домашняя среда и установки по отношению к семье : как они взаимосвязаны? // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2018. Т. 15, № 3. С. 542–561. DOI: 10.17323/1813-8918-2018-3-542-561
 21. *Головей Л. А., Муртазина И. Р., Стрижицкая О. Ю., Симонова Н. Н.* Различия в восприятии повседневных стрессоров у жителей Архангельска и Санкт-Петербурга // Экология человека. 2018. № 12. С. 32–38. DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-1-0-5
 22. *Мозговая А. В., Шлыкова Е. В.* Стиль жизни городской общности как ресурс адаптации к неопределенности среды // Научный результат. Социология и управление. 2019. Т. 5, № 1. С. 52–69. DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-1-0-5
 23. *Simmel G.* The metropolis and mental life // К. Н. Wolff, ed. The Sociology of Georg Simmel. New York : Free Press, 1964. P. 409–424.
 24. *Ильин Е. П.* Психофизиология состояний человека. СПб. : Питер, 2005. 411 с.
 25. *Drobysheva T., Larionov I.* Social-Psychological Satiety : Empirical Study of a New Phenomenon // Behavioral Sciences. 2019. Vol. 9, № 12. P. 138. DOI: 10.3390/bs9120138
 26. *Дробышева Т. В., Ларионов И. В.* Пресыщенность молодежи условиями проживания в мегаполисе : результаты эмпирического исследования // Институт психологии РАН. Социальная и экономическая психология. 2018. Т. 3, № 3 (11). С. 112–129.
 27. *Емельянова Т. П., Дробышева Т. В.* Комплексное исследование коллективных переживаний социальных проблем : количественные и качественно-количественные методы // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9, № 3. С. 166–175. DOI: 10.17759/sps.2018090316

Образец для цитирования:

Дробышева Т. В., Ларионов И. В., Филлипова Е. Б. Социально-психологическая пресыщенность молодежи условиями проживания в мегаполисе: концептуальный подход и результаты исследования // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2020. Т. 9, вып. 4 (36). С. 350–357. DOI: <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2020-9-4-350-357>

Young People's Social and Psychological Satiety with Life in a Megapolis: Conceptual Approach and Research Results

Tatiana V. Drobysheva, Ivan V. Larionov, Evgeniya B. Filinkova

Tatiana V. Drobysheva, <https://orcid.org/0000-0002-9578-4463>, Institute of Psychology Russian Academy of Science, 13 Yaroslavskaya St., Moscow 129366, Russia, tdrobysheva@mail.ru

Ivan V. Larionov, Institute of Psychology Russian Academy of Science, 13 Yaroslavskaya St., Moscow 129366, Russia, ivlar16@gmail.com

Evgeniya B. Filinkova, <https://orcid.org/0000-0001-9802-4497>, Moscow State Regional University, 24 Very Voloshinoy St., Mytishchi, Moscow Region 141014, Russia, jane421@yandex.ru

The relevance of the study is associated with the study of viability resources of young city dwellers in the context of growing urbanization processes. The article presents theoretical and empirical research data regarding the problem of operationalization of the phenomenon of social and psychological satiety, which is a psychological state generated by peculiarities of the urban environment. The article presents concept description, gives data on its operationalization, formulates the hypothesis and shows some results of its empirical verification. The *purpose* of the study is to identify and analyse the interconnection between emotional experiences and preferred coping strategies with the state of satiety with living conditions in a metropolis in a group of young people. The major *hypothesis* of the study involves an assumption that there is a connection between feelings of satiety caused by the intense influence of the phenomena of the urban environment on the psyche and behavior of respondents, and their preferred methods of coping with the satiety situation. The study involved 159 people aged 19 to 30 years. Research methods: questionnaires developed by the authors and aimed at studying manifestations of social and psychological satiety (T. V. Drobysheva, I. V. Larionov). The questionnaire was used to identify socio-demographic characteristics. It is shown that in the group of respondents the state of socio-psychological satiety with living conditions in a metropolis is experienced as a feeling of apathy, boredom, irritation caused by imposed contacts with strangers, advertising activities of trading companies and overpopulation of the city. These phenomena of urban life are perceived by young people as violating their psychological privacy and making them want, first of all, to leave, to change the environment or activity, to find new forms of leisure or other places to spend their free time. The results found in the work indirectly indicate the protective function of socio-psychological satiety, expressed through the desire of respondents (young city dwellers) to reduce the intensity of negative emotional experiences related to living conditions in a metropolis. The questionnaires developed by the authors in the course of the study are of practical importance for researchers of the urban environment.

Keywords: social and psychological satiety, urban environment, metropolis, components of socio-psychological satiety, social psychology of the city.

Acknowledgments: *This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project No. 20-013-00461 «The value-affective component of viability of different groups of city dwellers*

under conditions of living in “a crisis city” and “a megapolis”»).

Received: 15.07.2020 / Accepted: 07.09.2020 / Published: 21.12.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

References

1. Afanasyeva V. V., Lazerson A. G., Pozdneva S. P. *Filosofiya goroda* [Philosophy of the city]. Saratov, Izd-vo Saratovskogo un-ta, 2012. 244 p. (in Russian).
2. Kruzhkova O. V. City environmental stress: perception of reality and hypothetical assessment. In: L. A. Maksimova, total ed. *Konfliktogennost sovremennosti* [Conflict potential of our time]. Yekaterinburg, Ural. gos. ped. un-t, Institute of Psychology RAS Publ., 2014, pp. 83–101 (in Russian).
3. Zachiosova I. A. Intentional characteristics of urban environment in the megapolis. In: A. L. Zhuravlyov, V. A. Koltsova, total eds. *Fundamentalnyye i prikladnyye issledovaniya sovremennoy psikhologii: rezultaty i perspektivy razvitiya* [Fundamental and practical researches of modern psychology: results and development prospects]. Moscow, Institute of Psychology RAS Publ., 2017, pp. 1314–1320 (in Russian).
4. Zachiosova I. A. Discursive urban practices of everyday life in megapolis. In: V. V. Znakov, A. L. Zhuravlyov, total eds. *Psikhologiya cheloveka kak sub'yekta poznaniya, obshcheniya i deyatelnosti* [Psychology of a human as subject of cognition, communication and activity]. Moscow, Institut Psikhologii RANS, 2018, pp. 1803–1811 (in Russian).
5. Zachesova I. A. Everyday city discourse: intentional aspect. *BSPU Bulletin. Series 1. Pedagogic. Psychology. Philology*, 2019, no. 2 (100), pp. 74–78 (in Russian).
6. Shabayev Yu. P., Sadokhin A. P., Labunova O. V., Sazonova N. N. Anthropological understanding of the city and urban research methodology. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*, 2018, no. 3 (145), pp. 248–267 (in Russian). DOI: 10.14515/monitoring.2018.3.13
7. Torshizian E. Effects of crowding, density and deprivation on residential satisfaction (Doct. dissertation, ResearchSpace@ Auckland). 2017. 286 p. Available at <https://researchspace.auckland.ac.nz/bitstream/handle/2292/32620/whole.pdf?sequence=2> (accessed 20 May 2020).
8. Gabdulina S. E. *Psikhologiya gorodskoy sredy* [Psychology of urban environment]. Moscow, Smysl Publ., 2012. 164 p. (in Russian).
9. Drobysheva T. V., Voytenko M. Yu. Socio-Psychological Well-Being of Children in Megapolis: the Methodological Foundations of Research. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2015, vol. 4, iss. 1, pp. 21–25 (in Russian).
10. Drobysheva T. V., Voytenko M. Yu. The factors of the personality's socio-psychological well-being in the megapolis: the children's representation about city of the living. *Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences. Social and economical psychology*, 2017, vol. 2, no.1, pp. 169–189 (in Russian).

11. Kalinenko N. A., Sagnaeva A. T. Visual environment perception by the citizens of a big city as an ecological factor (by the example of Omsk). *Herald of Chelyabinsk State Pedagogical University*, 2009. № 11 (1), pp. 317–327 (in Russian).
12. Pokatilovskaya E. N., Shibaeva L. V. Image of a city of accommodation in representations of residents with different city identity. *Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences. Social and economical psychology*, 2019, vol. 4, no. 2 (14), pp. 192–209 (in Russian).
13. Radina N. K. *Gorod v prostranstve i vremeni: problemy territorialnoy identichnosti v kontekste sotsialno-ekonomicheskikh izmeneniy* [City in space and time: problems of territorial identity in context of socio-economic changes], Nizhny Novgorod, Dekom Publ., 2015, 344 p. (in Russian).
14. Drobysheva T. V., Zhuravlev A. L., total eds. *Sotsialno-psikhologicheskiye issledovaniya goroda* [Social-psychological studies of the city]. Moscow, Institute of Psychology of RAS Publ., 2016. 267 p. (in Russian).
15. Dubrov D. I., Tatarko A. N. Intergenerational value transmission in urban and rural area.. Integrational Value Transmission. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2015, vol. 13, no. 2, pp. 299–309 (in Russian). DOI: 10.17323/1813-8918-2016-2-299-309
16. Bogomaz S. A., Litvina S. A., Chetoshnikova E. V. Subjective evaluation of the urban environment of high school youth Tomsk and Barnaul. *Siberian Psychological Journal*, 2013, no. 49, pp. 102–111 (in Russian).
17. Geddes S. P. *Cities in Evolution: An Introduction to the Town Planning Movement and to the Study of Civics*. London, Williams & Norgate, 1915. 409 p.
18. Barkovskaya A. Yu., Nazarova M. P. Stress factors in the sociocultural space of a modern metropolitan city. *Izvestia Volgograd State Technical University. Series: Problems of Social and Humanitarian Knowledge*. 2014, iss. 16, no. 5 (132), pp. 37–42 (in Russian).
19. Emelianova T. P. Two Cities in Representations the Youth: a Comparative Analysis. “Knowledge. Understanding. Skill” Journal, 2015, no. 2 (March-April), pp. 143–161. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2015/2/Emelianova_Two-Cities-Youth-Representations/ (accessed 20 May 2020). (in Russian).
20. Nartova-Bochaver S. K., Khachaturova M. R., Braginetts E. I. Home environment and family attitudes: how do they interrelate? *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2018, vol. 15, no. 3, pp. 542–561 (in Russian). DOI: 10.17323/1813-8918-2018-3-542-561
21. Golovey L. A., Murtazina I. R., Strizhitskaya O. Yu., Simonova N. N. Differences in perception of daily stressors among residents of Arkhangelsk and Saint-Petersburg. *Human ecology*, 2018, no. 12, pp. 32–38 (in Russian). DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-1-0-5
22. Mozgovaya A. V., Shlykova E. V. Urban community lifestyle as a resource for adaptation of the environment. *Research result. Sociology and management*, 2019, vol. 5, no. 1, pp. 52–69 (in Russian). DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-1-0-5
23. Simmel G. The metropolis and mental life. In: K. H. Wolff, ed. *The Sociology of Georg Simmel*. New York, Free Press, 1964, pp. 409–424.
24. Iliin E. P. *Psikhoфизиология sostoyaniy cheloveka* [Psychophysiology of human conditions]. St. Petersburg, Piter Publ., 2005. 411 p. (in Russian).
25. Drobysheva T., Larionov I. Social-Psychological Satiety: Empirical Study of a New Phenomenon. *Behavioral Sciences*, 2019, vol. 9, no. 12, p. 138 (in Russian). DOI: 10.3390/bs9120138
26. Drobysheva T. V., Larionov I. V. The satiety of young people with the living conditions in the megapolis: results of the empirical study. *Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences. Social and economical psychology*, 2018, vol. 3, no. 3 (11), pp. 112–129 (in Russian).
27. Emelyanova T. P., Drobysheva T. V. Integrated research of collective feelings for social problems: quantitative and qualitative-quantitative methods. *Social Psychology and Society*, 2018, vol. 9, № 3, pp. 166–175 (in Russian). DOI: 10.17759/sps.2018090316.

Cite this article as:

Tatiana V. Drobysheva, Ivan V. Larionov, Evgeniya B. Filinkova. Young People’s Social and Psychological Satiety with Life in a Megapolis: Conceptual Approach and Research Results. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2020, vol. 9, iss. 4 (36), pp. 350–357 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2020-9-4-350-357>

УДК 316.6

Представления смоленских студентов о мотивах эмиграции современной российской молодежи

В. В. Гриценко, Н. В. Муращенкова, М. Н. Ефременкова

Гриценко Валентина Васильевна, доктор психологических наук, профессор, кафедра этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, Московский государственный психолого-педагогический университет, gritsenko2006@yandex.ru

Муращенкова Надежда Викторовна, кандидат психологических наук, доцент, кафедра общей психологии, Смоленский государственный университет, ncel@yandex.ru

Ефременкова Мария Николаевна, аспирант, кафедра этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, Московский государственный психолого-педагогический университет, mnetema@yandex.ru

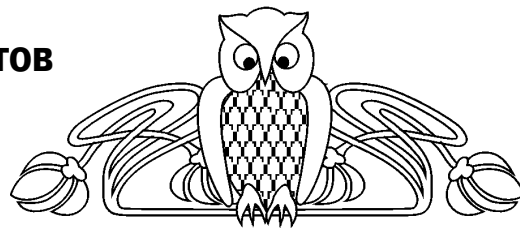
Изучение эмиграционных намерений студенческой молодежи является чрезвычайно актуальным и обусловлено необходимостью решения важной социальной задачи – сохранения человеческого капитала внутри страны, заботы о благополучии молодежи как наиболее активной и образованной части населения. Цель исследования – выявление представлений студентов-смолян о мотивах эмиграции российской молодежи. Исследование носит поисковый характер и ориентировано на поиск ответа на следующую *проблемный вопрос*: каково содержание мотивов эмиграционного поведения современной российской молодежи? Анализ представления студентов об эмиграционных мотивах сверстников, с одной стороны, позволяет оценить степень комфортности, безопасности, удовлетворенности средой проживания в стране, а с другой – учитывая высокую вероятность проявления при ответах механизма переноса и проекции, косвенно определить доминирующие мотивы потенциальной эмиграции самих студентов. Исследование выполнено на выборке (N = 255) студентов четырех смоленских вузов (в возрасте от 17 до 24 лет; 119 юношей (47%) и 136 девушек (53%)) с применением авторской анкеты. Методы обработки первичных данных – частотный и контент-анализ. В результате контент-анализа представления студентов о мотивах эмиграционного поведения российской молодежи выделены 6 ведущих групп мотивов, в основе которых лежат факторы экономические, политические, правовые, природно-экологические, субъектные и жизненные. Данные побудители проанализированы с позиции принадлежности к притягивающим, выталкивающим и индивидуально-личностным мотивам эмиграции. Полученные результаты будут способствовать расширению понимания специалистами психологических причин миграционного поведения молодежи и могут быть использованы в процессе оказания психологической помощи и поддержки потенциальным мигрантам.

Ключевые слова: эмиграция, мотивы эмиграции, эмиграционные намерения, представления молодежи.

Поступила в редакцию: 22.04.2020 / Принята: 25.06. 2020 / Опубликована: 21.12.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2020-9-4-358-366>

Постановка проблемы

В настоящее время миграция молодого трудоспособного населения из России является одной из наиболее острых проблем. К примеру, только в течение 2011–2014 гг., согласно оценкам О. Д. Воробьевой и А. А. Гребенюка, а также А. А. Байкова с соавт., в эмиграционный поток было вовлечено свыше 300 000 человек, значительную часть которых составили молодые квалифицированные специалисты с высшим образованием [1, 2]. По данным Росстата, наибольшее количество эмигрантов – это выпускники программ бакалавриата и магистратуры российских вузов в возрасте 20–29 лет. Их доля в общем международном эмиграционном потоке по состоянию на 2018 г. составила 30% (1 121 319 человек) [3].

Более того, согласно данным опросов Левада-Центра, в последние годы наблюдается рост эмиграционных настроений среди российской молодежи – 53% опрошенных молодых людей в возрасте 18–24 лет хотели бы уехать из страны [4].

Учитывая деструктивный характер вышеописанных явлений, которые негативно влияют и на имидж страны, и на качество трудового потенциала, особенно в российских регионах, и на национальную экономику в целом [5–7], необходимо разобраться в мотивах эмиграционного поведения молодежи с целью обоснования стратегических управленческих решений относительно оздоровления сложившейся ситуации.

Исследовательский вопрос был сформулирован следующим образом: каково содержание мотивов эмиграционного поведения современной российской молодежи?

В статье предпринята попытка ответить на данный вопрос путем анализа результатов эмпирического исследования представлений студентов г. Смоленска о мотивах эмиграции российской молодежи. Анализ представления студентов об эмиграционных мотивах сверстников, с одной стороны, позволит оценить степень комфортности, безопасности, удовлетворенности средой проживания в стране по представлениям российских студентов, а с другой – учитывая высокую вероятность проявления при ответах респондентов на вопросы анкеты механизма переноса и проекции, выявить не только представление студентов об эмиграционных мотивах сверстников, но и косвенно определить доминирующие мотивы потенциальной эмиграции самих респондентов. Выбор

смолян в качестве участников данного исследования неслучаен и обусловлен приграничным положением Смоленской области, близостью к странам Европейского союза, низкими показателями социально-экономического развития области [8]. Все это позволяет с высокой долей вероятности предположить выраженность эмиграционных намерений среди студенческой молодежи Смоленска и наличие дискурса относительно побудительных мотивов потенциальной эмиграции.

Теоретическое обоснование проблемы исследования

Проблема мотивации эмиграции не нова. На протяжении многих лет исследователи стремятся раскрыть характер мотивов, которыми руководствуются квалифицированные специалисты при принятии решения об эмиграции. Заметим, что под мотивом, как правило, понимается «идеальный или материальный предмет, достижение которого выступает смыслом деятельности. Человеку он представляется в форме специфических переживаний, которые могут характеризоваться положительными эмоциями от достижения этого предмета или же отрицательными, связанными с неудовлетворенностью в настоящем положении» [9].

Исследователи, как правило, анализируют мотивы в зависимости от их происхождения: экономические, политические, этнические, правовые, культурно-религиозные, психологические, эколого-климатические и др. При этом подчеркивается, что как и любое иное, эмиграционное поведение является полимотивированным, т. е. определяется не одним, а несколькими мотивами, среди которых есть стержневые, или центральные, и второстепенные. Отмечается также, что набор мотивов эмиграции, как правило, невелик [10]. Однако, несмотря на некоторую его ограниченность и постоянство, которое сохраняется на протяжении многих лет, исследователи все же указывают на существование различий в иерархической структуре эмиграционных мотивов у представителей разных социальных групп [11, 12].

Согласно теории притяжения-выталкивания (pull-push theory) Эверета Ли [13], на индивида в стране выбытия влияют в первую очередь две большие группы факторов – позитивные и негативные или притягивающие и выталкивающие. Между позитивными и негативными выделена группа промежуточных, препятствующих факторов, связанных с оценкой степени выраженности возможных объективных трудностей предстоящей эмиграции. Еще одну особую группу факторов, оказывающих влияние на принятие решения об эмиграции, составляют субъектные характеристики и жизненная ситуация самого человека [13].

Опираясь на теорию притяжения-выталкивания Эверета Ли, можно выделить следующие группы эмиграционных мотивов: притягивающие,

выталкивающие, промежуточные и индивидуально-личностные. В основе мотивов, выталкивающих индивида из страны, лежат факторы, которые делают страну происхождения малопривлекательной для него: низкий уровень зарплаты и качества жизни, отсутствие возможностей для карьерного роста и самореализации, коррупция, бюрократия, отсутствие свободы слова и др. [14, 15]. В основе мотивов, притягивающих в другие страны, лежат факторы, привлекательные для индивида, которые часто являются противоположными выталкивающим, – высокий уровень зарплаты и качества жизни в новой стране, наличие перспектив для профессионального роста и самореализации, демократичная социально-экономическая обстановка и т. п. [14, 16, 17]. При этом выталкивающие мотивы выступают в качестве исходной движущей силы для принятия положительного решения о миграции, а притягивающие – в качестве детерминант выбора конкретной страны желаемой миграции [18].

Основу промежуточных мотивов могут составлять анализ и оценка расстояния между страной отбытия и страной прибытия, оценка степени открытости / закрытости границ между странами, стоимости жизни в стране предполагаемого пребывания и т. п. Индивидуально-личностные мотивы, побуждающие к эмиграции, обусловлены наличием у индивида определенных психологических характеристик (стремление к достижениям, склонность к риску, жажда приключений, ориентация на индивидуалистические и гедонистические ценности и др.), а также личных жизненных обстоятельств, способствующих или препятствующих переезду на новое место жительства (воссоединение / расставание с семьей, замужество / женитьба, проблемы со здоровьем и др.) [19–21].

С психологической точки зрения особый интерес представляет подход к изучению мотивов эмиграции Ш. Шварца и Е. Тартаковского. По мнению авторов, мотивация эмиграции тесно связана со структурной теорией основных человеческих ценностей [22]. При этом Ш. Шварц и Е. Тартаковский теоретически выделили четыре группы мотивов в зависимости от ценностей индивида, ориентация на которые и выступает важной побудительной силой к смене страны проживания: 1) сохранение (физическая, социальная и психологическая безопасность для себя и семьи); 2) саморазвитие (личностный рост, развитие способностей, приобретение новых знаний и навыков); 3) материализм (финансовое благополучие, богатство, контроль физических ресурсов) и 4) идеализм (самотрансцендентность, или самопреодоление, справедливость, мессианство) [23].

Учет концептуальных положений теории притяжения-выталкивания Э. Ли и теории мотивации эмиграции Е. Тартаковского и Ш. Шварца позволит выявить содержание притягивающих, выталкивающих, индивидуально-личностных

мотивов эмиграционного поведения современной российской молодежи в контексте ценностных ориентаций личности.

Цель исследования, представленного в статье, – выявить содержание мотивов эмиграции российской молодежи, опираясь на представления студентов региональных вузов РФ (на примере г. Смоленска).

Материалы и методы

Выборка. В исследовании приняли участие 255 студентов четырех смоленских вузов (Смоленский государственный медицинский университет, Смоленский государственный университет, Национальный исследовательский университет МЭИ (филиал) в г. Смоленске, Смоленская государственная академия физической культуры, спорта и туризма) в возрасте от 17 до 24 лет (средний возраст – 19 лет). Из них 119 юношей (47%) и 136 девушек (53%). Большинство студентов (86,3%) идентифицировали себя как представители русского этноса.

Методики. Применена авторская анкета, направленная на выявление содержания мотивов эмиграции российской молодежи (В. В. Гриценко, Н. В. Муращенкова, М. Н. Ефременкова). Первый (закрытый) вопрос направлен на выявление у студентов наличия желания эмигрировать из России («Хотите ли Вы сейчас эмигрировать из России?», шкала от 1 – «однозначно нет» до 6 – «однозначно да»). Второй (открытый) вопрос предполагает выявление представления студентов о мотивах эмиграции российской молодежи в целом («Как Вы думаете, почему некоторые молодые люди принимают решение переехать из России в другую страну на постоянное место жительства? Запишите наиболее значимые, на Ваш взгляд, причины для эмиграции молодежи из современной России»). Данный вопрос является проективным, т. е. ответы на него отражают в том числе и содержание собственных причин возможной эмиграции студентов г. Смоленска. Третий (открытый) вопрос выявляет направления предполагаемой или желаемой эмиграции («Представьте, что у Вас появилась возможность переехать жить в любую страну, куда захотите. В какую страну Вы бы отправились? (укажите)»).

Методы. В качестве методов обработки результатов исследования использовались методы частотного и контент-анализа.

Результаты исследования и их обсуждение

Как показало распределение ответов смоленских студентов на вопрос «Хотите ли Вы сейчас эмигрировать из России?», 133 человека, или 52,16% опрошенных, рассматривают эмиграцию как желательный для себя вид поведения. Эти данные совпадают с данными опроса Левада-Центра,

проведенного в сентябре 2019 г., согласно которым 53% россиян в возрасте 18–24 лет хотят уехать за границу на постоянное место жительства [4]. Полученные результаты о наличии более чем у половины опрошенных студентов смоленских вузов желания эмигрировать из страны соотносятся с данными других исследователей о том, что уровень эмиграционных настроений среди российской молодежи на протяжении последних пяти лет остается достаточно высоким [24–26].

Отвечая на вопрос «Представьте, что у Вас появилась возможность переехать жить в любую страну, куда захотите. В какую страну Вы бы отправились?», всего респонденты указали 391 страну, в отдельных случаях отмечая несколько стран одного географического направления. Относительно направления желаемого переезда ответы респондентов распределились следующим образом: 62% студентов-смолян назвали европейские страны, 20% выбрали северо-американское направление (США и Канаду), 9% указали восточное направление эмиграции (Япония, Корея), а 7% ответили, что не хотели бы никуда переезжать. Доминирующими ответами при указании европейских стран стали следующие: Германия (24%, 41 выбор), Испания (15%, 16 выборов) и Италия (10%, 12 выборов). Наряду с этим назывались также Чехия, Франция, Швеция, Великобритания, Норвегия, Нидерланды. Стоит отметить, что географические эмиграционные предпочтения студентов-смолян соответствуют общим тенденциям выбора направлений реальной эмиграции российской молодежью (согласно данным социологических исследований) [1].

Рассмотрим **представление** студентов о мотивах эмиграции современной российской молодежи. На вопрос о наиболее значимых, по мнению студентов, причинах эмиграции молодежи из современной России было получено 837 ответов, что в среднем составляет 3,28 элемента на респондента (все респонденты так или иначе ответили на поставленный вопрос). Полученные ответы были объединены в 6 смысловых групп и проанализированы с позиции принадлежности к притягивающим, выталкивающим или индивидуально-личностным мотивам эмиграции (таблица). Промежуточных мотивов, которые могли бы участвовать в формировании эмиграционных намерений молодежи, в ответах респондентов выявлено не было.

Обратимся к рассмотрению названных респондентами **«выталкивающих» мотивов** эмиграции. Согласно полученным результатам, доминирующее положение занимают мотивы, которые можно отнести к группе **социально-экономических**, связанных с неблагоприятными оценками нынешнего социально-экономического положения в стране (28,0% общего числа ответов). Чаще всего студенты указывают *«нестабильную экономику»*, *«социально-экономический спад»*, *«плохую экономическую политику государства»*,

Распределение ответов респондентов о предполагаемых мотивах эмиграции современной российской молодежи, %

Distribution of respondents' answers about alleged motives for emigration of modern Russian young people, %

Группа эмиграционных мотивов	Выталкивающие из страны		Притягивающие в другие страны		Индивидуально-личностные	
	Кол-во ответов	%	Кол-во ответов	%	Кол-во ответов	%
Социально-экономические	234	28,0	265	31,7	–	–
Политические	130	15,5	10	1,2	–	–
Правовые	64	7,6	29	3,5	–	–
Природно-экологические	7	0,8	11	1,3	–	–
Субъектные	–	–	–	–	69	8,2
Жизненные	–	–	–	–	18	2,2
Всего (837 ответов)	435	51,9	315	37,7	87	10,4

«рост цен на товары, услуги, топливо, ЖКХ» и т. д. (30,3% всех ответов в группе «социально-экономических» мотивов). Многие в качестве причин эмиграции молодежи называют «*низкие доходы населения*», «*низкий прожиточный минимум*», «*маленькую зарплату и пенсию*» и т. п. (17,5%). Неудовлетворенность экономической ситуацией сопровождается негативными оценками уровня жизни населения страны в целом и в отдельных сферах жизнедеятельности в частности. Отмечается неудовлетворенность системой здравоохранения («*не развита система здравоохранения*», «*низкий уровень медицины*», «*в сфере здравоохранения недостаточно квалифицированных специалистов*», «*нет достойного лечения различных тяжелых заболеваний*», «*отсутствие доступной и качественной медицины*» и т. п. (5,6%)) и сферой образования («*низкий уровень образования*», «*отсутствие получения знаний на том уровне, на котором хотелось бы*», «*недостаточно квалифицированных специалистов в сфере образования*», «*с образованием в стране плохо*» и т. п. (7,3%)). Значительная часть ответов связана с указанием на проблемы в сфере трудоустройства молодежи («*нет работы*», «*отсутствие рабочих мест*», «*нет возможности работать по профессии*», «*миллионы людей у нас в стране работают не по специальности*», «*тяжело найти достойную работу*», «*при устройстве на работу очень многое решают родственные связи и знакомства*» и т. д. (10,7%)). Интересна также выявленная подгруппа мотивов, условно названная нами «отсутствие перспектив развития в стране» и отнесенная к группе социально-экономических мотивов эмиграции («*низкие перспективы развития*», «*люди устали жить в стране без экономического, технологического, социального прогресса*», «*отсутствие развития (стагнация)*», «*Россия – это уже не та великая Держава, что была раньше*», «*в России нет места для развития*», «*у молодежи нет возможностей для саморазвития в этой стране*» и т. п. (28,6%)).

Второе место в иерархии «выталкивающих» мотивов эмиграции молодежи (по представлениям

студентов) занимают те, которые отражают недовольство *политической ситуацией в стране* (15,5% общего числа ответов). Относительно политической ситуации в стране в целом респонденты часто дают следующие ответы: «*политический застой*», «*беззаконие власти*», «*несостоятельность правящей политической партии в России*», «*подорванное доверие к власти*», «*не устраивает внутренняя политика*», «*сомнения в компетентности властей*», «*несменяемость власти*» и др. (48,5% всех ответов в группе «политических» мотивов). Значимым «выталкивающим» политическим мотивом эмиграции молодежи, по представлениям студентов, является также высокий уровень коррупции в стране («*везде коррупция, с которой якобы позитивно борются, но на деле это абсолютно не так*», «*много коррупции*», «*сильно коррумпированная судебная система*», «*коррупционность законодательной и исполнительной власти*», «*воровство депутатов*» и т. п. (13,8%)). Многие студенты сомневаются в эффективности государственной социальной политики в России («*низкие социальные гарантии*», «*низкое социальное обеспечение*», «*отсутствие поддержки населения со стороны государства*» и т. п. (15,2%)). Пишут также о социальной несправедливости и безразличии власти («*абсолютное безразличие к нуждам народа*», «*Россия не заботится о своих гражданах*», «*наше правительство помогает всем, кроме своего народа*», «*народ просто игнорируют*», «*плохое отношение государства к народу, т. к. принимается большое количество антинародных законов*», «*к людям относятся как к мусору, много несправедливости, социальное неравенство*» и др. (12,2%)), сетуют на отсутствие поддержки и должного уважения к интересам молодого поколения страны («*молодежь в России не уважают, даже работу найти сложно*», «*отсутствие интереса со стороны государственной власти и структур в понимании интересов молодежи*», «*отсутствие в стране профессиональной ориентации молодежи, что влечет за собой отсутствие мотивации и функционирования молодежи в целом*» и др. (10,3%)).

Правовые мотивы эмиграции занимают в выделенной иерархии третье место (7,6% общего числа ответов) и отражают недовольство молодежи правовой системой страны, отказ мириться со случаями несоблюдения законов со стороны государственных исполнительных и судебных органов («в России избирательное отношение к закону: могут посадить за стаканчик на 3 года, а могут отпустить за украденные 1,5 млрд руб.», «неадекватное функционирование правоохранительных органов», «в России все чаще царит беззаконие, многие виновные люди до сих пор не наказаны по всей строгости закона из-за того, что большая часть судей и властей подкупные», «беззаконие со стороны власти, беззаконие со стороны полиции, несправедливость судов» и др. (46,9% всех ответов в группе «правовых» мотивов)). Вместе с тем в ответах студенты указывают на беспокойство относительно правовой небезопасности среды («“скрытый” тотальный контроль за гражданами и навязывание мнения властей гражданам», «государство следит за всем», «тотальная слежка за людьми» и др. (30,1%)), относительно цензуры и ограничения свободы слова, мысли («в стране нет свободы слова, мысли», «нет возможности открыто излагать свои мысли (цензура)», «невозможность открыто говорить о том, что считаешь нужным», «несвобода, цензура во всех СМИ», «обычным людям не рассказывают, что происходит на самом деле», «ложь по телевизору», «очень сильная пропаганда по ТВ» и др. (23%)).

Мотивы эмиграции, отражающие недовольство молодежи **природно-климатическими условиями**, также звучали в ответах респондентов («не устраивает климат», «плохая погода», «недовольство климатическими условиями», «экологические проблемы», «плохая экологическая среда» и т. п.), однако их число было значительно ниже (0,8% общего числа ответов), нежели количество названных «выталкивающими» мотивов, связанных с недовольством социально-экономической (28,0%), политической (15,5%) и правовой (7,6%) сферами жизни.

Таким образом, в представлениях студенчества наиболее мощными «выталкивающими» эмиграционными факторами для молодежи являются те, которые актуализируют тревогу и опасения относительно собственного социально-экономического положения в стране, невозможности получения качественных медицинских и образовательных услуг, сложившейся политической ситуации, проявлений коррупции, отсутствия перспектив профессионального развития и трудоустройства, правовой небезопасности среды, сложностей в реализации прав на свободу мысли и слова. Эти результаты пересекаются с данными нашего исследования, в котором выявлено, что выраженные эмиграционные намерения характерны для студентов, имеющих опасения относительно возможности эффективного трудоустройства в

России и высокой вероятности проявления расовой и этнической дискриминации в условиях страны [27].

Обратимся к рассмотрению **«притягивающих»** мотивов эмиграции молодежи – того, ради чего молодые люди хотят переехать в другую страну (по представлениям студентов). Согласно полученным результатам, содержательно «притягивающие» факторы включают те же группы мотивов, что и «выталкивающие», однако иерархическое расположение их несколько различается. Доминирующее положение также занимают **социально-экономические мотивы** (31,7% общего числа ответов): «лучше материальное положение», «лучше экономика», «экономическое положение страны и экономическое положение гражданина в стране», «больше возможности получить высокооплачиваемую работу с ответственным руководством», «достойный для жизни уровень заработной платы за рубежом» и т. п. (28,7% всех ответов в группе «социально-экономических» мотивов). Большое внимание респонденты уделяют уровню жизни в предполагаемой стране вселения («более высокое качество жизни», «лучшие условия жизни, даже в провинциальных городах», «более высокий уровень комфорта жизни», «условия жизни в Европе и Америке лучше», «комфортное проживание», «ниже налоги» (19,2%)). В качестве «притягивающих» мотивов отмечается также уровень здравоохранения и социальной сферы за рубежом («высокий уровень развития науки, медицины, сферы культуры», «хорошая медицина, в Германии», «в Израиле делают дорогостоящие операции, которых не делают в России», «финансовое подкрепление науки», «более развитые технологии», «хорошая инфраструктура», «качественные дороги» и др. (7,9%)). Особо выражен в студенческой среде дискурс относительно различий в уровне и качестве образования в России и за рубежом, как «притягивающих» мотивов эмиграции молодежи («международный диплом признают во всех странах мира», «желание получить более востребованное образование», «люди хотят совершенствоваться в плане знаний, дешевле и легче образование», «интереснее учеба и обстановка, получение отличного образования», «учеба за границей дает хорошее будущее», «получить не диплом российского образования, который не сильно важен при получении работы (не имеет веса в целом), а получить заграничное образование, которое дает возможность стать тем, кем ты хотел стать», «образование качественнее и ориентировано на практическую деятельность» и т. п. (12,5%)).

Была выделена также подгруппа «притягивающих» мотивов «наличие перспектив развития в стране», обратная «выталкивающим» мотивам из блока «отсутствие перспектив развития в стране», описанным ранее. Встречались следующие ответы: «за границей больше возможностей для са-

мывыражения», «другие возможности в работе, в успехе в той стране, куда переехал», «большие возможностей и спокойствие в другой стране», «возможности жизни в Европе и Америке больше», «большие возможностей в плане работы, учебы и развлечений, возможности показать себя и свои способности», «большие перспектив» и т. п. (31,7%).

Далее в иерархии «притягивающих» эмиграционных мотивов (по представлениям студентов) места распределились следующим образом: второе место по частоте встречаемости заняли правовые (3,5%), третье – природно-климатические (1,3%), а четвертое – политические мотивы (1,2%).

Среди **правовых** мотивов особо значимы соблюдение прав и свобод, равенство, толерантное отношение к другой точке зрения, реализация права на поддержку и защиту личности со стороны государства («свобода, равенство и толерантность в странах Европы», «свобода выражения мыслей, слова, личности», «не бояться высказывать свое мнение», «больше прав», «защита граждан», «закон о домашнем насилии», «более либеральные взгляды на жизнь», «хорошее отношение к людям другой национальности, ориентации и др.», «толерантное отношение к людям», «толерантность по отношению к нестандартным группам в обществе», «другие законы, другие правила, которые подходят людям» и т. п.).

Природно-экологические «притягивающие» мотивы были представлены такими ответами респондентов: «меньшая загрязненность окружающей среды», «чистота окружающей среды», «климат более подходящий», «более благоприятный климат в некоторых странах» и т. п.

Политические мотивы эмиграции отражались в ответах такого типа: «удовлетворенность политическим устройством других стран», «адекватность правительства», «человечная социальная политика» и др.

Таким образом, в представлениях студентов среди «притягивающих» эмиграционных мотивов молодежи, также как и среди «выталкивающих», доминирующими являются мотивы, обусловленные оценкой социально-экономической ситуации в странах предполагаемого поселения, а также мотивы, отражающие особенности правовой системы этих стран, их политического устройства, природно-климатических условий.

Отдельную группу (по представлениям студентов), наряду с «выталкивающими» и «притягивающими», составили так называемые **индивидуально-личностные побудители эмиграции** (10,4% от общего числа всех ответов), обусловленные наличием у молодых людей определенных **субъектных** характеристик, в частности, стремление к лучшему, познание нового / неизведанного, реализация себя, своих идей, желаний («поиск лучшей жизни», «желание большего», «желание получить больше возможностей для самореализации», «желание реализовать свои

идеи, мечты, проявить себя», «поиск новых впечатлений», «желание найти что-то новое», «желание посмотреть мир», «желание кардинально изменить обстановку», «желание перемен, нового опыта», «любопытство и любознательность» и т. д. (79,3% всех ответов в данной группе мотивов), а также **жизненных** обстоятельств (20,7%) («переезжают к родственникам», «замужество с иностранными гражданами», «воссоединение с семьей», «нашли своего человека для создания семьи», «по семейным обстоятельствам», «имеют другую национальность, несмотря на то, что родились и жили в России, едут к истокам», «по состоянию здоровья», «проблемы в жизни» и др.).

Опираясь на теорию мотивации эмиграции Е. Тартаковского и Ш. Шварца, мы можем сказать, что основными побудительными силами, как выталкивающими молодых людей из страны, так и притягивающими их в другие страны, по представлениям студентов г. Смоленска, выступают ценности материального благополучия, комфорта и ценности сохранения и безопасности. Наряду с этим достаточно важной мотивационной силой к смене страны проживания для российской молодежи, по мнению студентов-смолян, выступает ориентация на ценности саморазвития и личностного роста.

Таким образом, результаты проведенного исследования позволяют сделать следующие **выводы**:

– эмиграционные настроения в среде студенческой молодежи г. Смоленска являются довольно распространенным явлением, что требует пристального внимания к данной проблеме ученых и специалистов, работающих с молодежью, и свидетельствует об актуальности и значимости разработки специальных мер профилактики эмиграционного поведения молодежи с целью сохранения человеческого капитала на уровне страны;

– полученные данные позволяют сделать вывод о низкой степени удовлетворенности студенчеством теми условиями среды существования в России, в которых они находятся. Наибольшее беспокойство у молодежи вызывают социально-экономические, политические и правовые аспекты жизни в современной России. В свою очередь именно эти условия, по мнению студентов, определяют ведущие эмиграционные мотивы современной молодежи;

– в представлениях смоленских студентов эмиграционное поведение российской молодежи является полимотивированным и может быть детерминировано не только внешними факторами окружающей среды (как страны исхода, так и стран предполагаемого поселения), но и внутренними психологическими свойствами личности и складывающимися наличными жизненными обстоятельствами. Это подтверждает актуальность не только глубокого изучения внешних (экономических, политических, природных и т. п.) причин эмиграционного поведения, но и опреде-

ления внутренних социально-психологических детерминант формирования эмиграционных намерений молодежи.

Благодарности и финансирование: *Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-013-00156 «Социально-психологическое пространство эмиграционных намерений молодежи: кросс-культурный анализ»).*

Библиографический список

1. Воробьева О. Д., Гребенюк А. А. Сравнительный анализ отечественной и зарубежной статистической информации об эмиграции граждан России // Вопросы статистики. 2017. Т. 1, № 9. С. 64–73.
2. Байков А. А., Лукьянец А. С., Письменная Е. Е., Ростовская Т. К., Рязанцев С. В. Эмиграция молодежи из России : масштабы, каналы, последствия // Социологические исследования. 2018. № 11. С. 75–84. DOI: 10.31857/S013216250002787-8
3. Росстат. 2019. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2018 году [Электронный ресурс]. URL: https://www.gks.ru/bgd/regl/b19_107/Main.htm (дата обращения: 27.04.2020).
4. Гончаров С., Волков Д. Эмиграционные настроения [Электронный ресурс]. URL: <https://www.levada.ru/2019/11/26/emigratsionnye-nastroeniya-4/> (дата обращения: 07.03.2020).
5. Масленников В. В., Линников А. С., Масленников О. В. Оценка потерь российской экономики от миграции населения в другие страны // Финансы : теория и практика. 2018. Т. 22, № 2. С. 54–65. DOI: 10.26794/2587-5671-2018-22-2-54-65
6. Khilyi S. E., Tarique I., Schuler R. S. Incorporating the macro view in global talent management // Human Resource Management Review. 2015. Vol. 25, no. 3. P. 236–248. DOI: 10.1016/j.hrmr.2015.04.001
7. Mandelman F. S., Zlate A. Economic aspects of international labor migration // International Finance. 2017. Vol. 20, no. 1. P. 100–112. DOI: 10.1111/infi.12105
8. О социально-экономическом положении Смоленской области в январе–ноябре 2019 года : доклад. Смоленск : Смоленскстат, 2019. 51 с. [Электронный ресурс]. URL: https://sml.gks.ru/storsge/mediabank/dokl_11sayt.pdf (дата обращения: 11.03.2020).
9. Глоссарий психологических терминов / под ред. Н. Губина. М. : Наука, 1999. 302 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.psyoffice.ru/6-7-motiv.htm> (дата обращения: 07.03.2020).
10. Савоскул М. С. Эмиграция из России в страны дальнего зарубежья в конце XX – начале XXI века // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2016. № 2. С. 44–53.
11. Ушкалов И. Г., Малаха И. А. Утечка умов : масштабы, причины, последствия. М. : Эдиториал УРСС, 2016. 178 с.
12. Шагалкина М. В., Латуха М. О. Мицкевич Е. А., Строгачева Е. В. Факторы миграционных намерений талантливых выпускников ведущих вузов России // Российский журнал менеджмента. 2019. Т. 17, № 4. С. 445–466. DOI: 10.21638/spbu18.2019.402
13. Lee E. A. Theory of Migration // Demography. 1966. Vol. 3, no. 1. P. 47–57.
14. Рязанцев С., Письменная Е., Лукьянец А., Сивоплясова С., Храмова М. Современная эмиграция из России и формирование русскоговорящих сообществ за рубежом // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62, № 6. С. 93–107. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-6-93-107
15. The Global Coalition against Corruption // Transparency International. National Integrity System Assessment. Albania, 2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.transparency.org/whatwedo/nis> (дата обращения: 07.03.2020).
16. Вартамян А. А. Международная образовательная миграция : региональный аспект // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60, № 2. С. 113–121.
17. Papademetriou D. G., Sumption M. Attracting and Selecting from the Global Talent Pool – Policy Challenges. Washington : D. C. Migration Policy Institute, 2013. 17 p.
18. Van Hear N., Bakewell O., Long K. Pushpull plus: Reconsidering the drivers of migration // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2017. Vol. 44, iss. 6. P. 927–944. DOI: 10.1080/1369183X.2017.1384135
19. Mueller C. F. The economics of labor migration : a behavioral analysis. New York : Academic Press, 1982. 199 p.
20. Бражник Ю. В., Гриценко В. В., Ефременкова М. Н., Ковалева Ю. В., Катровский А. П., Муращенкова Н. В., Смотров Т. Н. Свои или чужие : социально-психологическая адаптация соотечественников в России. Смоленск : Смоленский гуманитарный университет, 2017. 252 с.
21. Фролова С. В. Приверженность своей стране в преломлении жизненных ценностей личности // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2015. Т. 15, вып. 3. С. 91–95.
22. Schwartz S. Universals in the Content and Structure of Values : Theory and Empirical Tests in 20 Countries // Zanna M., ed. Advances in Experimental Social Psychology. San Diego : Academic Press, 1992. Vol. 25. P. 1–65.
23. Tartakovsky E., Schwartz Sh. H. Motivation for emigration, values, wellbeing, and identification among young Russian Jews // International Journal of Psychology. 2001, Vol. 36, iss. 2. P. 88–99. DOI: 10.1080/00207590042000100
24. Варшавская Е. Я., Чудиновских О. С. Миграционные планы выпускников региональных вузов России // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2014. № 3. С. 36–58.
25. Иванова Е. И. Миграционные намерения современных поколений россиян : новая волна миграции // Проблемы прогнозирования. 2017. № 3. С. 106–118.
26. Флоринская Ю. Ф., Карачурина Л. Б. Новая волна интеллектуальной эмиграции из России : мотивы, каналы и механизмы // Мониторинг общественного мнения : экономические и социальные перемены. 2018. № 6 (148), С. 183–200. DOI: 10.14515/monitoring.2018.6.09

27. Мураценкова Н. В., Гриценко В. В., Ефременкова М. Н. Опасения и страхи как предикторы эмиграционных намерений студентов // Социально-психологическая

адаптация мигрантов в современном мире : материалы 5-й междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. В. В. Константинов. М. : Перо, 2020. С. 307–314.

Образец для цитирования:

Гриценко В. В., Мураценкова Н. В., Ефременкова М. Н. Представления смоленских студентов о мотивах эмиграции современной российской молодежи // Изв. Саратовского университета. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2020. Т. 9, вып. 4 (36). С. 358–366. DOI: <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2020-9-4-358-366>

Representation of the Motives of Emigration of Modern Russian Youth among Smolensk Students

Valentina V. Gritsenko, Nadezhda V. Murashchenkova, Maria N. Efremenkova

Valentina V. Gritsenko, <https://orcid.org/0000-0002-7543-5709>, Moscow State University of Psychology and Education, 29 Sretenka St., Moscow 127051, Russia, [gritlenko2006@yandex.ru](mailto:gritsenko2006@yandex.ru)

Nadezhda V. Murashchenkova, <https://orcid.org/0000-0002-0793-3490>, Smolensk State University, 4 Przhevalsky St., Smolensk 214000, Russia, ncel@yandex.ru

Maria N. Efremenkova, <https://orcid.org/0000-0002-0201-5340>, Moscow State University of Psychology and Education, 29 Sretenka St., Moscow 127051, Russia, mnemema@yandex.ru

The study of emigration intentions of young students is extremely relevant and is due to the need to solve an important social problem – preservation of human capital within the country, concern for the well-being of young people as the most active and educated part of the population. *The purpose of the study* is to identify the representation of Smolensk students if the motives of emigration among Russian young people. The study is exploratory in nature and is focused on finding the answer to the following *question*: what are the motives for emigration behavior of modern Russian youth? The analysis of students' perceptions of emigration motives of their peers, on the one hand, allows us to assess the degree of comfort, safety and satisfaction of living environment in the country and, on the other hand, given the high probability of manifestation of the transfer and projection mechanism in answers, indirectly determine the dominant motives of potential emigration of students. The study was carried out on a sample (N = 255) of students from four Smolensk universities (aged 17 to 24 years old; 119 young men (47%) and 136 young women (53%)) using the questionnaire designed by the authors. Methods of processing primary data – frequency and content analysis. As a result of a content analysis of students' perceptions of the motives of the emigration behavior of Russian young people, 6 main groups of motives were identified, which are based on the following factors: economic, political, legal, environmental, subjective and vital. These motivators are analyzed from the position of belonging to the attractive, expellant and individual-personal motives of emigration. The results obtained will help to expand specialists' understanding of psychological causes of young people's emigration behavior and can be used in the process of providing psychological assistance and support to potential emigrants.

Keywords: emigration, motives of emigration, emigration intentions, representation of young people.

Acknowledgments: *This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project No. 20-013-00156 A «Social and psychological space of emigration intentions of youth: cross-cultural analysis»).*

Received: 22.04.2020 / Accepted: 25.06.2020 / Published: 21.12.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

References

1. Vorob'eva O. D., Grebenyuk A. A. Comparative analysis of domestic and foreign statistics on the emigration of Russian citizens. *Voprosy Statistiki*, 2017, vol. 1, no. 9, pp. 64–73 (in Russian).
2. Baykov A. A., Lukyanets A. S., Pismennaya E. E., Ros-tovskaya T. K., Ryazantsev S. V. Youth Emigration from Russia: Skale, Channels, Consequences. *Sociological Studies*, 2018, no. 11, pp. 75–84 (in Russian). DOI: 10.31857/S013216250002787-8
3. Rosstat. 2019. Chislennost' i migratsiya naseleniya Rossiyskoy Federatsii v 2018 godu [The number and migration of the population of the Russian Federation in 2018]. Available at: https://www.gks.ru/bgd/regl/b19_107/Main.htm (accessed 27 April 2020) (in Russian).
4. Goncharov S., Volkov D. Emigratsionnye nastroyeniya [Emigration moods]. Available at: <http://www.levada.ru/2019/11/26/emigratsionnye-nastroyeniya-4/> (accessed 07 March 2020).
5. Maslennikov V. V., Linnikov A. S., Maslennikov O. V. The Estimation of Losses of the Russian Economy from Population Migration to Other Countries. *Finance: Theory and Practice*, 2018, vol. 22, no. 2, pp. 54–65 (in Russian). DOI: 10.26794/2587-5671-2018-22-2-54-65
6. Khilyi S. E., Tarique I., Schuler R. S. Incorporating the macro view in global talent management. *Human Resource Management Review*, 2015, vol. 25, no. 3, pp. 236–248. DOI: 10.1016/j.hrmr.2015.04.001
7. Mandelman F. S., Zlate A. Economic aspects of international labor migration. *International Finance*, 2017, vol. 20, no. 1, pp. 100–112. DOI: 10.1111/infi.12105
8. O sotsial'no-ekonomicheskom polozhenii Smolenskoj oblasti v yanvare-noyabre 2019 goda. 2019 [On the social and economic situation of the Smolensk region in January–November 2019. 2019]. Smolensk, Smolenskstat, 2019. 51 p. Available at: https://sml.gks.ru/storage/mediabank/dokl_11sayt.pdf (accessed 11 March 2020) (in Russian).
9. N. Gubina, ed. *Glossariy psikhologicheskikh terminov* [Glossary of psychological terms]. Moscow, Nauka Publ., 1999, p. 302. Available at: <https://www.psyoffice.ru/6-7-motiv.htm> (accessed 07 March 2020) (in Russian).
10. Savoskul M. S. Emigration from Russia to the non-CIS countries during the late 20th – the early 21st century. *Moscow University Bulletin. Series 5. Geography*, 2016, no. 2, pp. 44–53 (in Russian).

11. Ushkalov I. G., Malakha I. A. Utechka umov – masshtaby, prichiny, posledstviya [«Brain drain» – the scale, causes, consequences]. Moscow, Editorial URSS, 2016, 178 p. (in Russian).
12. Shagalkina M. V., Latukha M. O. Mitskevich E. A., Strogetskaya E. V. Factors of Migration Intentions of Talented Graduates of Leading Russian Universities. *Russian Management Journal*, 2019, vol. 17, no. 4, pp. 445–466 (in Russian). DOI: 10.21638/spbu18.2019.402
13. Lee E. A. Theory of Migration. *Demography*, 1966, vol. 3, no. 1, pp. 47–57.
14. Ryazantsev S. V., Pis'mennaya E. E., Luk'yanets A. S., Sivoplyasova S. Yu., Khramova M. N. Modern emigration from Russia and formation of Russian-speaking communities abroad. *World Economy and International Relations*, 2018, vol. 62, no. 6, pp. 93–107 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-6-93-107
15. The Global Coalition against Corruption. *Transparency International. National Integrity System Assessments*. 2016. Available at: <https://www.transparency.org/whatwedo/nis> (accessed 07 March 2020) (in Russian).
16. Vartanyan A. A. International student migration: regional aspect. *World Economy and International Relations*, 2016, vol. 60, no. 2, pp. 113–121 (in Russian).
17. Papademetriou D. G., Sumption M. *Attracting and Selecting from the Global Talent Pool – Policy Challenges*. Washington, D. C. Migration Policy Institute, 2013. 17 p.
18. Van Hear N., Bakewell O., Long K. Pushpull plus: Reconsidering the drivers of migration. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2017, vol. 44, iss. 6, pp. 927–944. DOI: 10.1080/1369183X.2017.1384135
19. Mueller C. F. *The economics of labor migration: a behavioral analysis*. New York, Academic Press, 1982. 199 p.
20. Brazhnik Yu. V., Gritsenko V. V., Efremenkova M. N., Kovaleva Yu. V., Katrovsky A. P., Murashchenkova N. V., Smotrova T. N. *Svoi ili chuzhie: social'no-psikhologicheskaya adaptatsiya sootchestvennikov v Rossii* [Friends or enemies: social and psychological adaptation of compatriots in Russia]. Smolensk, Smolenskiy gumanitarniy universitet, 2017. 252 p. (in Russian).
21. Frolova S. V. The Person's Commitment to Their Country from the Perspective of Individual Life Values. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2015, vol. 15, iss. 3, pp. 91–95 (in Russian).
22. Schwartz S. Universals in the Content and Structure of Values: Theoretical Advances and Empirical Tests in 20 Countries. In: M. Zanna, ed. *Advances in Experimental Social Psychology*. San Diego, Academic Press, 1992. Vol. 25. P. 1–65.
23. Tartakovsky E., Schwartz Sh. H. Motivation for emigration, values, wellbeing, and identification among young Russian Jews. *International journal of Psychology*, 2001, vol. 36, iss. 2, pp. 88–99. DOI: 10.1080/00207590042000100
24. Varshavskaya E. Ya., Chudinovskikh O. S. Migration intentions of graduates of Russia's regional higher educational institutions. *Moscow University Economics Bulletin. Series 6. Economy*, 2014, no. 3, pp. 36–58 (in Russian).
25. Ivanova E. I. Migration intentions of modern generations of Russians: a new wave of migration. *Problemy prognozirovaniia*, 2017, no. 3, pp. 106–118 (in Russian).
26. Florinskaya Yu. F., Karachurina L. B. New wave of intellectual emigration from Russia: motives, channels and mechanisms. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2018, no. 6 (148), pp. 183–200 (in Russian). DOI: 10.14515/monitoring.2018.6.09
27. Murashchenkova N. V., Gritsenko V. V., Efremenkova M. N. Fears and fears as predictors of students' emigration intentions. V. V. Konstantinov, total ed. *Sotsial'no-psikhologicheskaya adaptatsiya migrantov v sovremennom mire: materialy 5-y Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Socio-psychological adaptation of migrants in the modern world: materials of the 5th International scientific and practical conference]. Moscow, Pero Publ., 2020, pp. 307–314 (in Russian).

Cite this article as:

Valentina V. Gritsenko, Nadezhda V. Murashchenkova, Maria. N. Efremenkova. Representation of the Motives of Emigration of Modern Russian Youth among Smolensk Students. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2020, vol. 9, iss. 4 (36), pp. 358–366 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2020-9-4-358-366>

УДК 159.923

Представления об одиночестве в России и Болгарии (на примере студентов)

О. Ю. Стрижицкая, И. Р. Муртазина,
Л. В. Бабакова, Н. Х. Александрова

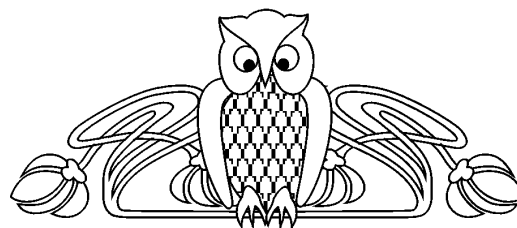
Стрижицкая Ольга Юрьевна, доктор психологических наук, профессор, кафедра психологии развития и дифференциальной психологии, Санкт-Петербургский государственный университет, o.strizhitskaya@spbu.ru

Муртазина Инна Ралифовна, кандидат психологических наук, доцент, кафедра психологии личности, Санкт-Петербургский государственный университет, i.r.myrtazina@spbu.ru

Бабакова Лилия Виткова, кандидат психологических наук, ассистент, кафедра музыкальной педагогики и дирижирования, Академия музыкальных, танцевальных и изобразительных искусств, Пловдив, Болгария, babakova_lilia@abv.bg

Александрова Наталия Христова, доктор психологических наук, профессор, Международная высшая бизнес-школа, София, Болгария, alexandrovan@yahoo.com

Одиночество является одной из фундаментальных проблем современного человека. При этом одиночество традиционно ассоциируется с негативными проявлениями и характеристиками, в то время как оно может обладать и ресурсной функцией. Актуальность исследования связана с его направленностью на многогранность понимания одиночества и выявление его ресурсных механизмов. Цель исследования, представленного в статье, заключается в сравнении представлений об одиночестве у российских и болгарских студентов. Выдвинуто предположение, что, во-первых, между нашими странами много общего и это дает возможность ожидать общего ценностно-смыслового поля, во-вторых, несмотря на смысловую близость представлений об одиночестве, выраженность отдельных ее параметров будет различаться. Исследование выполнено на выборке ($N = 442$) российских ($n = 229$) и болгарских ($n = 213$) студентов возрасте от 17 до 27 лет ($M = 20,8$ года, $SD = 1,64$; 359 женщин и 83 мужчины), проживающих в Санкт-Петербурге (Российская Федерация), Софии и Пловдиве (Болгария). Всем респондентам был задан вопрос: «Что для Вас значит одиночество?». Письменные ответы проанализированы посредством метода контент-анализа с последующим расчетом частоты встречаемости смысловой группы и подгрупп, выполнением сравнительного анализа (угловое преобразование Фишера). Отмечено, что ответы как болгарских, так и российских студентов лежат примерно в одном смысловом поле. Показано, что в обеих группах присутствовали как положительные, так и отрицательные характеристики одиночества. Установлено, что российские студенты чаще упоминают положительные свойства одиночества. Они интерпретируют одиночество чаще через возможности, которые оно им дает. Болгарские студенты чаще упоминают негативные аспекты, выражают больше опасений, связанных с одиночеством. Подобные результаты подтверждают нашу гипотезу об общем смысловом поле и при этом демонстрируют специфику представлений об одиночестве в этих

двух группах. Полученные результаты могут быть использованы для разработки программ, направленных как на снижение негативного влияния одиночества, так и на развитие его ресурсных функций.

Ключевые слова: одиночество, позитивное одиночество, представление, российские студенты, болгарские студенты, кросс-культурное исследование.

Поступила в редакцию: 06.05.2020 / Принята: 07.09.2020 / Опубликована: 21.12.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2020-9-4-367-376>

Введение

Социальная активность и включенность являются одними из ключевых характеристик функционирования человека на разных этапах его развития [1]. Начиная с подросткового возраста и заканчивая периодом старения поиск, включение, изменения в структуре социальной активности человека являются ключевыми характеристиками не только развития (на ранних этапах), но и сохранения психического здоровья в целом (на поздних этапах). Социальная активность рассматривается в разных плоскостях – от характеристик и параметров самой активности до ее эффектов, таких как адаптация и благополучие человека. В нашей работе мы решили обратиться к явлению, тесно связанному с социальной активностью и ее характеристиками, – одиночеству.

Одиночество можно назвать одним из наиболее распространенных явлений в современном обществе [2], характерным для всех возрастных групп [3]. Как отмечает Н. В. Гришина, проблема одиночества относится к фундаментальным проблемам человеческого существования. С позиции экзистенциального подхода одиночество имеет универсальный характер и положительную природу; причины одиночества кроются в условиях человеческого бытия и существуют на протяжении всей его жизни [4, с. 162–163].

Весь жизненный цикл человека можно представить как баланс между одиночеством и включенностью в социальное взаимодействие [5]. При этом в самом общем виде одиночество можно понимать как переживание собственной невовлеченности в контакты с другими людьми [6]. Одиночество является многомерным конструктом,

оно может быть как добровольным, так и вынужденным, объективным (реальное отсутствие возможности взаимодействия с другими людьми) и субъективным (отсутствие психологического контакта с окружением). Как положительное, добровольное состояние оно тесно граничит с понятиями свободы и независимости, связано с личным пространством человека, возможностями рефлексии и самопознания. Н. В. Гришина акцентирует внимание на целесообразности выделения, наряду с одиночеством как феноменом, ассоциирующимся с негативными переживаниями, одиночества как факта экзистенциальной отделенности человека от других [4]. Экзистенциальная одиночество – «признание того факта, что человек находится наедине со своими экзистенциальными проблемами и со своей жизнью, что он сам переживает свою жизнь и проживает её один, никто не может это сделать за него» [4, с. 167]. Это объективный факт человеческого существования, такой же как и смерть. Одиночество характеризуется сложной амбивалентной природой, соединяющей позитивные и негативные аспекты. Непринятие этого ведет к страху одиночества и попыткам совладать с ним посредством установления близких и удовлетворяющих отношений с другими людьми [4, с. 177].

В современном обществе все большую ценность приобретают саморазвитие, самовыражение и самоактуализация на фоне все большей динамичности социальных процессов. Особенно для западного общества характерна возрастающая ценность качества жизни, в частности качества отношений. В этих условиях одиночество может становиться не только жизненной ситуацией, но и сознательным выбором в пользу саморазвития и самосовершенствования [7–9]. Одиночество также может становиться альтернативой социальным и общественным обязанностям, давать свободу выбора и высвободить время для отдыха. В рамках эволюционной модели авторы предполагают, что одиночество может представлять собой особый период в жизни человека, когда происходит перестройка системы социальных связей, переоцениваются отношения, разрываются старые связи с тем, чтобы им на смену пришли другие, обеспечивающие близость и взаимопонимание [10,11]. Но происходит это не одномоментно, и потому возникает период, когда старые связи уже расторгнуты, а новые еще не выстроены, в этот период человека можно назвать одиноким, но это своего рода динамическое одиночество, необходимое для построения новой системы отношений. Эти идеи находят подтверждение и в других исследованиях, согласно которым в моменты подобного одиночества обостряются процессы социальной перцепции и социального интеллекта, человек находится в поиске оптимальных контактов и становится более чувствительным к окружающей социальной действительности [12]. Одновременно эволюционная модель включает и

одинокость как временное состояние, связанное с самосохранением, – это время, когда усиливается самоинтерес, направленность на себя [7, 13–15]. В такие моменты у человека могут присутствовать сразу две противоположные мотивации – на поиск новых контактов и связей и на избегание новых социальных контактов.

Хотя одиночество, на первый взгляд, тесно связано в первую очередь со средовыми факторами, исследования показывают, что определенный вклад вносят и генетические факторы [16–18]. Эти данные согласуются с результатами исследования М. Лири [19], которые показали, что поиск уединения может быть обусловлен выраженной потребностью в уединении, которая не сводится к слабой потребности в близости с другими людьми. Таким образом, можно говорить о том, что у человека может быть и определенная предрасположенность к состоянию одиночества, а возможно, и потребность в нем время от времени. Болгарские исследователи [20] считают, что есть три группы факторов, которые влияют на переживание одиночества: социальные контакты (количество и качество отношений), стандарты и критерии отношений (предпочтения, ожидания и желания личных отношений) и факторы, которые влияют на отношения (низкая самооценка, плохое здоровье) и т. д. В их исследованиях также было показано, что одиночество имеет определенную гендерную и возрастную специфику. В исследовании Н. Александровой было установлено, что у пожилых мужчин самой распространенной формой одиночества является интимно-личностное одиночество. Это свидетельствует о личных недостатках и разочаровании в пожилом возрасте. У женщин межличностные отношения являются наиболее важным предиктором для благополучия в пожилом возрасте.

Одиночество рассматривается и как несоответствие между желаемым и наличным уровнем социальной включенности [3, 9]. Особенно остро это несоответствие может проявляться в чрезвычайных ситуациях, когда человек вынужденно оказывается в ситуации ограниченного взаимодействия, например, в условиях пандемии. В то же время для понимания психологических эффектов таких вынужденных ситуаций изоляции и условного одиночества (условного, поскольку сохраняется возможность взаимодействовать через системы телекоммуникаций, однако это взаимодействие, как правило, не в полной мере решает проблему социального включения) необходимо понимание базовых механизмов его функционирования и влияния на человека в нормальных условиях.

Исследования роли культурных факторов в переживании одиночества [21] показали, что эти переживания могут быть связаны с преобладанием в обществе коллективизма и индивидуализма. Коллективизм предполагает большую значимость общественных ценностей, ориентацию на социум

в сравнении с индивидуалистическими ценностями, которые предполагают большую важность и значимость индивидуальных потребностей, что приводит к большей активности, избирательности и может сказываться на качестве контактов, снижая переживание одиночества. При этом большинство исследований одиночества выполнены на западных выборках, поэтому подобные выводы требуют дальнейшего подтверждения на более разнообразных восточных выборках. В то же время исследования одиночества у жителей больших городов по сравнению с небольшими населенными пунктами отмечают, что в связи с нестабильностью общественных процессов, конкуренцией, размыванием личных границ переживание одиночества в мегаполисах более интенсивно [22–24].

Для современных научных исследований характерен акцент на негативных коррелятах одиночества. Так, одиночество связывается с ростом вредных привычек, ухудшением субъективного и объективного здоровья, исследования в США и Европе показали, что одиночество увеличивает вероятность смертности после 50 лет от любых причин [2, 8]. Поиск в базах данных по запросу «одиночество» выдает тысячи статей о вреде одиночества. Тем не менее реалии современной жизни таковы, что все больше людей добровольно и осознанно выбирают одиночество как временное или постоянное решение. И постепенно раскрывается интерес к ресурсной составляющей одиночества (для примера [25]). Разрабатываются методы, позволяющие разносторонне подойти к феномену одиночества [6]. Несмотря на это, исследований «позитивного одиночества» остается мало [26]. Следует также отметить, что существует некоторая дихотомия одиночества – положительное – отрицательное. Однако можно предположить, что в зависимости от объективных и субъективных факторов один и тот же человек может испытывать разные виды одиночества, более того, можно допустить, что это может происходить одновременно.

В нашем исследовании мы подошли к проблеме одиночества с позиций кросс-культурных различий. Россия и Болгария исторически и культурно являлись и являются близкими странами. Обе страны в основе имеют славянские корни, но не ограничены ими (Россия в ходе освоения Сибири и Дальнего Востока вступила в союз со множеством разных народов, передав им часть своей культуры и впитав отдельные элементы их культуры, основу болгарского народа составляют славяне, но наравне с ними протоболгары и фракийцы). Обе страны находились под восточным игмом (для России татаро-монгольское иго, для Болгарии – османское), благодаря чему в культуры вплелись отдельные элементы восточной философии. Наконец, обе страны говорят на славянских, исключительно близких друг другу языках. В то же время страны различаются размерами, ресур-

сами, традициями, что позволяет предположить различия в психологических и социальных характеристиках.

Цель исследования, представленного в статье, – сравнить представления об одиночестве у российских и болгарских студентов.

Гипотеза исследования заключалась в том, что, во-первых, между нашими странами много общего и это дает возможность ожидать общего ценностно-смыслового поля, во-вторых, несмотря на смысловую близость представлений об одиночестве, выраженность отдельных ее параметров будет различаться.

Материалы и методики

Участники. В исследовании приняли участие 442 человека в возрасте от 17 до 27 лет ($M = 20,8$ года, $SD = 1,64$; 359 женщины и 83 мужчины), проживающие в Санкт-Петербурге (Россия), Софии и Пловдиве (Болгария). Все респонденты проходили обучение на момент проведения исследования (специальности включали психологию, педагогику, медицину, филологию, математику, историю, экономику, хоровое дирижирование, инструментальное исполнительство, хореографию, рисование). Участие в исследовании было добровольным («выборка по возможности»). В российскую выборку вошли 229 человек (184 женщины и 45 мужчин) в возрасте от 17 до 23 лет. Средний возраст испытуемых – 18,97 года ($SD = 1,52$). В болгарскую выборку вошли 213 человек (175 женщин и 38 мужчин) в возрасте от 19 до 37 лет. Средний возраст испытуемых – 22,67 года ($SD = 1,83$). Исследование проводилось до начала режима самоизоляции как в России, так и в Болгарии.

Методики. В связи с множеством существующих представлений об одиночестве как таковом мы предположили, что существующий инструментарий во многом отражает взгляд исследователя на проблему. При этом для нас было важно понять, что сами люди – в нашем случае студенты – вкладывают в понятие «одиночество». Русский термин «одиночество» в повседневном использовании чаще ассоциируется с негативными проявлениями и потому ближе к английскому *loneliness*. В то же время в российской научной традиции, на наш взгляд, отсутствует термин, который бы соответствовал западному *solitude*, по сути, являющемуся позитивной версией одиночества. Однако предлагаемые версии, такие как уединение, скорее отражают пространственные характеристики одиночества, нежели содержательные.

С другой стороны, в рамках нашего проекта было важно сравнить представления об одиночестве среди россиян и болгар. Чтобы решить эти две задачи, мы решили использовать контент-анализ. Всем респондентам был задан вопрос: «Что для Вас значит одиночество?». Респонденты отвечали письменно. Полученные результаты были проанализированы с помощью контент-ана-

лиза. Выделенные категории прошли экспертную оценку: в России и Болгарии соответствие ответов выделенным категориям оценивали по два независимых эксперта-психолога. Контент-анализ выполнялся отдельно на российской и болгарских выборках. На основе полученных данных был проведен анализ по полу и гражданству.

Следует отметить, что, хотя мы применяли наши методы на молодежной выборке, полученные результаты скорее описывают репрезентации представлений об одиночестве в обществе, нежели возрастные характеристики.

Методы. Первичные данные исследования обрабатывались посредством метода контент-анализа с расчетом частоты встречаемости смысловой группы и подгрупп. Методами статистической обработки результатов являлись дескриптивный, сравнительный (угловое преобразование Фишера).

Результаты и их обсуждение

Контент-анализ позволил выявить три укрупненные группы ответов на вопрос «Что для Вас значит одиночество?»: 1) положительное отношение к одиночеству; 2) негативное отношение к одиночеству; 3) нейтральное отношение к одиночеству. Как в российской, так и в болгарской части выборки наиболее представленными были группы «положительного» и «отрицательного» одиночество.

В табл. 1 представлены данные по распределению ответов в группе «положительное одиночество» в российской и болгарской выборках. Среди российской выборки 197 из 229 студентов в своих ответах использовали положительные высказывания об одиночестве. В то же время в болгарской выборке такие высказывания были

Таблица 1 / Table 1

Положительное отношение к одиночеству в российской и болгарской выборках (N = 442)

Positive attitude to loneliness in the Russian and Bulgarian group samples (N = 442)

Чувства/мысли	Юноши		Девушки		Общий показатель		φ*
	Количество ¹	%	Количество ¹	%	Количество ¹	%	
	Российская выборка						
	n = 45		n = 184		n = 229		
Уединение	14	31,1	81	44	95	41,5	–
Отдых от людей, расслабление	4	8,9	27	14,7	31	13,54	–
Спокойствие, гармония	7	15,6	14	7,6	21	9,17	–
Пространство для размышлений	2	4,4	14	7,6	16	6,99	–
Источник вдохновения и творчества	4	8,9	10	5,4	14	6,11	–
Источник развития	0	–	10	5,43	10	4,37	–
Свобода, независимость	1	2,2	6	3,3	7	3,06	–
Защита от стресса	0	–	1	0,54	1	0,44	–
Сон	0	–	1	0,54	1	0,44	–
Комфорт	0	–	1	0,54	1	0,44	–
Всего	32	–	165	–	197	–	–
	Болгарская выборка						
	n = 38		n = 175		n = 213		
Уединение	2	5,26	18	10,29	20	9,39	–
Отдых от людей, расслабление	10	26,32	10	5,71	20	9,39	2,369; p = 0,01
Спокойствие, гармония	8	21,05	10	5,71	18	8,45	2,643; p = 0,01
Пространство для размышлений	2	5,26	4	2,29	6	2,82	–
Общение со собой	0	0	4	2,29	4	1,88	–
Свобода, независимость	10	26,32	6	3,43	16	7,51	3,945; p = 0,01
Время для самосовершенствования	2	5,26	4	2,29	6	2,82	–
Возможность лени	2	5,26	1	0,57	3	1,41	–
Временное дистанцирование от повседневной жизни	0	0	6	3,43	6	2,82	–
Всего	39	–	69	–	108	–	–

Примечание. ¹ – количество респондентов, упоминавших данную категорию в своих ответах.

выявлены лишь у 108 из 213 респондентов. Из таблицы видно, что в ответах российских и болгарских студентов много общего. Так, первые четыре категории довольно близки между собой. В обеих группах положительный эффект одиночества можно интерпретировать как некоторую ресурсную функцию – одиночество, исходя из ответов наших респондентов, позволяет лучше себя понять, расслабиться, продумать свою жизнь, стратегии ее освоения, настроиться на саморазвитие и творчество.

При этом стоит отметить, что российские студенты чаще упоминают положительные составляющие одиночества. К примеру, в российской

выборке большее число молодых людей воспринимает одиночество как уединение, возможность побыть наедине с самим собой, своими мыслями и чувствами ($\varphi^* = 8,162; p = 0,01$). Интересно также, что частота упоминания положительных свойств одиночества болгарскими юношами и девушками примерно одинакова, в то время как болгарские девушки упоминают эти аспекты в два с лишним раза реже в сравнении с российскими (см. табл. 1).

Анализ негативных высказываний об одиночестве показал, что как и в случае с позитивными высказываниями, в ответах российских и болгарских студентов присутствует много схожих суждений (табл. 2). Они отмечали непонимание,

Таблица 2 / Table 2

Негативное отношение к одиночеству в российской и болгарской выборках (N = 442)
Negative attitude to loneliness in the Russian and Bulgarian group samples (N = 442)

Чувства/мысли	Юноши		Девушки		Общий показатель		φ*
	Количество ¹	%	Количество ¹	%	Количество ¹	%	
	Российская выборка						
	n = 45		n = 184		n = 229		
Изоляция	13	28,9	36	19,6	49	21,4	–
Тоска, грусть	5	11,1	26	14,1	31	13,54	–
Покинутость близкими людьми	5	11,1	22	12	27	11,79	–
Непонимание со стороны других	3	6,7	6	3,3	9	3,93	–
Страх, паника	2	4,4	6	3,3	8	3,5	–
Пустота	2	4,4	5	2,7	7	3,06	–
Тюрьма	1	2,2	2	1,1	3	1,31	–
Отсутствие эмоциональных связей с окружающими	0	–	2	1,1	2	0,87	–
Барьер, мешающий идти вперед	1	2,2	1	0,54	2	0,87	–
Смерть	0	–	1	0,54	1	0,44	–
Всего	32		107		139		
Чувства/мысли	Болгарская выборка						
	n = 38		n = 175		n = 213		
	Количество ¹	%	Количество ¹	%	Количество ¹	%	
Отсутствие человека, с которым можно поделиться	8	21,05	39	22,29	47	22,07	–
Непонимание со стороны других	14	36,84	41	23,43	55	25,82	1,643; p = 0,05
Покинутость близкими людьми	6	15,79	36	20,57	42	19,72	–
Пустота, бездна	2	5,26	12	6,86	14	6,57	–
Изоляция	3	7,90	9	5,14	12	5,63	–
Длительное и мучительное чувство / страдание	2	5,26	9	5,14	11	5,16	–
Чувство безнадежности	0	–	8	4,57	8	3,76	–
Стагнация, деградация, регресс	0	–	4	2,29	4	1,88	–
Страх, ужас, кошмар, боль	0	–	4	2,29	4	1,88	–
Чувство бесполезности и отчаяние	0	–	6	3,43	6	2,82	–
Наказание	0	–	1	0,57	1	0,47	–
Отчуждение	0	–	3	1,71	3	1,41	–
Клиническое состояние / депрессия	0	–	4	2,29	4	1,88	–
Всего	35		177		211		

Примечание. См. табл. 1.

физическую и эмоциональную изоляцию, страх, панику, негативные эмоции и даже смерть. При этом, как и в первом случае, частота ответов различалась. Несколько большее число упоминаний негативных аспектов одиночества наблюдалось в болгарской выборке, при этом, как и в первом случае, ответы молодых людей по частоте практически не различались, а болгарские девушки существенно чаще упоминали такие негативные аспекты одиночества, как покинутость близкими людьми, непонимание со стороны окружающих, отсутствие людей, с которыми можно было бы поделиться своими мыслями. Интересно отметить, что как в российской, так и в болгарской выборке вопрос, включавший в себя лишь один наиболее распространенный термин – «одиночество», вызвал как положительные, так и негативные ассоциации. Это позволяет предположить, что в

наших ментальных репрезентациях понятие «одиночество» может иметь разнообразные, зачастую противоположные значения (см. табл. 2).

Были также обнаружены нейтральные описания одиночества, в основном как естественной части жизни. Количество таких упоминаний было относительно невелико (результаты представлены в табл. 3).

Нами был проведен сравнительный анализ отношения к одиночеству в российской и болгарской группах и выявлен ряд различий (данные представлены в табл. 4).

При сопоставлении результатов двух групп было выявлено, что в сознании российских молодых людей одиночество в большей мере, чем у болгарской молодежи, связано с положительными аспектами. Так, в российской выборке большее число молодых людей воспринимает одиночество

Таблица 3 / Table 3

Нейтральное отношение к одиночеству в российской выборке (N = 442)
Neutral attitude to loneliness in the Russian group sample (N = 442)

Чувства/мысли	Юноши		Девушки		Общий показатель		φ*
	Количество ¹	%	Количество ¹	%	Количество ¹	%	
	Российская выборка						
	n = 45		n = 184		n = 229		–
Необходимость	3	6,7	18	9,8	21	9,2	–
Временное состояние	5	11,1	15	8,2	20	8,73	–
Не думал	2	4,4	0	–	2	0,87	–
Всего	10		33		43		–
	Болгарская выборка						
	n = 38		n = 175		n = 213		–
Необходимость	3	7,90	6	3,43	9	4,23	–

Примечание. См. табл. 1.

Таблица 4 / Table 4

Отношение к одиночеству в российской и болгарской выборках: сравнительный анализ (N = 442)
Attitude to loneliness in the Russian and Bulgarian group samples: a comparative analysis (N = 442)

Восприятие одиночества	Выборка (Россия) (n = 229)		Выборка (Болгария) (n = 213)		φ*
	Количество ¹	%	Количество ¹	%	
Уединение	95	41,5	20	9,39	8,162; p = 0,01
Отдых от людей, расслабление	31	13,54	20	9,39	–
Спокойствие, гармония	21	9,17	18	8,45	–
Пространство для размышлений	16	6,99	6	2,82	2,101; p = 0,05
Свобода, независимость	7	3,06	16	7,51	2,112; p = 0,05
Покинутость близкими людьми	27	11,79	42	19,72	2,301; p = 0,05
Изоляция	49	21,4	12	5,63	5,084; p = 0,01
Страх, паника	8	3,5	4	1,88	–
Непонимание со стороны других	9	3,93	55	25,82	7,017; p = 0,01
Необходимость	21	9,2	9	4,23	2,133; p = 0,05

Примечание. См. табл. 1.

как уединение, возможность побыть наедине с самим собой ($\varphi^* = 8,162$; $p = 0,01$), как пространство для размышлений, обдумывания своих идей и планов ($\varphi^* = 2,101$; $p = 0,05$). Для болгарской группы в большей степени характерно выделение негативных аспектов одиночества – покинутости близкими ($\varphi^* = 2,301$; $p = 0,05$), непонимания со стороны окружающих ($\varphi^* = 7,017$; $p = 0,01$). Интересным, на наш взгляд, является следующее: российские молодые люди в большей степени, нежели болгарские студенты, делают акцент на том, что одиночество представляет собой необходимый элемент повседневной жизни человека ($\varphi^* = 2,133$; $p = 0,05$).

Выводы

Проведенный анализ подтвердил, что в сознании как российских, так и болгарских молодых людей одиночество ассоциируется как с негативными, так и с позитивными аспектами и это создает некую общую почву для анализа и интерпретации данного явления в обеих странах. Также результаты показали, что характеристики, приписываемые одиночеству, будь то положительные или негативные, в целом находятся в едином поле значений. Вместе с тем мы обнаружили, что для российской выборки более характерен позитивно-ресурсный взгляд на одиночество, а болгарские молодые люди делают больший акцент на негативе. Полученные различия могут быть связаны с тем, что одиночество имеет не только личное, но в определенной степени и социально детерминированное содержание. Будучи достаточно консервативным и ориентированным на традиционные ценности, болгарское общество поддерживает ценность «связанности», включенности в сообщество, а следовательно, страх остаться в изоляции в нем выше. Похожие тенденции относительно роли включенности в семейную систему как фактора предотвращения одиночества среди пожилых болгар описывает в своей диссертации Л. В. Бабакова [27]. Делать подобные предположения о российском обществе проблематично, поскольку для России характерна высокая вариативность культурных, этнических и религиозных установок.

Следует отметить некоторые ограничения данного исследования, в частности, некоторый дисбаланс в соотношении девушек и юношей, связанный с добровольностью участия в исследовании, с одной стороны, и с тем, что мужчины в целом реже участвуют в психологических исследованиях, а также реже «завершают» участие в них – с другой. В связи с этим полученные гендерные различия скорее намекают тенденции для новых исследований, нежели устанавливают безусловные особенности восприятия одиночества молодыми людьми.

Полученные результаты демонстрируют неоднородность, многогранность понятия одиночества, показывают, что одиночество пережи-

вается в координатах не только пространства и связанности, но и потребности в самопознании, саморазвитии, собственной настройке, создании планов и стратегий жизни.

Другим важным результатом нашего исследования стало кросс-культурное сравнение представлений об одиночестве у российских и болгарских молодых людей. Наши данные подтвердили, что содержательно представления схожи. Можно сказать, российские и болгарские студенты находятся в едином смысловом поле относительно понятия «одиночество», что было ожидаемо, учитывая историческую близость и дружбу россиян и болгар. Однако мы смогли продемонстрировать и то, что при схожих описаниях акценты в ментальных репрезентациях одиночества расставлены несколько по-разному. Это не только дает интересную информацию собственно о представлениях об одиночестве у российских и болгарских молодых людей, но и позволяет полагать, что смысл, вкладываемый в понятие одиночества, непосредственно связан с кросс-культурными особенностями и в странах, культурно более различных, нежели Россия и Болгария, эти представления могут иметь более существенные различия.

Благодарности и финансирование: *Российская часть исследования выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 19-513-18015 «Одиночество и независимость на разных этапах жизненного цикла: перспективы и подходы в Болгарии и России»). Болгарская часть исследования выполнена при финансовой поддержке Национального научного фонда Болгарии (проект КПОБ Россия 14 «Одиночество и независимость на разных этапах жизненного цикла: перспективы и подходы в Болгарии и России»).*

Информация о вкладе каждого автора: *О. Ю. Стрижицкая – концепция и дизайн исследования, интерпретация результатов; И. Р. Муртазина – сбор и обработка данных, интерпретация результатов российской выборки; Л. В. Бабакова – сбор и обработка данных, интерпретация результатов болгарской выборки; Н. Х. Александрова – сбор и обработка данных, интерпретация результатов болгарской выборки.*

Библиографический список

1. Шамионов Р. М. Социальная активность молодежи : системно-диахронический подход // Российский психологический журнал. 2019. Т. 16. № 1. С. 166–188. DOI: 10.21702/rpj.2019.1.8
2. Stickley A., Koyanagi A., Roberts B., Richardson E., Abbott P., Tumanov S., McKee M. Loneliness : Its Correlates and Association with Health Behaviours and Outcomes in Nine Countries of the Former Soviet Union // PLoS ONE. 2013. Vol. 8, № 7. P. e67978. DOI: 10.1371/journal.pone.0067978

3. Peplau L. A., Perlman D. Perspective on loneliness // Peplau L. A., Perlman D., eds. Loneliness : A sourcebook of current theory, research and therapy. New York : John Wiley and Sons, 1982. P. 1–18.
4. Гришина Н. В. Экзистенциальная психология. СПб. : Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 2018. 494 с.
5. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия / пер. с англ. Т. С. Драбкиной. М. : Независимая фирма «Класс», 1999. 576 с.
6. Осин Е. Н., Леонтьев Д. А. Дифференциальный опросник переживания одиночества : структура и свойства // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10, № 1. С. 55–81.
7. Averill J. R., Sundararajan L. Experiences of solitude : Issues of assessment, theory, and culture // Coplan R. J., J. C. Bowker, eds. The handbook of solitude : Psychological perspectives on social isolation, social withdrawal, and being alone. Blackwell : John Wiley and Sons, Ltd., 2014. P. 90–108.
8. Леонтьев Д. А. Экзистенциальный смысл одиночества // Экзистенциальная традиция : философия, психология, психотерапия. 2011. Вып. 19, № 2. С. 101–108.
9. Layden E. A., Cacioppo J. T., Cacioppo S. Loneliness predicts a preference for larger interpersonal distance within intimate space // PLoS ONE. 2018. Vol. 13, № 9. P. e0203491. DOI: 10.1371/journal.pone.0203491
10. Boomsma D. I., Cacioppo J. T., Slagboom P., Posthuma D. Genetic Linkage and Association Analysis for Loneliness in Dutch Twin and Sibling Pairs Points to a Region on Chromosome 12q23–24 // Behavior Genetics. 2006. Vol. 36, № 1. P. 137–146. DOI: 2060/10.1007/s10519-005-9005-z
11. Cacioppo J. T., Cacioppo S., Boomsma D. I. Evolutionary mechanisms for loneliness // Cognition & Emotion. 2014. Vol. 28, № 1. P. 3–21. DOI: 2060/10.1080/02699931.2013.837379
12. Gardner W. L., Pickett C. L., Jefferis V., Knowles M. On the Outside Looking // Personality and Social Psychology Bulletin. 2005. Vol. 31, № 11. P. 1549–1560. DOI: 10.1177/0146167205277208
13. Лэнгле А. Грандиозное одиночество. Нарциссизм как антропологическо-экзистенциальный феномен // Консультативная психология и психотерапия. 2002. Т. 10, № 2. С. 34–58.
14. Мацута В. В. Аутокоммуникация человека : функциональный аспект : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Томск, 2010. 23 с.
15. Rokach A. Loneliness then and now : Reflections on social and emotional alienation in everyday life // Current Psychology. 2001. Vol. 23, iss. 1. P. 24–40. DOI: 10.1007/s12144-004-1006-1
16. Eggum-Wilkens N. D., Lemery-Chalfant K., Aksan N., Goldsmith H. H. Self-Conscious Shyness : Growth during Toddlerhood, Strong Role of Genetics, and No Prediction from Fearful Shyness // Infancy. 2015. Vol. 20, № 2. P. 160–188. DOI: 10.1111/infa.12070
17. Boomsma D. I., Willemsen G., Dolan C. V., Hawkey L. C., Cacioppo J. T. Genetic and Environmental Contributions to Loneliness in Adults : The Netherlands Twin Register Study // Behavior Genetics. 2005. Vol. 35, № 6. P. 745–752. DOI: 10.1007/s10519-005-6040-8
18. Schermer J. A., Martin N. G. A behavior genetic analysis of personality and loneliness // Journal of Research in Personality. 2019. Vol. 78, February. P. 133–137. DOI: 10.1016/j.jrp.2018.11.011
19. Leary M. R. Sociometer theory and the pursuit of relational value : Getting to the root of self-esteem // European Review of Social Psychology. 2005. Vol. 16. P. 75–111. DOI: 10.1080/10463280540000007
20. Александрова Н. Малка книжка за голямата самота. София : ИК «Проф. Петко Венедиков», 2015. 129 с.
21. Aizawa Y., Whalley M. A. Gender, Shyness, and Individualism-Collectivism : A Cross-Cultural Study // Race, Gender & Class. 2006. Vol. 13, iss. 1–2. P. 7–25. DOI: 10.2307/41675217
22. Bowman C. C. Loneliness and social change // American Journal of Psychiatry. 1955. Vol. 112, iss. 3. P. 194–198. DOI: 10.1176/ajp.112.3.194
23. Riesman D., Denney R., Glazer N. The Lonely Crowd. New Haven, CT : Yale University Press, 2001. 385 p.
24. Алёйникова О. С. Одиночество : философско-культурологический анализ : автореф. дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2005. 19 с.
25. Иванченко Г. В. Возрасты одиночества // Развитие личности. 2007. № 1. С. 55–80.
26. Long C. R., Averill J. R. Solitude : An Exploration of Benefits of Being Alone // Journal for the Theory of Social Behaviour. 2003. Vol. 33, № 1. P. 21–44. DOI: 2060/10.1111/1468-5914.00204
27. Бабакова Л. В. Повседневные неприятности и удовлетворенность жизнью в связи со стратегиями совладания в период старения (на примере Болгарии) : дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2017. 215 с.

Образец для цитирования:

Стрижницкая О. Ю., Муртазина И. Р., Бабакова Л. В., Александрова Н. Х. Представления об одиночестве в России и Болгарии (на примере студентов) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2020. Т. 9, вып. 4 (36). С. 367–376. DOI: <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2020-9-4-367-376>

Representations of Loneliness in Russia and Bulgaria (the Case Study of Students)

Olga Yu. Strizhitskaya, Inna R. Murtazina,
Lilia V. Babakova, Natalia Ch. Alexandrova

Olga Yu. Strizhitskaya, <https://orcid.org/0000-0002-7141-162X>, Saint Petersburg State University, 6, Makarova emb., Saint Petersburg 199034, Russia, o.strizhitskaya@spbu.ru

Inna R. Murtazina, <https://orcid.org/0000-0002-2204-4376>, Saint Petersburg State University, 6, Makarova emb., Saint Petersburg 199034, Russia, i.r.murtazina@spbu.ru

Lilia V. Babakova, <https://orcid.org/0000-0001-8666-4323>, Academy of music, dance and fine arts, 2 Todora Samodumova St., Plovdiv 4000, Bulgaria, babakova_lilia@abv.bg

Natalia Ch. Alexandrova, <https://orcid.org/0000-0001-9077-2247>, International business high school, 14 Gurko St., Sofia 2140, Bulgaria, alexandrovann@yahoo.com

Loneliness is one of the fundamental problems of modern people. However, loneliness is traditionally associated with negative expressions and characteristics, at the same time it may also have a resource function. The relevance of the study is associated with its focus on the multifaceted understanding of loneliness and identification of its resource mechanisms. *The purpose of the study* presented in the article is to compare the idea of loneliness among Russian and Bulgarian students. An assumption was made: firstly, there is much in common between two countries, which makes it possible to expect a common value-semantic field, and secondly, despite the semantic similarity of ideas about loneliness, expressiveness of its individual parameters will vary. The study was carried out on a sample ($N = 442$) of Russian ($n = 229$) and Bulgarian ($n = 213$) students aged 17 to 27 years old ($M = 20.8$ years, $SD = 1.64$; 359 women and 83 men), living in St. Petersburg (the Russian Federation), Sofia and Plovdiv (Bulgaria). All respondents were asked the question: "What does loneliness mean to you?". The written answers were analyzed using the method of content analysis, followed by calculating the frequency of occurrence of the semantic group and subgroups, and performing a comparative analysis (Fisher angular transformation). It was noted that the answers of both Bulgarian and Russian students lie in approximately the same semantic field. It was demonstrated that in both groups both positive and negative characteristics of loneliness were present. We established that Russian students more often mention the positive properties of loneliness. They interpret loneliness more often through the opportunities that it gives them. Bulgarian students often mention negative aspects; they express more fear related to loneliness. Similar results confirm our hypothesis about the general semantic field, and, at the same time, demonstrate particular nature of ideas about loneliness in these two groups. The results can be used to develop programs aimed both at reducing negative impact of loneliness, and on development of its resource functions.

Keywords: loneliness, positive loneliness, representations, russian students, bulgarian students, cross-cultural research.

Acknowledgments: Russian part of this work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project No. 19-513-18015 «Loneliness vs. independence across lifespan: perspectives and insights from Bulgaria and Russia»). Bulgarian part

of this work was supported by the National Scientific Foundation of Bulgaria (project No. KII06 Россия 14 «Loneliness vs. independence across lifespan: perspectives and insights from Bulgaria and Russia»).

Received: 06.05.2020 / Accepted: 07.09.2020 / Published: 21.12.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

References

1. Shamionov R. M. Social Activity of Youth: A Systematic Diachronic Approach. *Russian Psychological Journal*, 2019, vol. 16, no. 1, pp. 166–188 (in Russian). DOI: 10.21702/rpj.2019.1.8
2. Stickley A., Koyanagi A., Roberts B., Richardson E., Abbott P., Tumanov S., McKee M. Loneliness: Its Correlates and Association with Health Behaviours and Outcomes in Nine Countries of the Former Soviet Union. *PLoS ONE*, 2013, vol. 8, no. 7, p. e67978. DOI: 10.1371/journal.pone.0067978
3. Peplau L. A., Perlman D. Perspective on loneliness. In: L. A. Peplau, D. Perlman, eds. *Loneliness: A sourcebook of current theory, research and therapy*. New York, John Wiley and Sons, 1982, pp. 1–18.
4. Grishina N. V. *Ekzistentsial'naya psikhologiya* [Existential psychology]. St. Petersburg, Izd-vo Sankt-Peterb. un-ta, 2018. 494 p. (in Russian).
5. Yalom I. *Existential Psychotherapy*. Moscow, Nezavisimaya firma "Klass" Publ., 1999. 576 p. (in Russian, trans. from English).
6. Osin E. N., Leont'yev D. A. Multidimensional Inventory of Loneliness Experience: Structure and Properties. *Psychology Journal of the Higher School of Economics*, 2013, vol. 10, no. 1, pp. 55–81 (in Russian).
7. Averill J. R., Sundararajan L. Experiences of solitude: Issues of assessment, theory, and culture. In: R. J. Coplan, J. C. Bowker, eds. *The handbook of solitude: Psychological perspectives on social isolation, social withdrawal, and being alone*. Blackwell, John Wiley & Sons, Ltd., 2014, pp. 90–108.
8. Leont'yev D. A. Existential Meaning of Loneliness. *Ekzistentsial'naya traditsiya: filosofiya, psikhologiya, psikhoterapiya* [Existential Tradition: Philosophy, Psychology, Psychotherapy], 2011, iss. 19, no. 2, pp. 101–108 (in Russian).
9. Layden E. A., Cacioppo J. T., Cacioppo S. Loneliness predicts a preference for larger interpersonal distance within intimate space. *PLoS ONE*, 2018, vol. 13, no. 9, p. e0203491. DOI: 10.1371/journal.pone.0203491
10. Boomsma D. I., Cacioppo J. T., Slagboom P., Posthuma D. Genetic Linkage and Association Analysis for Loneliness in Dutch Twin and Sibling Pairs Points to a Region on Chromosome 12q23–24. *Behavior Genetics*, 2006, vol. 36, no. 1, pp. 137–146. DOI: 10.1007/s10519-005-9005-z
11. Cacioppo J. T., Cacioppo S., Boomsma D. I. Evolutionary mechanisms for loneliness. *Cognition & Emotion*, 2014, vol. 28, no. 1, pp. 3–21. DOI: 10.1080/02699931.2013.837379

12. Gardner W. L., Pickett C. L., Jefferis V., Knowles M. On the Outside Looking. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2005, vol. 31, no. 11, pp. 1549–1560. DOI: 10.1177/0146167205277208
13. Lengle A. Great Loneliness. Narcissism as an Anthropological and Existential Phenomenon. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya* [Counseling Psychology and Psychotherapy], 2002, vol. 10, no. 2, pp. 34–58 (in Russian).
14. Matsuta V. V. *Autokommunikatsiya cheloveka: funktsional'nyy aspekt* [Human Auto-Communication: Functional Aspect]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Psychol.). Tomsk, 2010. 23 p. (in Russian).
15. Rokach A. Loneliness then and now: Reflections on social and emotional alienation in everyday life. *Current Psychology*, 2001, vol. 23, iss. 1, p. 24–40. DOI: 10.1007/s12144-004-1006-1
16. Eggum-Wilkens N. D., Lemery-Chalfant K., Aksan N., Goldsmith H. H. Self-Conscious Shyness: Growth during Toddlerhood, Strong Role of Genetics, and No Prediction from Fearful Shyness. *Infancy*, 2015, vol. 20, no. 2, pp. 160–188. DOI: 10.1111/inf.12070
17. Boomsma D. I., Willemsen G., Dolan C. V., Hawkey L. C., Cacioppo J. T. Genetic and Environmental Contributions to Loneliness in Adults: The Netherlands Twin Register Study. *Behavior Genetics*, 2005, vol. 35, no. 6, pp. 745–752. DOI: 10.1007/s10519-005-6040-8
18. Schermer J. A., Martin N. G. A behavior genetic analysis of personality and loneliness. *Journal of Research in Personality*, 2019, vol. 78, February, pp. 133–137. DOI: 2060/10.1016/j.jrp.2018.11.011
19. Leary M. R. Sociometer theory and the pursuit of relational value: Getting to the root of self-esteem. *European Review of Social Psychology*, 2005, vol. 16, pp. 75–111. DOI: 10.1080/10463280540000007
20. Alexandrova N. *Malka knizhka za golyamata samota* [Small Book about Loneliness]. Sofiya, IK Prof. Petko Venedikov, 2015. 129 p. (in Bulgarian).
21. Aizawa Y., Whatley M. A. Gender, Shyness, and Individualism-Collectivism: A Cross-Cultural Study. *Race, Gender & Class*, 2006, vol. 13, iss. 1–2, pp. 7–25. DOI: 10.2307/41675217
22. Bowman C. C. Loneliness and social change. *American Journal of Psychiatry*, 1955, vol. 112, iss. 3, pp. 194–198. DOI: 10.1176/ajp.112.3.194
23. Riesman D., Denney R., Glazer N. *The Lonely Crowd*. New Haven, CT, Yale University Press, 2001. 385 p.
24. Aleynikova O. S. *Odinochestvo: filosofsko-kul'turologicheskiy analiz* [Loneliness: Philosophic and Cultural Analysis]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philos.). St. Petersburg, 2005. 19 p. (in Russian).
25. Ivanchenko G. V. Ages of Loneliness. *Razvitiye lichnosti* [Development of Personality], 2007, no. 1, pp. 55–80 (in Russian).
26. Long C. R., Averill J. R. Solitude: An Exploration of Benefits of Being Alone. *Journal for the Theory of Social Behaviour*, 2003, vol. 33, no. 1, pp. 21–44. DOI: 2060/10.1111/1468-5914.00204
27. Babakova L. V. *Povsednevnye nepriyatnosti i udovletvorennost' zhizn'yu v svyazi so strategiyami sovladaniya v period stareniya (na primere Bolgarii)* [Daily hassles and life satisfaction in the context of coping behavior during aging (on a Bulgarian sample)]. Diss. Cand. Sci. (Psychol.). St. Petersburg, 2017. 215 p. (in Russian).

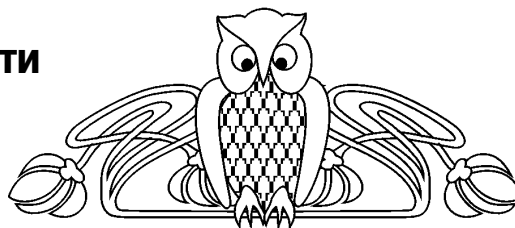
Cite this article as:

Olga Yu. Strizhitskaya, Inna R. Murtazina, Lilia V. Babakova, Natalia Ch. Alexandrova. Representations of Loneliness in Russia and Bulgaria (the Case Study of Students). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2020, vol. 9, iss. 4 (36), pp. 367–376 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2020-9-4-367-376>

УДК 316.6

Анализ взаимосвязи приверженности к гражданской активности и социально-психологических характеристик студентов

Е. В. Невский

Невский Егор Владимирович, лаборант-исследователь, кафедра социальной психологии образования и развития, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, nevskye00@gmail.com

Цель исследования, представленного в статье, заключается в выявлении взаимосвязи приверженности к гражданской активности и социально-психологических характеристик личности. Исследование выполнено на выборке студенческой молодежи ($N = 110$) в возрасте от 17 до 29 лет ($M = 23$, $SD = 3,98$), 29% мужчин и 71% женщин. В качестве методического инструментария применены: анкета, направленная на фиксацию социально-демографических характеристик респондентов; анкета, включающая шкалы самооценки социальной активности и форм ее проявления (Р. М. Шамяионов, И. В. Арндачук, Е. Е. Бочарова и др.); вопросы, направленные на самооценку доверия к институту власти в возможности реализации собственных прав и свобод; «Портретный ценностный опросник» Ш. Шварца (PVQ-R2) для изучения выраженности индивидуальных ценностей. *Предположительно* существует взаимосвязь выраженности гражданской активности и характеристик социально-политического участия, доверия к институциональным источникам и ценности открытости изменениям. Установлено, что наиболее предпочтительными формами социальной активности молодежи являются досуговая, интернет-сетевая, духовная и образовательно-развивающая. В реализации своих прав и свобод молодые люди в большей мере выражают доверие своим близким или друзьям, различным интернет-источникам. Показано, что участие молодых людей в деятельности, направленной на преобразование общества и выражение своей и коллективной гражданской позиции по вопросам общественной жизни, расширяет возможности для достижения для личных профессиональных, карьерных, экономических целей, а также реализации своих культурных, национальных, религиозных интересов при условии проявления доверия к различным институтам власти, реализующим функции обеспечения прав и свобод личности. С одной стороны, актуализация гражданской активности связана со стремлением к новизне и переменам в обществе, с другой – стремление к переменам приводит к порождению гражданской активности, связанной с преобразованием общества. Предиктором гражданской активности выступает ценность «стимуляция». Прикладной аспект разрабатываемой проблемы может быть реализован в работе с молодежью в общественных муниципальных организациях, школах, вузах.

Ключевые слова: гражданская активность, предикторы, молодежь, личность, доверие общества к источникам информации.

Поступила в редакцию: 11.05.2020 / Принята: 07.09.2020 / Опубликована: 21.12.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2020-9-4-377-384>

Введение

Понятие социальной активности личности и групп определяется в работе Р. М. Шамяионова как подразумевающее «широкий диапазон явлений – от активности, взятой в любом социальном контексте, до активности, понимаемой как конкретное поведение относительно конкретного сегмента социальной реальности» [1, с. 379]. Исследование социальной активности в психологии по преимуществу посвящено вопросам установления ее значимости [2–4], мотивации носителей социальной активности, психологических факторов, влияющих на формирование и структуру социальной активности [2; 5–8], и механизмов, позволяющих реализовать активность носителей в обществе.

В социальной психологии остро стоит вопрос о факторах гражданской активности личности, установив которые, можно наблюдать, предугадывать и влиять на развитие гражданского общества. По мнению Б. А. Никитиной [9], гражданская активность – это явление, характерное для развитых обществ, члены которых готовы выполнять данные государством права и обязанности. Также, по ее мнению, наиболее ответственные граждане развивают практику реального участия населения в муниципальном, региональном и государственном управлении. Гражданская активность является важной характеристикой социальной активности личности и групп, позволяющей реализовать права и свободы личности в гражданском обществе, тем самым удовлетворяя часть социальных потребностей индивида или групп. С другой стороны, с точки зрения государственной системы, такие активные граждане способны выполнять функцию компенсации недостатков работы государственных структур. Иначе говоря, в связке «общество – личность (группа)» гражданская активность играет определяющую роль установления психологической связи между этими инстанциями.

Между тем активность личности обусловлена множеством разных факторов, которые не всегда представляется возможным учесть, однако играющих важную роль в планировании и реализации реальной активности. З. Н. Каландаришвили [10] рассматривает шесть факторов, влияющих на формирование активной личности: психологический фактор, характеризующий идентификацию личности, установление связи с определенными социальными структурами (национальность, го-

сударство, род); юридический фактор – правовая идентичность обуславливает ориентацию в политическом пространстве; экономический фактор, стимулирующий общественно-правовую активность гражданина, нацеливая его на комфортное существование в будущем; политический фактор, влияющий на уважение к закону, правовую компетенцию, активное поведение в общественно-политической жизни общества; социальные факторы – отношение гражданина к обществу, уважение своих и чужих прав и свобод, чувство защищенности, обеспеченности и т. п.; духовные факторы, повышающие нравственный потенциал. О. Е. Березкина и Т. В. Коростелева [11] выявили четыре основных фактора, более всего влияющих на формирование гражданской активности молодежи. Первым фактором являются интернет-коммуникации, вторым – культурно-досуговые учреждения, третьим – семейно-ценностно-ориентированное воспитание и четвертым – государственная поддержка и стимулирование развития молодежи. О. Б. Михайлова [12] полагает, что наиболее эффективное изучение гражданской активности связано с комплексным подходом. Ею избран подход, при котором установлена связь между гражданской активностью и формированием гражданской идентичности и патриотизма. Прикладной аспект данного подхода может быть реализован в образовании, он развивает положительное отношение к государству и его представителям, к исполнению этим государством своих обязанностей, воспитанию личности, обладающей набором способностей, умений и навыков, необходимых в нынешней ситуации во внутренней среде государства. В совокупности эти методы положительно сказываются на формировании гражданской активности, но все упирается в условия реализации подобной образовательной программы (программ).

Существует и другая научная позиция, рассматривающая формирование гражданской активности. Так, Н. В. Волкова и Л. А. Гусева [13] указывают, что формирование гражданской активности происходит стихийно, вне деятельности различных социальных институтов, а напротив, передается путем дискуссий, обмена личным мнением, знаниями и взглядами. Гражданская активность является результатом деятельности государственных учреждений, из чего можно сделать вывод о противоречивости либо отражении действия государства на саму государственную активность, т. е. не государство целенаправленно формирует и развивает гражданскую активность, а наоборот, сама деятельность государства в разных сферах нецеленаправленно формирует эту активность, являясь «эхом» действий. Л. В. Килимова [14] отмечает, что некоммерческие организации являются одним из средств проявления гражданской активности. Ситуация с некоммерческими организациями в России плачевная, часть населения не имеет доверия к подобным организациям,

муниципальное управление не заинтересовано в их финансировании, из чего следует усугубление незаинтересованности в этой сфере.

Значительную роль в формировании гражданской активности личности играют объективные условия среды, традиции, зафиксированные в различных установках и ценностях социальных сообществ. Т. Н. Воронцова и Е. В. Юдина [15] отмечают своеобразие российского общества, его неоднородность, приводя аргументы разных исследователей. По их мнению, в российском гражданском обществе не сформирован интерес больших и малых групп, протестные движения локальны. Результаты эмпирического исследования С. Г. Максимовой позволяют говорить о том, что значительная часть населения исследуемых регионов (Алтайский край, Кемеровская область, Оренбургская область, Забайкальский край, Калининградская область, Республика Карелия) менее заинтересована социально значимой деятельностью, не понимая ее важности, только небольшой процент граждан добровольно занимается общественной деятельностью. Также С. Г. Максимова отмечает частые случаи принуждения к общественной деятельности со стороны различных учреждений, что, в свою очередь, ведет к снижению активности [16].

Ю. Б. Тарасов и В. А. Худик [17] показали, что использование различных методов, способов и приемов воспитания в процессе общественно полезной деятельности положительно влияет на воспитание гражданской активности. Речь идет о такой организации общественно полезной деятельности, которая включает в себя целенаправленный и систематический процесс воспитания.

И. В. Кирдяшкин [18] считает, что недовольство нынешней общественной обстановкой провоцирует рост в российском обществе радикальных настроений, взглядов и идей. Из-за устаревших форм воздействия политических групп и институтов и из-за давления оппозиционной части общества молодежное движение также вовлекается в этот процесс.

В исследованиях А. И. Заграничного [5] показано, что молодежь в большей степени проявляет социально-политическую активность лишь в том случае, если активность группы имеет позитивный характер. Им установлена взаимосвязь таких ситуативных факторов, влияющих на социально-политическую активность, как показатель стабильности ситуации, организованность ситуации и позитивный характер ситуации, с мировоззренческими факторами.

И. В. Троцук и К. Г. Сохадзе [19] считают движущими факторами социальной активности потребности, которые удовлетворяют общественно значимые задачи и личностные цели. Они выделяют 4 уровня социальной активности, которые отражают жизненную позицию от высокого до пассивного уровня с потенциально негативной направленностью, где высокий уровень предполагает

инициативу и творческий потенциал, а пассивный уровень с потенциально негативной направленностью включает в себя скептицизм и конформизм.

Таким образом, исследователи отмечают низкий уровень гражданской активности россиян в целом. Между тем социально-психологическая часть гражданской активности связана с мотивацией, установками и ценностями, регулирующими ее. Поэтому *цель* исследования – выявление взаимосвязи приверженности к гражданской и другим формам активности и ее социально-психологических факторов. *Предположительно* существует взаимосвязь выраженности гражданской с социально-политическими формами активности, доверия к институциональным источникам и ценностей открытости изменениям.

Материалы и методики

Участники. В исследовании приняли участие 110 студентов в возрасте от 17 до 29 лет (средний возраст 23 года, $SD = 3,98$), 29% мужчин и 71% женщин; 93% отметили, что не женаты, и 7% отметили «другое»; имеют образование: 44% – среднее школьное, 9% – среднее профессиональное, 47% – бакалавры (специалисты); по религиозным предпочтениям 57% – христианство, 13% – ислам, 13% – атеизм, 1% – буддизм, 14% ответили «другое».

Методики. Основные социально-демографические характеристики выборки зафиксированы посредством разработанной автором анкеты; для изучения различных форм социальной активности и степени их выраженности применена анкета (Р. М. Шамионов, И. В. Арндачук, Е. Е. Бочарова, М. В. Григорьева, А. И. Заграничный, М. А. Кленова, Н. В. Усова, О. А. Черкаева, А. А. Шаров), включающая 12 утверждений [2]. Респондентам предлагалось оценить свою активность в разных сферах общественной жизни, выразив степень своего согласия / несогласия по 5-балльной шкале (от 1 – максимальное несогласие до 5 – максимальное согласие).

Кроме того, респондентам предлагалось ответить на ряд вопросов, направленных на оценку собственного уровня доверия в реализации прав и свобод, своего участия в выборах в различные органы власти в стране и перспектив реализации собственных целей по 7-балльной шкале (от min – 1 балл до max – 7 баллов).

1. Попробуйте оценить уровень своего доверия в реализации ваших прав и свобод следующим субъектам: 1) региональная власть (губернатор, мэр, областное правительство, областная дума, полиция и др.); 2) федеральная власть (президент, правительство, государственная дума); 3) религиозные организации (служители церкви, мечети, синагоги и т. д.); 4) средства массовой информации (телевидение, газеты и др.); 5) интернет, социальные сети; 6) политики и (или) политические организации; 7) друзья, близкие; 8) соседи.

2. Принимаете ли вы участие в голосовании на выборах в различные органы власти в стране?

3. Как вы считаете, есть ли перспективы для достижения ваших личных профессиональных, карьерных, экономических целей в России?

4. Как вы считаете, есть ли перспективы для реализации ваших культурных, национальных, религиозных интересов в России?

Для изучения выраженности индивидуальных ценностей применен «Портретный ценностный опросник» Ш. Шварца (PVQ-R2) [20], основанный на его уточненной теории базовых индивидуальных ценностей. Методика позволяет зафиксировать оценки значимости для 19 базовых ценностей по 6-балльной шкале, располагающихся в круговом континууме.

Методы. Результаты исследования обрабатывались посредством процедур математической статистики: описательной статистики, корреляционного анализа; простого линейного регрессионного анализа. Первичные данные были внесены в сводную таблицу программы Microsoft Excel и затем импортированы в программный пакет «Statistica for Windows».

Результаты и их обсуждение

Описательная статистика. Согласно данным описательной статистики, вершина иерархии предпочтений различных форм социальной активности студентов представлена такими формами социальной активности, как досуговая ($M = 4,12$; $SD = 1,04$), интернет-сетевая ($M = 3,2$; $SD = 1,38$), духовная ($M = 3,15$; $SD = 1,38$) и образовательно-развивающая ($M = 2,96$; $SD = 1,32$). Социально-экономическая ($M = 2,71$; $SD = 1,42$), альтруистическая ($M = 2,59$; $SD = 1,28$), гражданская ($M = 2,17$; $SD = 1,08$), субкультурная ($M = 1,83$; $SD = 1,15$) формы социальной активности представлены в меньшей мере. Основание иерархии представлено такими формами социальной активности, как социально-политическая ($M = 1,68$; $SD = 0,83$), протестная ($M = 1,62$; $SD = 1,04$), религиозная ($M = 1,58$; $SD = 0,90$) и радикально-протестная ($M = 1,41$; $SD = 0,88$).

Данный факт свидетельствует о том, что социальная активность молодых людей сосредоточена преимущественно в таких сферах жизнедеятельности, как *досуговая, интернет-сетевая, духовная и образовательно-развивающая*. Полученные данные не противоречат результатам исследования выраженности форм социальной активности молодежи, ранее принятого И. В. Арндачук [4], Е. Е. Бочаровой [2]. Отметим, что оппозиционная активность, а именно участие в деятельности организаций или объединений протестной направленности и деятельности, связанной с кардинальным отрицанием каких-либо идей, взглядов и т. д., не вызывает заинтересованности у представителей студенчества.

Согласно данным описательных статистик параметров собственного доверия в реализации прав и свобод тем или иным субъектам, в большей мере выражено доверие к таким социальным группам, как друзья, близкие (M = 5,45; SD = 1,34), интернет и социальные сети (M = 3,98; SD = 1,36), соседи (M = 3,15; SD = 1,47), федеральные власти (M = 3,11; SD = 1,66) и региональные власти (M = 3,17; SD = 1,60). В наименьшей мере оценено собственное доверие к представителям политических и социальных организаций (M = 2,9; SD = 1,54), СМИ (M = 3,06; SD = 1,64) и религиозным организациям (M = 2,85; SD = 1,83). Из этих данных следует, что доверие к власти занимает «промежуточное» положение между мерой доверия, испытываемого к представителям референтных групп и интернет-социально-сетевым сообществам (высокая степень доверия) и политическим и религиозным организациям и деятелям (низкая степень доверия). Очевидно, что в реализации своих прав и свобод молодые люди выражают доверие прежде всего своим близким или друзьям, различным интернет-источникам и только потом институтам, представляющим прямо или косвенно государственные структуры.

Оценка молодыми людьми своего участия в голосовании на выборах в различные органы власти в стране соответствует M = 3,83; SD = 1,98 (при максимальной оценке баллов 7). Вероятно, в этом случае мы можем наблюдать наличие сомнения в необходимости проявления активности в выборах, связанных с перспективами страны.

С большей долей согласия, по мнению респондентов, выражена позитивная оценка перспектив для достижения собственных, личных профессиональных, карьерных, экономических целей в России, которая соответствует M = 4,08; SD = 1,68, и реализации собственных культурных, национальных, религиозных интересов в России (M = 4,08; SD = 1,68).

Как свидетельствуют данные описательной статистики, большей выраженностью отличаются ценности «благожелательность – чувство долга» (M = 5,21; SD = 1,01), «благожелательность – забота» (M = 5,17; SD = 0,99), «самостоятельность – поступки» (M = 5,11; SD = 0,96), «самостоятельность – мысли» (M = 4,98; SD = 0,90), «безопасность – общественная» (M = 4,87; SD = 1,14), «универсализм – забота о природе» (M = 4,82; SD = 1,11). Из этих данных следует, что молодые люди ориентированы прежде всего на ценности, выражающие интересы группы, благо Других и ценности свободы, роста и саморазвития, или, иначе говоря, открытости изменениям.

Середина иерархии представлена ценностями «гедонизм» (M = 4,77; SD = 1,04), «безопасность – личная» (M = 4,73; SD = 0,99), «достижение» (M = 4,71; SD = 1,09), «репутация» (M = 4,63; SD = 1,19), «универсализм – толерантность»

(M = 4,55; SD = 1,02), «универсализм – забота о других» (M = 4,40; SD = 1,08), «стимуляция» (M = 4,26; SD = 0,99).

В меньшей мере выражены параметры ценностей «скромность» (M = 3,72; SD = 1,01), «власть – ресурсы» (M = 3,52; SD = 1,19), «традиция» (M = 3,52; SD = 1,07), «власть – доминирование» (M = 3,23; SD = 1,30). Можно полагать, что ценности самоутверждения менее предпочитаемы представителями студенчества.

Результаты корреляционного анализа.

Корреляционный анализ позволил выявить достоверно значимые взаимосвязи между параметрами гражданской активности и деятельностью, проявляемой в формах образовательно-развивающей ($r = 0,348$; $p < 0,01$), альтруистической ($r = 0,647$; $p < 0,01$) и духовной активности ($r = 0,214$; $p < 0,05$). Данный факт свидетельствует о сопряженности этих форм активности: очевидно, лица, склонные (по уровню абсолютных значений приверженности) к альтруистической активности, образовательной активности, обладая определенной компетентностью в области прав и свобод, также в большей степени проявляют склонность к инициации гражданской активности.

Кроме того, обнаружены достоверно значимые взаимосвязи между гражданской активностью и социально-политической ($r = 0,540$; $p < 0,01$); протестной ($r = 0,265$; $p < 0,01$) и радикально-протестной активностью ($r = 0,209$; $p < 0,01$). Можно полагать, что участие молодежи в деятельности, направленной на преобразование общества и выражение своей и коллективной гражданской позиции по вопросам общественной жизни, не исключает ее оппозиционных инициаций, открытого выражения своей протестной позиции.

Достоверно значимые взаимосвязи обнаружены между параметрами гражданской активности и оценками своего участия в голосовании на выборах в различные органы власти в стране ($r = 0,358$; $p < 0,01$), перспектив достижения личных профессиональных, карьерных, экономических целей в России ($r = 0,195$; $p < 0,05$), перспектив реализации своих культурных, национальных, религиозных интересов в России ($r = 0,250$; $p < 0,01$). Из этих данных следует, что участие молодых людей в деятельности, направленной на преобразование общества и выражение личной и коллективной гражданской позиции по вопросам общественной жизни, расширяет возможности для достижения личных профессиональных, карьерных, экономических целей, а также реализации своих культурных, национальных, религиозных интересов. Не исключено и другое объяснение данного факта: стремление к достижению своих личных целей (профессиональных, карьерных, экономических) и реализации своих интересов (культурных, национальных, религиозных) приводит к актуализации гражданской активности.

Обнаружены достоверно значимые взаимосвязи между параметрами гражданской активности и оценок доверия к региональной власти ($r = 0,259$; $p < 0,01$), федеральной власти ($r = 0,198$; $p < 0,05$), религиозным организациям ($r = 0,260$; $p < 0,01$), СМИ ($r = 0,222$; $p < 0,05$). Возможно, эти данные свидетельствуют о том, что участие в деятельности, направленной на преобразование общества и выражение своей и коллективной гражданской позиции по вопросам общественной жизни, возможно в случае выражения доверия к различным институтам власти, реализующим функции обеспечения прав и свобод личности.

Статистически значимая связь обнаружена между параметрами гражданской активности и ценностью «стимуляция» ($r = 0,335$; $p < 0,01$). Возможно, эти данные свидетельствуют о том, что, с одной стороны, актуализация гражданской активности обусловлена стремлением к новизне и переменам в обществе, а с другой – стремление к переменам приводит к порождению гражданской активности, связанной с преобразованием общества и выражением личной и коллективной гражданской позиции по вопросам общественной жизни.

Результаты регрессионного анализа. Данные регрессионного анализа свидетельствуют о том, что 36% вариаций гражданской активности обусловлены ценностью «стимуляция» ($\beta = 0,346$), которая предполагает выражение стремления к новизне и переменам в жизни. Эти данные свидетельствуют об особой ценностной детерминации гражданской активности. Можно заключить, что в ценностной предикции гражданской активности особую значимость приобретает ценность «стимуляция» ($R^2 = 0,175$ $F = 8,785$ $p < 0.01$).

Выводы

Результаты проведенного исследования позволяют сформулировать следующие выводы.

1. Социальная активность молодежи сосредоточена преимущественно в таких сферах жизнедеятельности, как досуговая, интернет-сетевая, духовная и образовательно-развивающая.

2. В реализации своих прав и свобод молодые люди выражают доверие прежде всего к своим близким или друзьям, различным интернет-источникам и только потом институтам, представляющим прямо или косвенно государственные структуры.

3. Оценка молодыми людьми своего участия в голосовании на выборах в различные органы власти в стране свидетельствует об их сомнении в необходимости проявления активности в выборах, связанных с перспективами страны.

4. Представители молодежи позитивно оценивают перспективы достижения собственных, личных профессиональных, карьерных, экономических целей и реализации собственных куль-

турных, национальных, религиозных интересов в России.

5. Молодые люди в большей мере ориентированы на ценности, выражающие интересы группы, благо Других и ценности свободы, роста и саморазвития, или, иначе говоря, открытости изменениям, и в наименьшей мере ориентированы на ценности самоутверждения.

6. Участие молодежи в деятельности, направленной на преобразование общества и выражение своей и коллективной гражданской позиции по вопросам общественной жизни, не исключает их оппозиционных инициатив, открытого выражения своей протестной позиции, что подтверждается данными корреляционного анализа.

7. Участие молодых людей в деятельности, направленной на преобразование общества и выражение своей и коллективной гражданской позиции по вопросам общественной жизни, расширяет возможности для достижения личных профессиональных, карьерных, экономических целей, а также реализации своих культурных, национальных, религиозных интересов при условии проявления доверия к различным институтам власти, реализующим функции обеспечения прав и свобод личности.

8. С одной стороны, актуализация гражданской активности обусловлена стремлением к новизне и переменам в обществе, с другой – стремление к переменам приводит к порождению гражданской активности, связанной с преобразованием общества и выражением своей и коллективной гражданской позиции по вопросам общественной жизни.

9. В ценностной предикции гражданской активности особую значимость приобретает ценность «стимуляция».

Прикладной аспект разрабатываемой проблемы может быть реализован в работе с молодежью в общественных муниципальных организациях, школах, вузах.

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 18-18-00298 «Психологические механизмы и факторы социальной активности молодежи»).

Библиографический список

1. Шамионов Р. М. Социальная активность личности и группы : определение, структура и механизмы // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2018. Т. 15, № 4. С. 379–394. DOI: 10.22363/2313-1683-2018-15-4-379-394
2. Бочарова Е. Е. Структурная организация регулятивных факторов различных форм социальной активности молодежи // Вестник Удмуртского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 28, № 4. С. 383–389.

3. Григорьева М. В. Компоненты социальной активности личности в ситуациях неопределенности и риска // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. № 4, т. 7. С. 36–44.
4. Арендчук И. В. Ценностно-смысловые характеристики социальной активности молодежи в зависимости от форм ее проявления // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 425–432. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-4-425-432
5. Заграничный А. И. Ситуативные и мировоззренческие факторы социально-политической активности молодежи // Общество : социология, психология, педагогика. 2018. Вып. 9. С. 67–71. DOI: 10.24158/spp.2018.9.13
6. Кленова М. А. Гражданская и социально-политическая активность : дифференциация понятий // Траектории политического развития России : институты, проекты, акторы : материалы Всерос. науч. конф. РАПН с междунар. участием, Москва, МГПУ, 6–7 декабря 2019 г. / под ред. О. В. Гаман-Голутвиной, А. В. Сморгунова, Л. Н. Тимофеевой. М. : МГПУ, 2019. С. 195–196.
7. Усова Н. В. Детерминанты социально-политической активности современной молодежи // Российский психологический журнал. 2019. Т. 16, № 2. С. 164–188. DOI: 10.21702/rpj.2019.2.9
8. Невский Е. В. Активность молодежи в общественно-политической сфере // Страховские чтения : сб. науч. тр. / гл. ред. Р. М. Шамионов. Саратов, 2019. Вып. 27. С. 281–288.
9. Никитина Б. А. Институционализация гражданской активности в современном российском обществе : теоретические и практические аспекты // Теория и практика развития институтов гражданского общества в Самарской области : материалы первой регион. науч.-практ. конф. Самара : Самарская региональная общественная организация «Историко-эко-культурная ассоциация “Поволжье”», 2015. С. 27–37.
10. Каландаршвили З. Н. Факторы, влияющие на процесс конструирования правовой активности личности, как важное звено развития современного российского гражданского общества // Ленинградский юридический журнал. 2011. № 1 (23). С. 48–58.
11. Березкина О. Е., Коростелева Т. В. Факторы формирования гражданской активности молодежи // Спортивно-педагогическое образование : сетевое издание. 2018. № 2. С. 59–62.
12. Михайлова О. Б. Гражданский патриотизм как основа ценностно-мотивационной активности личности в инновационной деятельности // Вестник РУДН. Серия : Психология и педагогика. 2013. № 3. С. 14–21.
13. Волкова Н. В., Гусева Л. А. Гражданская активность как зеркало политических, духовных и культурных ценностей общества // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 5. С. 701–707.
14. Килимова Л. В. Практики гражданского общества через призму социальной активности личности // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия Экономика. Социология. Менеджмент. 2017. Т. 7, № 4 (25). С. 245–254.
15. Воронцова Т. Н., Юдина Е. В. Социокультурная специфика гражданской активности // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия Социально-экономические науки. 2017. № 1. С. 97–101. DOI: 10.17213/2075-2067-2017-1-97-101
16. Максимова С. Г. Гражданское сознание, гражданские инициативы и социальная активность населения как основы формирования гражданского общества в современной России // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 3. Гуманитарные и общественные науки. 2015. Вып. 1. С. 116–131.
17. Тарасов Ю. Б., Худик В. А. Воспитание гражданской активности к участию в общественно полезной деятельности учащейся деятельности учащейся молодежи // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 6 (49). С. 146–148.
18. Кирдяшкин И. В. Исторические константы социально-политической активности современной молодежи // Вестн. Том. гос. ун-та. 2007. № 303. С. 80–85.
19. Троцук И. В., Сохадзе К. Г. Социальная активность молодежи : подходы к оценке форм, мотивов и факторов проявления в современном российском обществе // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2014. № 4. С. 58–74.
20. Шварц Ш., Бутенко Т. П., Седова Д. С., Лунатова А. С. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей : применение в России // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9, № 2. С. 43–70.

Образец для цитирования:

Невский Е. В. Анализ взаимосвязи гражданской активности с социально-психологическими характеристиками студентов // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2020. Т. 9, вып. 4 (36). С. 377–384. DOI: <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2020-9-4-377-384>

Analysis of Relationship between Commitment to Civic Engagement and Socio-Psychological Characteristics of Students

Egor V. Nevsky

Egor V. Nevsky, <https://orcid.org/0000-0001-6785-827X>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, nevskye00@gmail.com

The purpose of the study presented in the article is to identify the relationship between commitment to civic engagement and socio-psychological characteristics of the individual. The study was carried out on a sample of young students (N = 110) aged 17 to 29 years (M = 23, SD = 3.98), 29% of men and 71% of women. The following methodological tools were used: a questionnaire aimed at fixing the socio-demographic characteristics of respondents; a questionnaire, including a scale of self-assessment of social activity and forms of its manifestation (R. M. Shamionov, I. V. Arendachuk, E. E. Bocharova,

etc.); questions aimed at self-assessment of trust in the government institution in the possibility of realizing one's own rights and freedoms; "Personal value questionnaire" by S. Schwartz (PVQ-R2) to study the expression of individual values. Presumably, there is a relationship between the severity of civil society and socio-political forms of activity, trust in institutional sources and values of openness to change. We discovered that the most preferred forms of social activity of young people are leisure, Internet network, spiritual and educational development. Young people are more likely to express confidence in their relatives or friends, and various Internet sources when exercising their rights and freedoms. We demonstrated that participation of young people in activities aimed at transforming society and expressing their own and collective civic position on issues of public life expands the possibilities of achieving personal professional, career and economic goals, as well as the realization of their cultural, national, religious interests, subject to the manifestation of trust in various governing institutions that implement the functions of ensuring the rights and freedoms of a person. Realization of civic activity is associated with desire for novelty and changes in society, on the one hand, the desire for change leads to generation of civic activity associated with transformation of society on the other hand. The value of "stimulation" is a predictor of civic activity. The study of this problem can be applied in work with young people in public municipal organizations, schools, institutes.

Keywords: civic engagement, predictors, young people, personality, public trust in information sources.

Acknowledgments: *This work was supported by the Russian Science Foundation (project No. 18-18-00298 "Psychological mechanisms and factors of social activity of young people").*

Received: 11.05.2020 / Accepted: 07.09.2020 / Published: 21.12.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

References

1. Shamionov R. M. Social Activity of Personality and Groups: Definition, Structure and Mechanisms. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 2018, vol. 15, no. 4, pp. 379–394 (in Russian). DOI: 10.22363/2313-1683-2018-15-4-379-394
2. Bocharova E. E. Structural Organization of Regulatory Factors of Various Forms of Social Activity of Young People. *Bulletin of Udmurt University. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 28, no. 4, pp. 383–389 (in Russian).
3. Grigoryeva M. V. Components of a person's social activity in situations of uncertainty and risk. *World of Science. Pedagogy and psychology*, 2019, no. 4, vol. 7, pp. 36–44 (in Russian).
4. Arendachuk I. V. Value-based meaningful Characteristics of Social Activity of Youth, Depending on the Forms of its Manifestation. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 425–432 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-4-425-432
5. Zagranichny A. I. The situational and worldview factors in the social and political involvement of the youth. *Society: sociology, psychology, pedagogics*, 2018, iss. 9, pp. 67–71 (in Russian). DOI: 10.24158/spp.2018.9.13
6. Klenova M. A. Grazhdanskaya i social'no-politicheskaya aktivnost': differenciatsiya ponyatiy [Civil and Socio-political Activity: Differentiation of Concepts]. In: Gaman-Golutvina O. V., Smorgunov A. V., Timofeeva L. N., eds. *Traektorii politicheskogo razvitiya Rossii: instituty, proekty, aktory: materialy vserossiyskoy nauchnoy konferentsii RAPN s mezhdunarodnym uchastiem. Moskovskiy pedagogicheskiy gosudarstvennyy universitet* [Trajectories of Russia's political development: institutions, projects, actors: materials of the all-Russian scientific conference of the Russian Academy of Medical Sciences with international participation]. Moscow, MGPU Publ., 2019, pp. 195–196 (in Russian).
7. Usova N. V. Determinants of Socio-political Activity of Contemporary Youth. *Russian Psychological Journal*, 2019, vol. 16, no. 2, pp. 164–188 (in Russian). DOI: 10.21702/rpj.2019.2.9
8. Nevsky E. V. Activity of Youth in the Social and Political Sphere. Shamionov R. M., total eds. *Strakhov readings*, Saratov, 2019, no. 27, pp. 281–288 (in Russian).
9. Nikitina B. A. Institutionalization of Civic Engagement in Modern Russian Society: Theoretical and Practical Aspects. In: *Teoriya i praktika razvitiya institutov grazhdanskogo obshchestva v Samarskoy oblasti: materialy pervoy regional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Theory and practice of the development of civil society institutions in the Samara region. Materials of the first regional scientific and practical conference], Samara, *Samarskaya regional'naya obshchestvennaya organizatsiya «Istoriko-eko-kul'turnaya associatsiya «Povolzh'e»*, 2015, pp. 27–37 (in Russian).
10. Kalandarishvili Z. N. Factors influencing the process of structuring a person's legal activeness as an important aspect of the development of the contemporary Russian civil society. *Leningradskiy Juridical Journal*, 2011, no. 1(23), pp. 48–58 (in Russian).
11. Berezkina O. E., Korosteleva T. V. Factors of formation of civil activity of youth. *Sports and Pedagogical Education*, 2018, no. 2, pp. 59–62 (in Russian).
12. Mikhailova O. B. Civic patriotism as basis for axiological and motivational activity of personality involved in innovative activity. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 2013, no. 3, pp. 14–21 (in Russian).
13. Volkova N. V., Guseva L. A. Civic engagement as a mirror of the political, spiritual and cultural values of the society. *Modern problems of science and education. Surgery*, 2013, no. 5, pp. 701–707 (in Russian).
14. Kilimova L. V. Practices of civil society through the prism of social activity of the personality. *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, 2017, vol. 7, no. 4 (25), pp. 245–254 (in Russian).
15. Vorontsova T. N., Yudina E. V. Sociocultural specificity of civic engagement. *Bulletin of the South Russian State Technical University (NPI). Series Socio-economic sciences*, 2017, no. 1, pp. 97–101 (in Russian). DOI: 10.17213/2075-2067-2017-1-97-101
16. Maximova S. G. Civic Consciousness, Civic Initiatives and Social Activity of the Population as a Basis for the Formation of Civil Society in Modern Russia. *Bulletin of the Perm State Humanitarian Pedagogical University*.

- Series no. 3. Humanities and social sciences, 2015, iss. 1, pp. 116–131 (in Russian).
17. Tarasov Yu. B., Khudik V. A. Forming of civil activity realized in socially useful work in students. *World of Science, Culture, Education*, 2014, no. 6 (49), pp. 146–148 (in Russian).
18. Kirdiashkin I. V. Historical constants of social and political activities of the modern young people. *Tomsk State University Journal*, 2007, no. 303, pp. 80–85 (in Russian).
19. Trotsuk I. V., Sokhadz K. G. Social activity of the youth: approaches to the assessment of forms, motives and factors in the contemporary russian society. *RUDN Journal of Sociology*, 2014, no. 4, pp. 58–74 (in Russian).
20. Schwartz Sh., Butenko T. P., Sedova D. S., Lipatova A. S. Refined theory of basic individual values: application in Russia. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2012, vol. 9, no. 2, pp. 43–70 (in Russian).

Cite this article as:

Egor V. Nevski. Analysis of Relationship between Commitment to Civic Engagement and Socio-Psychological Characteristics of Students. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2020, vol. 9, iss. 4 (36), pp. 377–384 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2020-9-4-377-384>

ПЕДАГОГИКА РАЗВИТИЯ И СОТРУДНИЧЕСТВА

УДК 37.018.4

Преимущества и направленность электронного взаимодействия в веб-обучении

Е. А. Александрова, С. И. Ахметов, М. Р. Агтия

Александрова Екатерина Александровна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой методологии образования, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, alexkatika@mail.ru

Ахметов Степан Идрисович, аспирант, кафедра методологии образования, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, akhmetov.stepan@mail.ru

Агтия Мохамед Рамадан, аспирант, кафедра методологии образования, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, mra03@fayoum.edu.eg

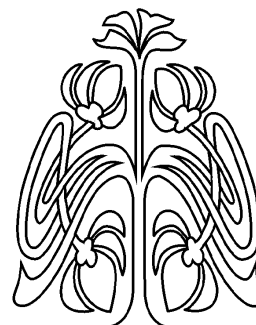
Электронное обучение (веб-обучение) является сравнительно новой активно развивающейся формой обучения и сферой научных исследований. Цель исследования, представленного в статье, состоит в описании преимуществ электронного взаимодействия обучающего и обучаемого. Гипотеза исследования состояла в том, что разнонаправленное веб-обучение создает множество вариантов эффективного взаимодействия обучающихся и педагогов. Выделены потенциально равные возможности веб-обучения – свобода доступа (свободосообразность), гибкость (мобильность) обучения, возможность развиваться в ногу со временем (культуросообразность), снижение затрат на обучение, возможность определять критерии оценки знаний (объективность), индивидуализация выбора средств обучения (свободоспособность). Показана направленность электронного взаимодействия: а) активное взаимодействие учащегося и педагогов с содержанием: взаимодействие студентов с контентом; взаимодействие преподавателя с контентом; взаимодействие содержания с содержанием; б) личное и социальное взаимодействие с педагогом, родителями и сверстниками: взаимодействие ученика с педагогом; взаимодействие учащегося с учащимся; взаимодействие педагога с педагогом; в) взаимодействие с образовательной организацией в процессе навигации между интерфейсами их взаимодействия: взаимодействие учащегося с интерфейсом; взаимодействие преподавателя с интерфейсом; взаимодействие с программами, приложениями и сайтами; взаимодействие студента с самим собой. Предложены показатели определения уровня эффективности взаимодействия в веб-программах обучения – доступность, наличие обратной связи, валидность выполнения задания. Использование педагогом на практике разной направленности веб-обучения позволит обеспечить индивидуализацию выбора средств обучения (объективность, доступность, наличие обратной связи с учащимся), а также свободу доступа к информации, гибкость (мобильность) обучения, возможность развиваться в ногу со временем.

Ключевые слова: взаимодействие, электронное взаимодействие, личное и социальное взаимодействие, электронное обучение, веб-обучение, электронная среда, культуросообразность, валидность.

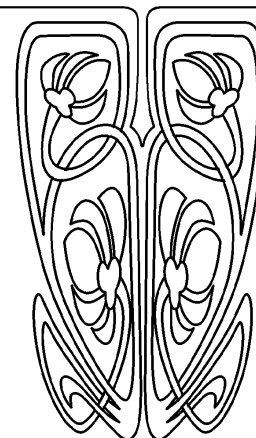
Поступила в редакцию: 05.04.2020 / Принята: 07.09.2020 / Опубликовано: 21.12.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2020-9-4-385-391>

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Введение

Никто не может оспаривать сегодня того, что компьютерные технологии оказывают безусловное влияние на развитие современного общества во всех его сферах, предоставляя возможность оперативно, вариативно и нестандартно действовать как в запланированных, так и во внеплановых ситуациях. К последним отнесем и необходимость организовать дистанционное обучение из-за пандемии, разразившейся в мире.

Компьютерные технологии широко используются и в образовательном процессе, в значительной степени изменяя формы организации учебно-воспитательного процесса на всех его уровнях. В частности, наблюдается тенденция увеличения доли электронного взаимодействия субъектов образовательного процесса [1].

Цель данной статьи состоит в описании вариантов электронного взаимодействия обучающего и обучаемого и их преимуществ в ситуации дистанционного образования.

Гипотеза исследования состояла в том, что разнонаправленное веб-обучение повысит эффективность взаимодействия обучающихся и педагогов, позволит обеспечить его соответствие современной социокультурной ситуации.

Материалы и методы

Априори взаимодействие является неотъемлемой частью любого образовательного процесса. Как термин «взаимодействие» используется и для описания современных электронных учебных ресурсов. Большинство авторов едины во мнении, что взаимодействие субъектов образовательного процесса обуславливает лучший опыт обучения, более активное обучение и дальнейшее повышение у учащихся внимания и мотивации. Тем не менее следует учитывать, что не каждое взаимодействие приводит к тому, что обучающиеся становятся более мотивированными и, как следствие, активными. Согласно исследованиям Y. Woo, T. C. Reeves, только тогда, когда взаимодействие субъектов образовательного процесса оказывает непосредственное влияние на интеллектуальный рост учащихся, следует говорить о том, что взаимодействие имеет определенный смысл [1]. При этом исследователи [2, 3] отмечают, что электронное взаимодействие представляет собой не просто влияние друг на друга, но *взаимное влияние, обуславливающее взаимное поведение* нескольких участников образовательного процесса. В трудах современных исследователей [4–6] приведен существующий ряд основных характеристик электронного взаимодействия в электронных курсах через Интернет, суммированный ими следующим образом: электронное взаимодействие является собой двухстороннюю плюралистическую коммуникацию между учащимся и системой или сайтом,

которая позволяет ему взаимодействовать с веб-страницами с учетом обеспечения быстрой обратной связи, контролировать обучение вместе с педагогом во всех образовательных мероприятиях в Интернете и отвечает пожеланиям учащихся взаимодействовать с веб-сайтом более чем одним способом общения и взаимодействия в соответствии с возможностями, доступными для каждого.

Элемент взаимодействия важен в среде электронного обучения через Интернет, поскольку способствует обучению людей с использованием новых инструментов и методов. Электронное взаимодействие широко используется в электронном обучении, обеспечивающем интерактивную среду, возможности которой позволяют учащимся взаимодействовать с контентом, ресурсами и материалами электронного обучения, с педагогом и друг с другом, будь то компьютерная или сетевая среда обучения [7].

Электронное обучение как самостоятельная форма или же составляющая дистанционного обучения представляет собой процесс обучения и преподавания с использованием электронных технологий, обеспечивающий гибкий доступ к обучающим ресурсам, экспертам, коллегам, образовательным сервисам и услугам и раскрывающий потенциал компьютерных технологий в возможности сделать обучение доступным в любое время и в любом месте [5, 8, 9].

По сути электронное обучение представляет собой процесс реализации образовательных программ с использованием информационно-образовательных ресурсов, информационно-коммуникационных технологий, технических средств, а также информационно-телекоммуникационных сетей, обеспечивающих передачу информационно-образовательных ресурсов и взаимодействие участников образовательного пространства. Его цель состоит в предоставлении обучающимся возможности освоения основных и дополнительных профессиональных образовательных программ непосредственно по месту жительства или временного их пребывания с использованием электронных образовательных технологий.

В мировом научном сообществе еще не сложилась единая точка зрения на понимание сущности и особенностей получения образования в электронной среде. Одни исследователи полагают, что нет значимой разницы между обучением в электронной среде и традиционными его формами как на самом этапе обучения, так и на этапе полученных в результате обучения знаний (T. R. Tyler). Другие, которых на данный момент большинство, полагают, что обучение в электронной среде представляет собой абсолютно новую парадигму образования, которая формирует и формируется на основе особой «культуры» обучения. Поэтому важным элементом обучения в электронной среде становятся его организация

и методология, которые в большей степени отличаются от традиционных форматов и методов обучения [10].

Результаты и их обсуждение

Большинство авторов сходится во мнении, что электронное образование имеет перед традиционным ряд преимуществ:

– *потенциально равные возможности обучения* – в данном случае имеется в виду равенство возможностей для всех обучающихся вне зависимости от их занятости, состояния здоровья и территориального расположения, а также независимость обучения от качества преподавания в конкретном учебном заведении либо от субъективного мнения педагога. Это преимущество тесно связано со следующим;

– *свобода доступа (свободообразность)* – учащийся может заниматься практически в любом месте, возрастные учащиеся имеют возможность обучаться без отрыва от основной работы, учащиеся с ограниченными возможностями здоровья – получить качественное образование, будучи территориально не в образовательной организации;

– *гибкость (мобильность) обучения* – продолжительность и последовательность изучения материала слушатель выбирает сам, полностью адаптируя весь процесс обучения под свои возможности и потребности;

– *возможность развиваться в ногу со временем (культуросообразность)* – пользователи электронных курсов, и преподаватели, и студенты, развивают свои навыки и знания в соответствии с новейшими современными технологиями и стандартами. Электронные курсы также позволяют своевременно и оперативно обновлять учебный материал;

– *снижение затрат на обучение* – учащийся несет затраты на носитель информации, но не расходует денег на методическую литературу. Кроме того, экономия растет за счет уменьшения расходов на заработную плату педагогам, содержание учебных заведений и т. д. Производство электронных учебных материалов не подразумевает вырубку леса;

– *возможность определять критерии оценивания знаний (объективность)* – при электронном обучении имеется возможность выставить четкие критерии, по которым оцениваются знания, полученные учащимся в процессе обучения;

– *индивидуализация выбора средств обучения (свободоспособность)* – предоставляет коммуникационные инструменты, которые позволяют каждому студенту выражать свое мнение и взаимодействовать в любое время и без смущения, в отличие от традиционных классов, которые лишают его этого преимущества. К ним относятся электронная почта, онлайн-дискуссионные форумы и живые чаты [8]. Это обуслов-

лено тем, что взаимодействие при веб-обучении происходит в процессе индивидуального выполнения учащимся упражнения проблемного характера (некоего задания), требующего от ученика работы над решением этой проблемы и ее разрешением. При этом важно, что взаимодействие должно быть не «навязанным» или случайным, но преподнесенным таким образом, чтобы привлечь внимание учащегося и / или быть инициированным им [9].

С учетом вышеизложенного базовой характеристикой веб-обучения является то, что оно представляет собой ключевую особенность системы электронного обучения, по существу, интерактивной.

Итак, представим **направленность электронного взаимодействия** [11–15].

Активное взаимодействие учащегося и педагогов с содержанием возможно с помощью средств навигации между его содержанием и текстами, в которых обучающийся отрабатывает ряд учебных действий (выполнение упражнений, решение задач, выполнение проектов и т. д.) во время изучения содержания и получает немедленную электронную обратную связь по завершении этих мероприятий:

– *взаимодействие студентов с контентом* – всегда является ключевым компонентом процесса обучения, даже в традиционных его формах, а электронные системы через Интернет предоставляют студентам множество инструментов для взаимодействия с контентом многими способами, которые могут быть труднодостижимы в реальности. Это делается с помощью инструментов навигации между его содержанием или текстами и соответствующими текстами и уровнями этого содержания в соответствии с потребностями учащегося и его собственным шагом;

– *взаимодействие преподавателя с контентом* – достигается за счет участия первого в подготовке содержания, а также за счет его участия в разработке мероприятий, которые включены в содержание. Педагог взаимодействует с содержанием путем мониторинга и редактирования содержания и обновления источников, которые связаны с электронной системой;

– *взаимодействие содержания с содержанием* – новый способ взаимодействия в электронных системах, означающий программирование контента для автоматического взаимодействия с другими источниками информации, поддержки и постоянного обновления контента.

Личное и социальное взаимодействие с педагогом, родителями и сверстниками предполагает общение и взаимодействие учащегося с педагогом и сверстниками с помощью интерактивных средств коммуникации и взаимодействия, таких как прямой диалог, электронная почта и дискуссионные форумы. Посредством взаимодействия обсуждаются вопросы и ответы, ведутся дебаты и дискуссии по определенной теме, осуществляется

сотрудничество в решении конкретной проблемы или вопроса:

– *взаимодействие ученика с педагогом* – обеспечивает мотивацию и обратную связь между учителем и учеником, а также учителями, которые несут ответственность за внимание учащихся, и повышает их мотивацию. Взаимодействие студента с преподавателем зависит от ряда одновременных и несинхронных инструментов и включает дискуссионные комнаты как инструмент синхронизации, электронную почту, дискуссионный форум, формы рассылки, список рассылки, который разработан в одном направлении от преподавателя ко всем студентам системы электронного обучения, доску новостей, диктора новостей, Гостевую книгу, инструмент комментариев, электронное голосование, инструмент рисования и открытки как инструменты асинхронного взаимодействия;

– *взаимодействие учащегося с учащимся* – относится к взаимодействию между учащимися индивидуально или в рамках небольших групп. Такого рода взаимодействие может быть достигнуто в среде электронного обучения / электронного обучения через Интернет с использованием более чем одного инструмента, некоторые из которых являются асинхронными, например электронная почта, а также с помощью дискуссионного форума или инструмента комментариев, близкого к существующей идее форума. Возможно комментировать и мозговой штурм по конкретной теме, а также использовать фотобиблиотеку и открытки;

– *взаимодействие педагога с педагогом* – происходит, если в одной и той же электронной системе участвует более одного преподавателя, когда данный вид взаимодействия является хорошей возможностью для профессионального развития, а также для поддержки. Этот тип взаимодействия поощряет учащихся использовать рост знаний и открывать свои собственные материалы через так называемое научное сообщество преподавателей. Он основан на тех же инструментах, которые используются во взаимодействии студентов друг с другом, таких как электронная почта, форум и дискуссионные залы.

Взаимодействие с образовательной организацией в процессе навигации между интерфейсами их взаимодействия:

– *взаимодействие учащегося с интерфейсом* – чтобы получить доступ к любому содержанию электронного курса, студент должен взаимодействовать с элементами интерфейса на основе более чем одного формата, что позволяет получить доступ к информации, которую он хочет изучить, опираясь на значки или выпадающие меню, или предоставлять навигационные ссылки в виде текстового контента или кнопок, при нажатии которых студент перемещается непосредственно в другое место, поэтому все вышеперечисленные элементы как компонен-

ты и морфологические режимы навигации по интерфейсу являются важным элементом для взаимодействия, происходящего в среде электронного обучения;

– *взаимодействие преподавателя с интерфейсом*. В среде электронного обучения преподаватель взаимодействует с теми же элементами интерфейса, которые описаны выше, как взаимодействие учащегося с интерфейсом. Это похоже на то, как студент перемещается по страницам контента, но педагог взаимодействует с большим количеством интерфейсов, чем студент, поскольку ему доступно большинство административных интерфейсов, через которые осуществляется управление инструментами и содержимым электронной системы;

– *взаимодействие с программами, приложениями и сайтами* – полезно в учебном процессе в силу многовекторности электронного взаимодействия, что также обусловлено его всеобъемлющим, охватывающим всех учащихся характером. Кроме того, плюрализм не ограничивается взаимодействием учителя и ученика, как в традиционном образовании [12];

– *взаимодействие студента с самим собой* – внутренний диалог, отражающий глубокое осмысление, а также переосмысление и пересмотр им собственного мнения. Этот паттерн взаимодействия относится и ко всем другим типам взаимодействия. Внутренний диалог обучающегося непрерывен и неотделим от любой деятельности [13].

Особо актуальным считаем вопрос об оценке качества электронного взаимодействия.

Во-первых, необходимо исследование того, как определить **уровень взаимодействия в веб-программах обучения**.

Наш опыт, а также анализ научной и научно-методической литературы [13–15] показал, что оптимальными в этом случае являются:

– *доступность* – у учащегося должно быть много способов доступа к информации, причем и последовательно, как в учебном плане, и непоследовательно, как в справочнике или через ссылки;

– *наличие обратной связи* – фиксация реакции учащегося на содержании посредством его обращения к дополнительному материалу (альтернативная интерпретация явления, записи, мультимедиа и т. д.). Также учащийся должен иметь возможность проверить свои знания в том или ином виде взаимодействия, что немедленно регистрируется компьютером;

– *валидность выполнения задания* – система должна отслеживать, что делает учащийся, что он понимает правильно и что неправильно.

Во-вторых, следует обратить внимание на такой аспект, как оценка качества существующих курсов / программ дистанционного обучения и их пригодности для использования в учебном процессе. Для этого важны разработка требова-

ний к качеству курсов дистанционного обучения и создание методик подготовки и проведения эффективных курсов дистанционного обучения, поскольку представители образовательной организации должны быть уверены, что курсы электронного обучения, которые они проводят, соответствуют самым высоким академическим стандартам.

В содержание оценки электронного обучения включаются все традиционные виды оценки – входная, текущая, рубежная и итоговая. Входная оценка позволяет установить готовность студентов к изучению учебного модуля дисциплины, провести их дифференциацию по уровню подготовленности. Особенно важна в системе электронного обучения роль текущего оценивания, которое дает возможность преподавателю и самому студенту оценить глубину усвоения материала, наметить индивидуальный темп обучения, своевременно корректировать учебный процесс. Систематическая текущая оценка, применяемая на каждой ступени обучения, позволяет определять уровень полученных знаний, структуру знаний, уровень сформированности мотивации к обучению, вовремя проводить коррекционную работу со студентами. Рубежная оценка позволяет определить готовность к переходу на следующую ступень обучения, выявить результаты пройденной ступени. Текущий и рубежный контроль позволяет видеть индивидуальное движение студента по пути развития. Итоговая оценка определяет степень освоения содержания учебных дисциплин в соответствии с поставленными целями, соответствующими ФГОС. Указанные виды оценивания имеют место при оценке как каждой изучаемой темы и дисциплины, так и качества обучения на определенном этапе (например, курсе обучения) в соответствии с универсальным технологическим алгоритмом оценки, который состоит из цепочки пошаговых мероприятий (технологических операций).

Выводы

Подводя итог, отметим еще раз: электронное обучение является сравнительно новой формой обучения и сферой научных исследований, которая, тем не менее, активно развивается.

Информация о вкладе каждого автора:

Е. А. Александрова – научное руководство, критический анализ и доработка текста, компьютерные работы, обеспечение ресурсами; С. И. Ахметов – теоретический анализ литературы по проблеме исследования, подготовка начального варианта текста, компьютерные работы; М. Р. Аттия – теоретический обзор литературы по проблеме исследования, подготовка начального варианта текста, компьютерные работы, обеспечение ресурсами.

Библиографический список

1. Woo Y., Reeves T. C. Meaningful interaction in web-based learning : A social constructivist interpretation // The Internet and Higher Education. 2007. Vol. 10, № 1. P. 15–25. DOI: 10.1016/j.iheduc.2006.10.005
2. Роберт И. В. Современное состояние фундаментальных и прикладных исследований в области информатизации отечественного образования // Человек и образование. 2017. № 2 (51). С. 165–174.
3. Ковальчук Т., Вишняков Р. Теоретические и методические аспекты использования кейс-технологии в профессиональной подготовке будущих педагогов // Людинознавчі студії. Серія «Педагогіка». 2019. № 8 (40). С. 27–42. DOI: 10.24919/2413-2039.8/40.164392
4. Белинская Е. П., Жичкина А. Е. Современные исследования виртуальной коммуникации : проблемы, гипотезы, результаты // Образование и информационная культура. Социологические аспекты. Труды по социологии образования. Т. 5. Вып. VII / под ред. В. С. Собкина. М. : Центр социологии образования РАО, 2000. С. 395–428.
5. Кирколул Е. Р., Кирколул О. В., Лескова С. С., Пупырев Н. П., Трухачева Н. В. Организация интерактивного взаимодействия в электронном обучении // Преподаватель XXI век. 2017. № 2, ч. 2. С. 72–83.
6. Брылева В. А., Сафонова О. П. Технология организации и методического сопровождения электронной веб-ориентированной среды для учебного процесса гуманитарного профиля // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2013. № 2. DOI: 10.12731/2218-7405-2013-2-8
7. Аминул Л. Б., Чайка Л. В. Электронное дистанционное обучение с использованием сервисов web 2.0 // Вестн. Астрахан. гос. техн. ун-та. Сер. управление, вычисл. техн. информ. 2016. № 1. С. 98–104.
8. Rozina I. N. Pedagogical communication in the electronic environment : theory, practice and development prospects // Educational Technology and Society. 2017. Vol. 7, no 2. P. 257–269.
9. Ubiquitous and Mobile Learning in the Digital Age / eds. D. G. Sampson, P. Isaias, D. Ifenthaler, J. M. Spector. New York : Springer Science+Business Media, 2013. 294 p.
10. Роберт И. В. Конвергентное образование : истоки и перспективы // Наука о человеке : гуманитарные исследования. 2018. № 2 (32). С. 64–76. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2018.32.64
11. Чумакова В. А. Понятие и условия эффективности электронного обучения [Электронный ресурс] // Педагогическое мастерство : материалы IX междунар. науч. конф. (г. Москва, 20–23 ноября 2016 г.). М. : Буки-Веди, 2016. С. 97–100. URL: <https://moluch.ru/conf/ped/archive/208/11165/> (дата обращения: 26.03.2020).
12. Гультияев А. К., Машин В. А. Уроки Web-мастера : технология и инструменты : практ. пособие. СПб. : КОРОНА принт, 2010. 448 с.
13. Александрова Н. А. Повышение качества обучения заочников в информационно-образовательной среде педвуза // Психолого-педагогический журнал Гаудеамус. 2010. Т. 2, № 16. С. 25–27.

14. Чванова М. С., Храмова М. В. Исследование особенностей общения пользователей в сети // Психолого-педагогический журнал Гаудеамус. 2012. Т. 2, № 20. С. 47–51.

15. Robert I. V., Mukhametzyanov I. Sh., Arinushkina A. A., Kastornova V. A., Martirosyan L. P. Forecast of the Development of Education Informatization // Revista Espacios. 2017. Vol. 38, no. 40. P. 32–39.

Образец для цитирования:

Александрова Е. А., Ахметов С. И., Аттиа М. Р. Преимущества и направленность электронного взаимодействия в веб-обучении // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2020. Т. 9, вып. 4 (36). С. 385–391. DOI: <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2020-9-4-385-391>

Advantages and Directions of Electronic Interaction in Web-Learning

Ekaterina A. Alexandrova, Stepan I. Akhmetov, Mohamed R. Attia

Ekaterina A. Alexandrova, <https://orcid.org/0000-0002-2101-7050>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, alexkatika@mail.ru

Stepan I. Akhmetov, <https://orcid.org/0000-0003-3338-7582>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, akhmetov.stepan@mail.ru

Mohamed R. Attia, <https://orcid.org/0000-0002-5557-0540>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, mra03@fayoum.edu.eg

E-learning (web-learning) is a relatively new and actively developing form of education and a field of scientific research. *The purpose* of the research presented in the article is to describe the advantages of electronic interaction between a teacher and a student. *The hypothesis* of the research was that web-learning in different directions creates many options for effective interaction between students and teachers. We revealed potentially equal opportunities for web-learning; freedom of access (freedom to choose); flexibility (mobility) of training; ability to develop in tune with the times (cultural conformity); reduction in training fees; the ability to determine the criteria for assessing knowledge (objectivity); individualization of the choice of teaching aids (freedom). We demonstrated direction of electronic interaction: a) active interaction of a student and teachers with content: interaction of students with content; teacher interaction with contents; interaction of content with content; b) personal and social interaction with a teacher, parents and peers: interaction of a student with a teacher; student-student interaction; interaction between a teacher and a teacher; c) interaction with the educational organization in the process of navigation between the interfaces of their interaction: the interaction of a student with an interface; teacher interaction with an interface; interaction with programs, applications and sites; interaction of a student with himself/herself. We propose following indicators for determining the level of interaction efficiency in web-based training programs: availability, feedback, validity of the task. The use of various orientations of web-learning by a teacher in practice will allow to ensure individualization of the choice of teaching tools, objectivity, accessibility, feedback from a student, as well as freedom of access to information, flexibility (mobility) of training, the ability to develop in tune with the times.

Keywords: interaction, electronic interaction, personal and social interaction, e-learning, web-learning, electronic environment, cultural consistency, validity.

Received: 05.04. 2020 / Accepted: 07.09. 2020 / Published: 21.12.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

References

1. Woo Y., Reeves T. C. Meaningful interaction in web-based learning: A social constructivist interpretation. *The Internet and Higher Education*, 2007, vol. 10, no. 1, pp. 15–25. DOI: 10.1016/j.iheduc.2006.10.005
2. Robert I. V. Current state of fundamental and applied research in the field of informatization of Russian education. *Man and Education*, 2017, no. 2 (51), pp. 165–174 (in Russian).
3. Kovalchuk T., Vishnyakov R. Theoretical and methodical aspects of case technology use in professional training of preservice teachers. *Human Studies. Series of «Pedagogy»*, 2019, no. 8 (40), p. 27–42 (in Russian). DOI: 10.24919/2413-2039.8/40.164392
4. Belinskaya E. P., Zhichkina A. E. Modern research of virtual communication: problems, hypotheses, results. V. S. Sobkin, ed. *Obrazovaniye i informatsionnaya kul'tura. Sotsiologicheskie aspekty. Trudy po sotsiologii obrazovaniya* [Education and information culture. Sociological aspect. Works on the sociology of education]. Vol. 5, iss. VII. Moscow, Tsentr sotsiologii obrazovaniya Publ., 2000, pp. 395–428. 462 p. (in Russian).
5. Kirkolup E. R., Kirkolup O. V., Leskova S. S., Pupyrev N. P., Trukhacheva N. V. Organization of interactive communication in e-learning. *Prepodavatel XXI vek* [Teacher of the XXI century], 2017, no. 2, pt. 2, pp. 72–83 (in Russian).
6. Bryleva V. A., Safonova O. P. Technology of organization and methodological support of an electronic web-oriented environment for the educational process of the humanitarian profile. *Modern research of social problems: scientific e-journal*, 2013, no. 2 (in Russian). DOI: 10.12731/2218-7405-2013-2-8
7. Aminul L. B., Chaika L. V. Electronic distance learning with the use of the service web 2.0 services. *Vestnik of Astrakhan State Technical University. Series: Management, Computer Sciences and Informatics*, 2016, no. 1, pp. 98–104 (in Russian).
8. Rozina I. N. Pedagogical communication in the electronic environment: theory, practice and development prospects. *Educational Technology and Society*, 2017, vol. 7, no. 2, pp. 257–269.
9. Sampson D. G., Isaias P., Ifenthaler D., Spector J. M., eds. *Ubiquitous and Mobile Learning in the Digital Age*. New York, Springer Science+Business Media, 2013. 294 p.

10. Robert I. V. Convergent education: origins and prospects. *The Science of Person: Humanitarian Researches*, 2018, no. 2 (32), pp. 64–76. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2018.32.64
11. Chumakova V. A. The concept and conditions for the effectiveness of e-learning. *Pedagogicheskoye masterstvo: materialy IX Mezhdunar. nauch. konf. (g. Moskva, 20–23 noyab. 2016 g.)* [Pedagogical skills: materials of the IX International scientific conference (Moscow, 20–23 November 2016)]. Moscow, Buki-Vedi Publ., 2016, pp. 97–100. Available at: <https://moluch.ru/conf/ped/archive/208/11165/> (accessed 26 March 2020) (in Russian).
12. Gulyaev A. K., Mashin V. A. *Uroki Web-mastera. Tekhnologiya i instrument* [Lessons of Web-master. Technology and Tools]. St. Petersburg, KORONA print, 2010. 448 p. (in Russian).
13. Aleksandrova N. A. Improving the quality of training for part-time students in the information and educational environment of a teacher training university. *Psychological and pedagogical journal Gaudeamus*, 2010, vol. 2, no. 16, pp. 25–27 (in Russian).
14. Chvanova M. S., Khramova M. V. Research of peculiarities of users' communication on the network. *Psychological and pedagogical journal Gaudeamus*, 2012. vol. 2, no. 20, pp. 47–51 (in Russian).
15. Robert I. V., Mukhametzyanov I. Sh., Arinushkina A. A., Kastornova V. A., Martirosyan L. P. Forecast of the Development of Education Informatization. *Revista Espacios*, 2017, vol. 38, no. 40, pp. 32–39.

Cite this article as:

Ekaterina A. Alexandrova, Stepan I. Akhmetov, Mohamed R. Attia. Advantages and Directions of Electronic Interaction in Web-Learning. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2020, vol. 9, iss. 4 (36), pp. 385–391 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2020-9-4-385-391>

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Международная научно-практическая конференция «Специальное образование и социокультурная интеграция – 2020: междисциплинарный подход к научным исследованиям и разработкам в области коррекционной педагогики и психологии»

В. О. Скворцова

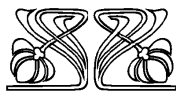
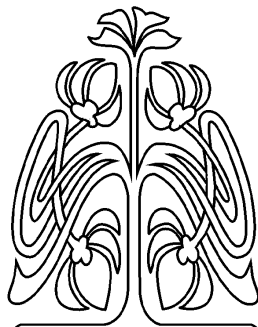
Скворцова Вероника Олеговна, кандидат социологических наук, доцент, кафедра коррекционной педагогики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, skver74@mail.ru

Представлена информация о Международной научной конференции «Специальное образование и социокультурная интеграция – 2020: междисциплинарный подход к научным исследованиям и разработкам в области коррекционной педагогики и психологии» (15–16 октября 2020 г.).

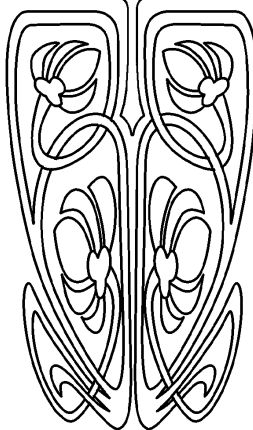
Конференция продолжает традицию ежегодных научно-практических конференций, посвященных проблемам дефектологического образования и формирования единого научного, образовательного и информационного пространства в области коррекционной педагогики и психологии. На факультете психолого-педагогического и специального образования Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского 15–16 октября 2020 года состоялась международная научно-практическая конференция «Специальное образование и социокультурная интеграция – 2020», которая является продолжением ставших уже традиционными ежегодных конференций, посвященных обсуждению приоритетов и перспектив развития дефектологической науки и практики в меняющихся условиях образования.

Цель конференции – обобщение научных исследований и опыта в области социальной интеграции и образования лиц с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), консолидация усилий международных профессиональных и общественных организаций для теоретического анализа и развития научного знания в области специальной психологии, коррекционной педагогики, реабилитологии и смежных наук. Задачи конференции: организация междисциплинарного диалога ученых и практиков, заинтересованных в решении проблем обучения, воспитания и развития детей с особыми образовательными потребностями; выработка позиции профессионального сообщества в решении вопросов социализации и образования лиц с ограниченными возможностями здоровья; разработка современных подходов к повышению качества образования детей с особыми образовательными потребностями, их позитивной социализации и успешной интеграции в социокультурное пространство.

Формы работы конференции – пленарное заседание, работа секций по направлениям, мастер-классы, круглые столы, публичные лекции (on-line). Направления работы: социальная политика государства по отношению к детям с особыми образовательными потребностями; инновационные процессы в специальном образовании; развитие цифровой образовательной среды для обучающихся с ОВЗ; современные

ПРИЛОЖЕНИЯ

проблемы коррекционной педагогики и специальной психологии; реабилитация, социальная адаптация и социокультурная интеграция лиц с ОВЗ; социальная психология инклюзивного образования; комплексное медико-социально-психолого-педагогическое сопровождение лиц с ограниченными возможностями здоровья; тьюторское сопровождение процессов образования, социализации и реабилитации; волонтерское движение как ресурс социализации; инклюзивное образование – проблемы и перспективы развития; современные тенденции развития системы раннего вмешательства; инновационные технологии в дошкольном образовании детей с ограниченными возможностями здоровья; современная логопедия: теория, методика, практический опыт; искусство как средство реабилитации лиц с ограниченными возможностями здоровья; профессионально-трудовая реабилитация и профориентация обучающихся с ограниченными возможностями здоровья; профессиональное образование лиц с ограниченными возможностями здоровья; реабилитация лиц с ограниченными возможностями здоровья средствами дополнительного образования в современном социокультурном пространстве.

Конференция призвана способствовать организации междисциплинарного диалога ученых и практиков, заинтересованных в разрешении проблем обучения, воспитания и развития детей с особыми образовательными потребностями; вы-

работке позиции профессионального сообщества в решении вопросов социализации и образования лиц с ограниченными возможностями здоровья; разработке современных подходов к повышению качества образования обучающихся с особыми образовательными потребностями, их позитивной социализации и успешной интеграции в социокультурное пространство.

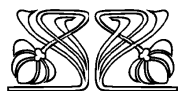
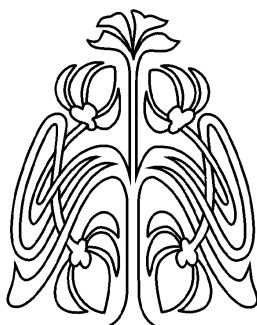
В конференции приняли участие исследователи, педагогические работники вузов и других образовательных организаций, практические дефектологи, педагоги, психологи, студенты и аспиранты дефектологических и психолого-педагогических направлений.

**International Scientific and Practical Conference:
“Special Education and Socio-Cultural Integration – 2020:
Interdisciplinary Approach to Research and Development
in the Field of Correctional Pedagogy and Psychology”**

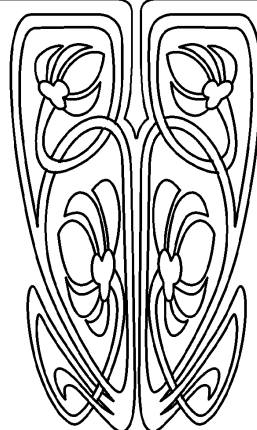
Veronika O. Skvortsova

Veronika O. Skvortsova, <https://orcid.org/0000-0002-5802-1977>,
Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, skver74@mail.ru

Here you will find information about the international scientific conference “Special Education and Socio-Cultural Integration – 2020: Interdisciplinary Approach to Research and Development in the Field of Correctional Pedagogy and Psychology” on October 15–16, 2020.

ПОДПИСКА

Подписка на 2021 год

Индекс издания в объединенном каталоге «Пресса России» 84823,
раздел 30 «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов».
Журнал выходит 4 раза в год

Цена свободная

Оформить подписку онлайн можно
в интернет-каталоге «Пресса по подписке» (www.akc.ru)

Адрес Издательства

Саратовского университета (редакции):

410012, Саратов, Астраханская, 83

Тел.: +7(845-2) 51-45-49, 52-26-89

Факс: +7(845-2) 27-85-29

E-mail: izvestiya@info.sgu.ru

Адрес редколлегии серии:

410012, Саратов, Астраханская, 83

СГУ имени Н. Г. Чернышевского
факультет психолого-педагогического
и специального образования

Тел./факс: +7(845-2) 22-51-12

E-mail: akmepsy@mail.ru

Website: <https://akmepsy.sgu.ru/>